

Александр Феклисов За океаном и на острове. Записки разведчика

Scan, OCR, SpellCheck: Zed Exmann <http://publ.lib.ru/>
«Феклисов А. За океаном и на острове. Записки разведчика»: ДЭМ; М.; 1994
ISBN 5-85207-055-6

Аннотация

Книга «За океаном и на острове» написана бывшим руководящим сотрудником внешней разведки КГБ СССР А. С. Феклисовым в виде автобиографических записок.

В ней повествуется о нелегкой и опасной деятельности сотрудников советской резидентуры в США и Англии в 40–60-х годах. В своих воспоминаниях автор описывает те разведывательные операции советской разведки в США и Англии, в которых он лично принимал участие.

Читателя, возможно, также заинтересуют те главы книги, в которых идет речь о встречах автора с крупными политическими, общественными и культурными деятелями: В.М.Молотовым, Н.С.Хрущевым, Бернардом Шоу, С.В.Рахманиновым и др., и подробности таких значительных событий, как поездка Н.С.Хрущева в США в 1959 г., Карибский кризис 1962 г., убийство президента США Дж.Кеннеди.

Александр ФЕКЛИСОВ
ЗА ОКЕАНОМ И НА ОСТРОВЕ
Записки разведчика

ПОСВЯЩАЕТСЯ моим дорогим американским и английским друзьям, помогавшим нам в Великой Отечественной войне победить фашистскую Германию, а затем предотвратить развязывание ракетно-ядерного конфликта.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Этой книгой мы открываем серию «О разведке и шпионаже из первых рук».

Нам хочется поговорить с читателями, российскими и зарубежными, о разведке и шпионаже со знанием дела, объективно и открыто. Вот почему родилась эта серия воспоминаний, авторами которой выступают выдающиеся мастера шпионажа и организаторы разведывательного дела.

В состав серии войдут воспоминания крупных разведчиков и контрразведчиков как нашей страны, так и зарубежных государств.

Наша цель – дать широкому кругу читателей объективную картину деятельности сотрудников разведслужб, рассказать о их важном и опасном труде, показать необходимость и государственную значимость задач, которые они решают.

Надеемся, что книги, в которых разведчики сами расскажут о себе и своей деятельности, заинтересуют вас.

ОТ АВТОРА

Я работал во внешней разведке КГБ СССР с июля 1939 года по июль 1974 года, то есть тридцать пять лет. За это время прошел путь от рядового оперативного сотрудника до начальника отдела. Трижды был в длительных заграничных командировках – с января 1941 года по сентябрь 1946-го в Соединенных Штатах, с сентября 1947-го по апрель 1950-го в Великобритании и с августа 1960-го по март 1964-го снова в США.

В 1974 году я вышел в отставку в звании полковника, но продолжал служить в разведке по вольному найму до середины 1986 года.

Мысль написать воспоминания о моей разведывательной работе впервые пришла, когда я смотрел по телевидению выступление писателя К. М. Симонова с его «Солдатскими мемуарами», в которых он подчеркивал необходимость, пока еще живы современники Великой Отечественной войны, записывать для будущих поколений их рассказы о событиях тех лет.

К написанию своих закрытых – для служебного пользования – воспоминаний о разведывательной работе в 1941–1946 годах я приступил в 1987-м и, не торопясь, закончил в 1988 году.

В последние годы средства массовой информации, уделяя большое внимание деятельности КГБ, в том числе и его внешней разведке, нередко допускают необъективные суждения, сгущают краски или приводят непроверенные факты. В частности, во многих опубликованных материалах утверждалось, что внешняя разведка работает неэффективно. Это неверно.

Получив разрешение руководства КГБ в 1990 году, я снова взялся за перо, чтобы рассказать широкому кругу читателей о некоторых разведывательных операциях во время моего пребывания в США и Англии. Хочу подчеркнуть, что в этой книге говорится только о тех операциях, в которых я лично участвовал. Это лишь малая толика работы, проводимой внешней разведкой КГБ в 1940–1960 годах.

Сев за свои записки, я преследовал три цели:

Во-первых, показать, что из себя представлял разведчик 40–60-х годов – его социальное происхождение и положение, общеобразовательную, политическую и профессиональную подготовку; его трудовую закалку и личные качества; и, наконец, его отношение к разведывательной работе.

Во-вторых, хотя бы вкратце осветить политическую обстановку в США и Англии в период, когда я находился там.

В-третьих, на конкретных примерах показать, как велась наша разведывательная деятельность и какие результаты были достигнуты.

Думаю, что читателей заинтересуют те главы, в которых идет речь о моих встречах с советскими государственными деятелями – В. М. Молотовым и Н. С. Хрущевым, выдающимся английским писателем Бернардом Шоу, великим русским композитором С. В. Рахманиновым и одним из крупнейших социологов XX века П. А. Сорокиным. Надеюсь, читателям будет любопытно узнать подробности о таких значительных событиях, как поездка в 1959 году Н. С. Хрущева в США, карибский ракетно-ядерный кризис 1962 года, убийство президента США Дж. Кеннеди в 1963 году.

МОЙ ПУТЬ В РАЗВЕДКУ

Даллас, 22 ноября 1963 г. Убит президент США Кеннеди...

Париж, 22 ноября 1963 г. Сотрудники ЦРУ США передают своему кубинскому агенту авторучку с замаскированной в ней отравленной иглой – орудие для уничтожения Фиделя Кастро...

Варадеро (Куба), 22 ноября 1963 г. Ф.Кастро встречается за завтраком с французским журналистом Жаном Даниэлем. Репортер имеет прямое задание американского президента найти пути примирения с кубинскими властями. За утренней трапезой они получают известие о гибели Кеннеди. Кубинский лидер потрясен...

Да, вот такое драматическое сплетение событий в один и тот же день, один и тот же год.

А мы пока мысленно перенесемся в апрель 1961-го. Сотрудник ЦРУ Г. Хант произносит по радио кодовую фразу: «Рыба красного цвета». Это – сигнал к началу вторжения на Кубу.

Радиосигнал сработал. Местом высадки по предложению ЦРУ был избран залив Кочинос, воды которого омывают малонаселенное побережье с небольшими коттеджами и крошечными, похожими на игрушечные, деревушками. За взлетной полосой сельского аэродрома полное безлюдие – зыбкая заболоченная равнина.

Вторжение началось с бомбардировки кубинских аэродромов. Руководители разведки Вашингтона рассчитывали: эту акцию поддержат силы оппозиции на острове. Однако Кастро разгадал маневр и своевременно принял меры. Всех, кто мог бы прийти на помощь высадившемуся на берег отряду кубинских эмигрантов, власти Гаваны заблаговременно арестовали.

Это был удар, имевший катастрофические последствия для всей операции ЦРУ в заливе Кочинос.

Одновременно поднялась шумиха в ООН. Соединенные Штаты были обвинены в причастности к этой акции. Тогда Кеннеди принял решение отменить второй авианалет. И хотя парашютисты-интервенты из так называемой «кубинской бригады» приняли бой, ничто уже не могло спасти их от поражения: на третий день все было кончено...

Я начал книгу с кубинской проблемы не случайно, ибо самому пришлось впоследствии принять в ее решении непосредственное участие. Я находился в США и в дни убийства президента Дж. Кеннеди. Но обо всем этом более подробно в последующих главах.

А сейчас я хочу рассказать о том, как я пришел в разведку.

Родился я в 1914 году в семье железнодорожного стрелочника, выходца из крестьян Тульской губернии. После семилетки учился в фабрично-заводском училище, на рабфаке, в Московском институте инженеров связи на радиофакультете, который успешно закончил.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Еще на пятом курсе в институт часто приходили представители военных академий, беседовали со студентами: шел набор кандидатов. Дошла очередь и до меня. Однажды меня вызвали в ЦК ВКП(б).

– Мы хотим предложить вам, молодому специалисту, очень интересную работу...

– Что ж, если подхожу – возражений не имею. Вся жизнь впереди, – ответил искренне я и вскоре уехал по путевке в дом отдыха в Геленджик. Солнце, море, кипарисы – все прекрасно!

Но однажды после завтрака ко мне подошел незнакомый человек и предъявил удостоверение местных органов НКВД.

– Вам необходимо, товарищ Феклисов, срочно выехать в Москву, – улыбнулся он. – Отдохнете потом...

В Москву – это понятно, но к кому я должен явиться? Телефон мне не дали. Загадки, да и только! Ведь посетивший меня энкаведист толком не объяснил, куда надо прибыть. Поэтому я не стал особенно торопиться, и когда вышел срок моего отпуска, вернулся домой. А там меня уже ждали встревоженные родители. Выяснилось, что несколько дней подряд к нашему дому приезжает черная «эмка».

– Тебя, сынок, разыскивают, – покачал головой отец. – Натворил что-нибудь, признайся. Соседей расспрашивают. Вот беда-то...

Через некоторое время в дверях появился мужчина лет сорока, с орлиным носом, в пенсне.

Пробасил:

– Кажется, Александр вернулся?

Родители, как по команде, утвердительно кивнули.

– Попросите-ка его выйти во двор. Разговор состоялся короткий:

– Ну, молодой человек, хочу от души поздравить – вы зачислены в школу особого назначения, сокращенно – ШОН, на один год. Там будете теперь жить и учиться. Ясно?

Затем сказал, чтобы я захватил мыло, зубную щетку, порошок и пару нижнего белья: меня сразу отвезут в школу.

Я бросился домой и объяснил, что меня срочно оформляют на работу под Москвой и мне нужно немедленно ехать туда, а вернусь через неделю. Все мои домашние – от бабушки с дедушкой до младшей сестренки, которой уже исполнилось 14 лет, – молча смотрели, как я перекидывал из чемодана в портфель незатейливые вещи. Попрощавшись со всеми, я ушел с незнакомцем.

Мы помчались по Горьковскому шоссе и скоро прибыли; в школу, находившуюся в Балашихе. Мне показали комнату, где я должен был жить вместе с другими товарищами, классы, столовую, просторный двор.

Когда я в субботу возвратился домой, родители и родственники вздохнули с облегчением. Они стали расспрашивать, какую же работу мне предложили. Я ответил:

– Берут радиоинженером на секретную радиостанцию, а в чем будет заключаться работа конкретно, пока неизвестно.

И действительно, я ничего толком не знал. Мое приобщение к миру разведки было для меня полной неожиданностью. Теперь, бросая взгляд в прошлое, должен сказать, что отчетливо понимаю, насколько неожиданно произошел крутой перелом в моей судьбе.

В то давнишнее воскресенье я еще не осознал, что мобилизация меня в органы госбезопасности резко изменит мой образ жизни, оторвет от родных мест, от близких и друзей, среди которых я вырос, и направит мою судьбу по новой, весьма сложной, но интересной дороге, откроет перспективы, о которых я не только не мечтал, но которые мне никогда и не снились.

Условия и обстановка в ШОН оказались непривычными. Школа размещалась в лесу в добротном деревянном двухэтажном доме; ее территория была огорожена забором. В верхнем этаже располагались пять спальных комнат, душевая, зал для отдыха и игр, а в нижнем – два учебных класса и столовая. Спальные комнаты были большие, в них находились два стола для занятий, две роскошные кровати с хорошими теплыми одеялами и два шкафа для одежды. Перед кроватями – коврики. Комната содержалась в идеальной чистоте. По сравнению с обстановкой, в которой я жил дома, где зимой спал на сундуке за печкой, а летом – в сарае на дровах, эти условия казались райскими.

Я, как и другие девять слушателей, остался доволен трехразовым вкусным и сытным питанием, так как в институте, в котором я до недавнего времени учился, столовой не было и обычно мой обед состоял из банки баклажанной икры или фаршированного перца, пятисот граммов черного хлеба и двух-трех стаканов чая.

Коренным образом изменился и мой внешний облик. Если в годы учебы в институте я обычно носил лыжный костюм и лыжные ботинки и все пять лет – заношенное демисезонное пальтишко, то в ШОН нам выдали по добротному пальто, шляпе (до этого шляп я никогда не брал в руки), костюм, ботинки, сорочки. Нам ежемесячно платили пятьсот рублей. Когда я, одетый с иголки, пришел в очередную субботу домой, родители ахнули от удивления.

Еще через неделю я дал матери четыре сотни. Она, как обычно, взяв деньги не считая, спросила:

– Шура, достаточно ли ты оставил себе?

И после утвердительного ответа пошла в другую комнату, чтобы положить деньги на комод.

Утром в воскресенье, во время завтрака, я заметил, что родители необычно молчаливы и пристально смотрят на меня. Затем отец, явно волнуясь, спросил:

– Сынок, нас беспокоит появление у тебя больших денег, дорогостоящей одежды, то, что ты не бываешь дома по целым неделям. Не стал ли ты заниматься какими-либо нечистыми делами?

Я попытался убедить родителей, что никакой «темной деятельностью» не занимаюсь, работаю радиоинженером в важном секретном научно-исследовательском центре, находящемся за городом; чтобы не тратить много времени на дорогу, живу там в общежитии. Однако я видел, мои слова не рассеяли сомнений у родителей.

Недели через две или три мне пришла мысль показать родителям карточку кандидата в члены партии, где было указано, с какой суммы плачу взносы. Так я и сделал. Записи в этом документе убедили их в том, что я веду честный образ жизни.

В школе училось всего десять слушателей – парни, мобилизованные в органы госбезопасности после окончания технических институтов.

Годичная программа включала изучение иностранных языков, спецдисциплин, отдельных аспектов истории ВКП(б), страноведения. Ежедневно шесть часов занятий. Обычно первые три урока отводились иностранным языкам. Пять слушателей изучали английский, трое – французский и двое – немецкий. Все начали с азов, ибо в технических вузах в то время иностранные языки преподавались крайне слабо.

В число специальных дисциплин входило освоение теории разведки для всей группы, а также радиодела для одной подгруппы и вопросов документации – приобретение и изготовление паспортов, метрических свидетельств, военных билетов, дипломов и тому подобное – для другой.

Основной метод обучения – беседы, проводившиеся сотрудниками разведки и контрразведки. На курс теории разведдела отводилось около 50 часов; освещались аспекты ухода от наружного наблюдения, вербовки, работы и организации связи с агентурой.

Я изучал радиодело: как самому собрать передатчик и приемник, а также вопросы организации и поддержания двусторонней радиосвязи. Много часов отводилось обучению работе на телеграфном ключе и приему на слух цифрового и буквенного текста по азбуке Морзе. Хотя ничего определенного нам не говорили, но мы понимали, что одна половина группы, в том числе я, готовилась на разведчиков-радивостов.

Начальником разведшколы был Владимир Харитонович Шармазанашвили. Его постоянное присутственное место находилось на Лубянке, но по мере необходимости он приезжал к нам. Воспитательная и организационная работа велась главным образом парторгом группы – слушателем Владимиром Константиновичем Коняевым.

Это был интересный человек, лет на шестнадцать – восемнадцать старше остальных слушателей. Родился он в 1897 году, участвовал в Октябрьской революции и гражданской войне, командовал кавалерийским подразделением. В 1939-м, когда его мобилизовали в органы госбезопасности, работал директором одной из самых больших московских типографий. Владимир Константинович был опытным специалистом в области типографского дела и получал приличную зарплату. В его распоряжении находилась персональная служебная машина. Оказавшись в органах НКВД, он лишился всех привилегий, но никогда не жаловался на это. Так решила партия, и он беспрекословно подчинился.

Коняев много рассказывал нам поучительных историй из своей богатой событиями жизни. Мы его уважали и ласково прозвали «дедушкой». У «дедушки» был лишь один недостаток – забывчивость. Он долгое время не мог запомнить данный ему на курсах псевдоним «Колпаков», что иногда приводило к курьезным случаям.

Однажды мы все сидели в холле и слушали музыку. Вдруг появляется «дедушка» с очками на лбу и, держа какой-то список в руках, добродушным голосом, но вполне серьезно произносит:

– Вечно этот... Колпаков уплачивает партийные взносы последним и требует особого приглашения.

Все сидящие взорвались громким хохотом. Он не понял, почему ребята смеются. И тогда один из слушателей сказал:

– «Дедушка», ведь Колпаков-то – это вы!

Он схватился рукой за макушку и, сконфуженный, выбежал из холла...

Может показаться странным, но Коняев успешно работал в разведке. В конце 60-х он ушел в отставку и вскоре умер от рака.

В нашем маленьком коллективе процесс обучения, самостоятельная подготовка и воспитательная работа протекали в спокойной деловой обстановке, без суеты, без ненужных формальных собраний и заседаний.

В школе я все свободное время уделял учебе, особенно спецдисциплинам, английскому языку, литературе, истории и культуре Англии и США.

Из десяти слушателей, окончивших школу, в разведку взяли шестерых. Меня зачислили в американское отделение.

В 1940 г. закордонную разведку вел Пятый (иностранный) отдел, в котором имелись следующие немногочисленные региональные и функциональные отделения:

- три европейских;
- американское;
- дальневосточное;

- ближневосточное;
- информационно-аналитическое;
- оперативно-техническое;
- кадровое;
- финансовое;
- хозяйственное.

Всего в центральном аппарате разведки, включая секретарей и машинисток, работало не более ста двадцати человек. Начальником моего отделения был Федор Алексеевич Будков, спокойный человек лет сорока пяти, говоривший тихо, почти шепотом. Все отделение, кроме кабинета начальника, занимало одну комнату, где размещалось шесть-семь человек.

Не успел я как следует включиться в оперативную работу, как Будков привел меня к заместителю начальника разведки Максиму Борисовичу Прудникову¹. После непродолжительной беседы он сказал:

– С кадрами, подходящими для укрепления резиден-туры в США, у нас не густо. И вот мы решили направить вас в Нью-Йорк, хотя и понимаем, что вы еще недостаточно подготовлены для выполнения всех задач. Однако надеемся, что на месте, приложив максимум усилий, вы быстро войдете в курс дела, активизируете английский язык, изучите обстановку и включитесь в разведывательную работу.

В конце беседы Прудников упомянул, что на меня возлагается задача по установлению радиосвязи из Нью-Йорка с Москвой.

Тем временем я продолжал изучать оперативную обстановку в Нью-Йорке и в США в целом, занимался переводом на русский язык агентурных сообщений, печатал их на машинке. Всю эту работу выполнял под наблюдением и руководством только что возвратившегося из Соединенных Штатов нелегала Исхака Абдулловича Ахмерова. Татарин по национальности, он по-английски говорил лучше, чем по-русски, ибо, находясь в США в течение многих лет на нелегальном положении да еще имея жену англичанку, отвык от русской речи. Стройный брюнет лет сорока, с красивым восточным лицом, немного вздернутым носом и искрящимися подвижными глазами, он отличался приветливостью в отношениях с людьми и элегантностью в одежде.

Ахмерова я называл «ходячей энциклопедией». Он отвечал как на русском, так и на английском языке на любые мои вопросы, связанные с США. Все годы работы в разведке я с благодарностью вспоминал Ахмерова, который по-отечески заботливо готовил меня к разведывательной работе в Нью-Йорке...

Вторую половину рабочего дня я посвящал подготовке к организации двусторонней радиосвязи между Москвой и Нью-Йорком. Конечно, этот канал обеспечивали несколько подразделений Иностранного отдела. Передающий радицентр готовил аппаратуру и антенны, чтобы посылать мощные сигналы на США. Приемному центру предстояло принимать слабые сигналы моего маломощного передатчика из Нью-Йорка. Конструкторы и радиотехники создавали для меня специальный аппарат. Всю эту работу, включая также фотодело и изготовление документов, вело оперативно-техническое отделение, во главе которого стоял Алексей Алексеевич Максимов².

Для меня была организована практика в радиобюро, откуда передавались и где принимались телеграммы из радиоточек, расположенных в некоторых странах Европы и Азии. Здесь работали подлинные радисты-асы. Вначале они проводили со мной тренировочные занятия по двусторонней связи, а затем стали разрешать «боевые» сеансы радиосвязи с корреспондентами, которые находились в соседних с СССР странах и чьи сигналы хорошо прослушивались. Я устанавливал с ними связь, принимал от них телеграммы и передавал им шифровки Центра. Постепенно мне стали доверять более сложные радиосеансы.

В октябре 1940 года меня направили на стажировку в американский отдел Наркомата иностранных дел, который находился тогда на углу Кузнецкого моста и улицы Дзержинского.

В то время существовала практика: отъезжающих в командировку принимал сам нарком иностранных дел. Весть о приеме Молотовым явилась для меня неожиданностью. Кроме меня пришли еще два дипломата.

Нарком меня спросил:

– Как же это вы так, голубчик, на холостом ходу? Мы ведь неженатых за границу не посылаем, тем более в США. Вам там сразу подберут красивую блондинку или брюнетку – и провокация готова.

За меня заступился А. П. Власов, заведующий отделом кадров НКВД, заметив, что в советских учреждениях Нью-Йорка работают девушки и я смогу там жениться. Молотов сказал:

– Ну что ж, товарищ Феклисов, тогда поезжайте, работайте и не подводите нас.

После этого нарком стал говорить о важности задач, стоящих перед советскими дипломатами, особенно в США и Англии. Кратко рассказал о сложности международной обстановки и о том, что советское правительство делает все возможное, чтобы не позволить капиталистическим странам втянуть нашу Родину в разгоравшуюся войну. Подчеркнул, что точно такая же задача стоит и перед

¹ С первых дней войны М. Б. Прудников добровольцем ушел в действующую армию. – Прим. авт.

² В первые дни войны ушел на фронт. Погиб в боях под Москвой. Посмертно награжден. – Прим. авт.

сотрудниками советских заграничных представительств. Они должны тщательно изучать взаимоотношения между главными капиталистическими странами. Основное внимание Молотов просил уделить выявлению тайных шагов Англии и США по прекращению войны с фашистской Германией, заключению альянса, направленного против СССР.

Во время разговора Молотов расхаживал по кабинету. На нем были темно-сиреневый костюм-тройка из советской ткани «метро» и белая сорочка с галстуком. Свои мысли он излагал четко и энергично, время от времени жестикулируя руками. Признаков заикания не чувствовалось. Мне показалось, что нарком внешне в своей манере разговаривать с людьми сознательно или подсознательно копировал Ленина, причем такого, какого я знал по кинофильмам.

Моя подготовка к отъезду в командировку шла быстро.

Третьего января 1941 года Будков предупредил меня, что нужно как можно быстрее выезжать в Нью-Йорк. В НКВД заказали железнодорожные и пароходные билеты. Две недели ушли на сборы: получение паспорта, билетов на поезд Москва – Владивосток, инструктаж в ЦК ВКП(б) и сдачу партбилета, подгонку экипировки у портного; окончательную доработку плана-задания, прием руководством разведки.

ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Поезд из Москвы во Владивосток отправлялся с Ярославского вокзала, как помню, в 16 часов. В день отъезда я на работу не пошел. Мать и отец не отходили от меня ни на шаг. Я сказал им, что меня командируют во Владивосток. За прощальным обедом разговор как-то не клеился, настроение у родителей было грустное, а у матери все время навертывались слезы. Время от времени в квартиру заходили соседи по дому, чтобы сказать мне «до свидания», пожелать счастливой дороги, успеха на новом месте работы.

В два часа дня я тепло попрощался с плачущей мамой, с бабушкой, бабушкой и сестрами Тасей и Аней. Братья Борис и Геннадий работали. Отец решил проводить меня до заставы Ильича. Я шел с ним по заснеженному Двенадцатому Рабочему переулку и Рабочей улице. День стоял пасмурный. На отце были поношенная шапка-ушанка, старое зимнее пальто, неопределенного из-за своей заношенности цвета – не то серого, не то черного. Бороду и усы покрыл иней. Лицо осунувшееся, болезненное, только серые глаза, хотя и печальные, оставались лучистыми и живыми. Я был одет по-осеннему и во все новое: серая шляпа, черное пальто, темно-серый костюм, на ногах начищенные черные полуботинки, а на руках – черные кожаные перчатки. Наша одежда резко контрастировала, и я неожиданно заметил, что на это обращают внимание шедшие навстречу люди, среди которых были наши знакомые. Мне стало стыдно, что мой отец одет так худо. На мое замечание, что следует купить новые пальто и шапку, отец, убежденный в своей правоте, твердым голосом ответил:

– Что ты, сынок! Пальто и шапка еще хорошие, не рваные, и я поношу еще годика два-три. Разве можно такие хорошие вещи выбрасывать?

После этих слов я понял, что мои возражения и замечания не изменят образа жизни и привычек отца, устоявшихся за полвека.

После некоторого молчания отец начал озабоченно говорить о сложности международной обстановки, о возможном нападении Германии на нашу Родину. Когда я заметил, что между нашими странами существует договор о ненападении, отец убежденно возразил:

– Договор – это бумажка. Немцы коварные и вероломные. Я знаю, воевал против них. Они пойдут войной на нас.

Так, разговаривая, мы дошли до заставы Ильича. Увидев, что приближается нужный мне трамвай, отец заторопился и произнес слова, запомнившиеся мне на всю жизнь:

– Работай, Шура, хорошо, чтобы мне с матерью не было стыдно за тебя. До свидания, сынок, может быть, больше не увидимся. Бойся немца, я его знаю.

Мы крепко обнялись и расцеловались. Поднявшись в почти пустой вагон, я встал на задней площадке. Трамвай сделал полукольцо на площади и, громя колесами, стал быстро набирать скорость, а я все смотрел через стекло на сиротливую, сгорбленную фигуру отца, медленно махавшего мне шапкой...

Слова отца при расставании оказались пророческими: через полгода Германия напала на Советский Союз, а в сентябре сорок второго отец умер, и мне его увидеть больше не пришлось.

Поезд до Владивостока шел почти 10 суток. В пути я вдоволь наигрался в шахматы и домино, прочитал две книги и отоспался. Наконец около полудня поезд прибыл на конечный пункт. Нас, ехавших в советские дипломатические представительства, встретил сотрудник НКВД. Шифровальщиков и меня поместили в небольшом охраняемом домике, где обычно останавливались дипкурьеры, и выдали талоны для разового питания в гостинице.

Во Владивостоке мы прожили пять дней, ожидая японский пароход, на котором прибыли в Цуругу – порт на западном побережье Страны восходящего солнца. Так я впервые попал за границу, да еще в такой экзотический край, как Япония.

Вице-консул утром напоил нас чаем, отвез на вокзал и отправил поездом в Иокогаму, откуда мы должны были пароходом отплыть в Сан-Франциско.

В Иокогаме нас разместили в солидной гостинице «Империял». Здесь нам пришлось впервые

столкнуться с японской контрразведкой и службой наружного наблюдения. Всякий раз, когда сотрудники НКВД и я отправлялись в город, за нами в непосредственной близости следовали филеры пешком, на велосипедах или в автомашине. Однажды, когда мы гуляли по городу, к нам вдруг подошел японец и, приветливо кланяясь, сказал:

– Дальше идти вам нельзя, там находится военный объект.

Мы безропотно повернули обратно. Японец, продолжая улыбаться, в знак благодарности несколько раз поклонился. Был случай, когда у одного из нас ветром сдуло шляпу, наружник быстро ее поймал и с радостной миной возвратил владельцу.

В один из дней я решил поехать в посольство СССР в Токио, чтобы выяснить, что слышно о нашем отъезде. В вестибюле отеля перед выходом меня остановил привратник в форме и, коверкая русские слова, начал бессвязно говорить: «Корошая погода. Здравсте», стараясь задержать меня. Я все же выскочил на улицу, сел в такси и велел водителю отвезти меня на железнодорожную станцию. Привратник, вышедший на улицу вслед за мной, что-то сказал шоферу, и тот стал медлить с отъездом. Я попросил водителя трогаться. Таксист что-то отвечал по-японски, но машина с места не двигалась. Тогда я вышел и перебрался в другое такси, сев на заднее сиденье. Когда машина уже трогалась, к ней подбежал запыхавшийся японец, который прежде следил за нами, плюхнулся на сиденье рядом с водителем и, повернувшись ко мне, сказал по-английски:

– Мистер, я заплачу половину за проезд. Я ответил:

– О'кей.

Сотрудник «наружки» сопровождал меня на электричке и на автобусе до советского посольства. В консульском отделе я получил необходимые сведения, узнал, что завтра с уходящей диппочтой можно отправить домой письмо. Пообедав в посольской столовой, я направился обратно в «Имperial». Тот же самый филер исправно следовал за мною.

После ужина я закрыл на ключ и на засов дверь, положил письма своих спутников в столик, стоявший перед окном, и лег спать. Около четырех часов утра я проснулся, услышав какой-то шорох. Непонятные звуки время от времени повторялись. Затем зашевелились гардины на окне. Я вскочил, откинул штору и увидел смеющуюся физиономию японца, стоявшего на лестнице. Под окном в летнем саду два других японца держали переносную лестницу. Поняв свою оплошность, они схватили лестницу и скрылись в темноте. Видимо, эти пришельцы намеревались выкрасть наши письма.

Утром я отвез почту в консульский отдел советского посольства в Токио.

Завтракать, обедать и ужинать в ресторан отеля мы все пять человек ходили вместе. В последний день перед отъездом утром я, как обычно, позвонил товарищам по внутреннему телефону и спросил, собрались ли они к завтраку. Едва мы сели за столик, как шифровальщик Миша вспомнил, что забыл загранпаспорта в номере под подушкой, и вместе с женой побежал исправлять ошибку. Вскоре жена вернулась и сказала, что они не могут найти документы. Это обстоятельство не на шутку встревожило нас: ведь без паспортов наши друзья не смогли бы попасть в США.

Мы пошли в их номер и увидели нашего товарища, который лихорадочно, видимо, уже в который раз, перерывал простыни, одеяло, а рядом стояла молоденькая японка. Оказалось, что, когда Михаил возвратился в номер, горничная находилась там, собираясь сменить постельное белье. Мы, естественно, стали выяснять, не обнаружила ли она случайно паспорта. На наши вопросы она мотала головой и односложно отвечала по-английски: «Нет, сэр». Николай, другой шифровальщик, считал, что документы взяла японка. Он предложил обыскать ее. И как только мы объявили ей об этом, она вдруг из внутреннего кармана кимоно вынула паспорта и протянула нам. Потом женщина начала на прекрасном английском языке просить прощения и со слезами на глазах умолять, чтобы о случившемся мы не сообщали администрации, так как ее уволят, а у нее – ребенок. Говорила, что ее заставляют брать на время документы гостей. И, хотя мгновение назад все были страшно злы на горничную за ее поступок, мы как-то быстро остыли и вернулись в ресторан.

За семидневное пребывание в Иокогаме я получил наглядное представление, сколь активно действовала японская контрразведка против советских граждан. Все это рассеяло некоторые мои наивные представления и еще более утвердило во мне решимость во время предстоящей работы в США постоянно проявлять бдительность, чтобы не попасть в сети, расставленные службой контршпионажа.

Из Иокогамы на пассажирском пароходе «Явота мару» мы отплыли в Сан-Франциско с заходом в порт Гонолулу на гавайском острове Оаху. Плавание продолжалось около двенадцати дней. Николай и Михаил с женами получили отдельные каюты, а я попал в трехместную, вместе с двумя молодыми голландцами. Однако в ресторане мы сидели за одним столом, да и вообще большую часть дня проводили вместе.

«Явота мару» сделал тридцатичасовую остановку в Гонолулу на Гавайях. Пока шла выгрузка и погрузка товаров, пассажиров возили по острову Оаху на автобусах. Гиды показывали достопримечательности: мелькали главные улицы и площади города, ананасовые плантации, пальмовые рощи, знаменитый песчаный пляж Уайкики. С горы как на ладони был виден залив с военно-морской базой США Пёрл-Харбор, на которую японская авиация сделает через десять месяцев налет и выведет из строя десятка два американских военных кораблей.

В Сан-Франциско пароход прибыл в полдень. Через несколько минут после того, как спустили трап, на нас налетела стая корреспондентов и фоторепортеров. Защелкали затворы фотоаппаратов и

раздались вопросы, типа: «Ну, большевики, расскажите, как вы догнали и перегнали передовые капиталистические страны?» И тут мы увидели группу бегущих к нам людей в рабочих спецовках, которые, коверкая русские слова, кричали: «Товарищи, не разговаривайте с продажными буржуазными писаками!» Они оттеснили журналистов, спросили, где наш багаж, затем, взяв чемоданы, спустились по трапу вместе с нами на пирс и подвели к встречавшему советскому вице-консулу Скорикову. От предложенной платы за услуги американские рабочие наотрез отказались. Позднее мы узнали, что в числе портовиков были те, кто в составе армии США высаживались в 1919–1920 годах во Владивостоке. Находясь в Советской России, они поняли, что их заставляют вести несправедливую войну, и с тех пор стали друзьями Советского Союза, членами профсоюза портовых рабочих, во главе которого долгие годы был известный прогрессивный деятель Гарри Бриджес.

Небольшой эпизод в порту продемонстрировал, что и за океаном у Советского Союза есть верные друзья.

Скориков привез нас в здание вице-консульства, усадил за стол, расспрашивал о последних московских новостях, о делах в НКВД. Он проинструктировал, как следует вести себя во время предстоящей поездки по Соединенным Штатам, которые с Западного до Восточного побережья простирались на шесть тысяч километров.

Ехали в удобном и просторном вагоне: днем мы сидели в удобных вращающихся креслах, а вечером проводник сооружал спальные места, которые в два этажа шли вдоль вагона. Каждое место занавешивалось шторой из плотной темно-зеленой материи. Поездка продолжалась пять суток и позволила увидеть разнообразные ландшафты великой страны – горы, пустыни, степи, леса, озера и реки, большие города и крошечные сельские поселения, а главное – людей Америки.

К концу сорокадневного путешествия Москва – Нью-Йорк я уже почти перестал смотреть по сторонам и удивляться увиденному.

ТРЕВОЖНОЕ НАКАНУНЕ

Прежде чем начать рассказ о моей разведывательной работе, хотелось бы кратко изложить обстановку в Соединенных Штатах, где мне предстояло действовать, круг обязанностей в генеральном консульстве, характер взаимосвязей советских представительств с местными властями, отношение к Советскому Союзу различных слоев населения.

В Нью-Йорке меня встретил сотрудник генконсульства К. Г. Федосеев. Это учреждение находилось тогда на Шестьдесят первой улице в четырехэтажном доме. Соседний дом, в котором проживало несколько советских семей, также принадлежал консульству. В нем размещались столовая и класс для занятий английским языком.

По указанию генконсула мне предоставили комнатушку в здании советской школы на Восемьдесят седьмой улице. Сослуживцы помогли купить необходимые вещи домашнего обихода, и на третий день я уже вышел на работу.

Я был командирован в генеральное консульство стажером, без дипломатического паспорта. В первый же день меня принял генконсул В. А. Федюшин. Поинтересовался, как я добрался, не было ли в пути каких-либо происшествий, и расспросил о последних новостях в наркомате. В конце беседы Виктор Алексеевич распорядился, чтобы я принял дела от сотрудника консульства Федосеева, тут же вызвал его в кабинет и определил срок передачи.

В мои обязанности входила работа с командированными и постоянно проживающими на территории консульского округа советскими гражданами и командами моряков советских торговых судов, прибывающих в американские порты, а также разбор различных конфликтов и оказание консульской защиты советским гражданам, попавшим в непредвиденные ситуации. Я также оформлял выезд советских граждан из США, ставя в паспорте штамп с въездной визой в СССР.

В 1941 году в Соединенных Штатах находилось около ста двадцати постоянно проживавших советских граждан-эмигрантов, которые имели так называемый советский вид на жительство. По положению они должны были один раз в год приходить, в генконсульство, чтобы уплатить сбор за продление совзагранвида.

В течение первых месяцев выполнение перечисленных обязанностей не отнимало много времени: каждый день на прием приходили пять-семь посетителей.

После приезда в Нью-Йорк около двух месяцев меня в резидентуру не пускали. Я даже толком не знал, где она находится. Осваивал свои обязанности по прикрытию, усиленно изучал английский и, конечно, самым подробным образом знакомился с гигантским городом. Особое внимание уделял кинотеатрам в различных районах Нью-Йорка и всем видам городского транспорта. Первое время просмотр фильмов был не развлечением, а нелегким трудом. Из-за недостаточного знания английского языка приходилось напрягаться, чтобы понять происходивший на экране разговор. Как ни старался, я понимал максимум пятьдесят процентов слов. Но усиленная работа над языком, постоянное общение с американцами, ежедневное чтение газет, разговоры по телефону, слушание радиопередач постепенно расширяли словарный запас. Через четыре-пять месяцев я уже мог свободно разговаривать с местными жителями на бытовые и политические темы.

В апреле 1941 года меня принял исполнявший обязанности резидента П. П. Пастельняк, солидный мужчина лет сорока пяти. У него было мужественное, изрытое оспинами лицо с глубоко посаженными

темными глазами. Человек он был сугубо военный: службу начал в пограничных войсках, а затем перешел на контрразведывательную работу. В 1938–1939 годах его назначили руководителем группы по обеспечению безопасности в советском павильоне на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Английского языка он почти не знал. После закрытия выставки его оставили в резидентуре. В апреле 1941 года он был назначен исполняющим обязанности резидента. Будучи военным, Павел Пантелеймонович любил дисциплину, и прежде всего подчинение, или, как он изъяснялся, субординацию.

Пастельняк, просматривая мой план-задание, спросил:

– Цель командировки известна?

И, не дожидаясь ответа, зачитал известные мне задачи: установление двусторонней радиосвязи между резидентурой и Центром, выполнение разведывательных заданий по указанию резидента. Он выделил в мое распоряжение две небольшие нежилые комнатки на верхнем этаже консульства для размещения радиостанции. Здесь же предполагалось и мое жилище. Пастельняк приказал в трехдневный срок переехать сюда из здания школы, приступить к оборудованию радиоточки и ежедневно докладывать о проделанном.

Относительно разведывательной работы Пастельняк заявил, что перед тем, как передавать мне на связь агентов, он проверит мою пригодность на вспомогательных второстепенных делах: подборке официальных материалов по ФБР и тогдашнему главному разведоргану Вашингтона – Управлению стратегических служб (УСС), переводе на русский язык официальных и агентурных материалов, подыскании мест встреч с агентурой. Я должен был приобретать полезные для резидентуры связи, используя официальные возможности по прикрытию. До обеда мне полагалось вести прием посетителей, а в послеобеденное время и вечером – работать в резидентуре. В ее помещении Пастельняк посоветовал входить таким образом, чтобы этого никто из сотрудников НКВД, «чистых дипломатов», как мы их называли, не заметил.

Я приступил к выполнению своих задач в беспокойное время, в канун нападения гитлеровской Германии на нашу Родину. Еще в апреле 1941 года посол К. А. Уманский, выступая на совещании дипломатического состава генконсульства, заявил: «Гитлер опьянен успехами. В Европе нет державы, которая могла бы остановить фашистов. Гитлер готовится к нападению на СССР, и войны нам с Германией при всем желании, видимо, не избежать».

Точка зрения посла ошеломила меня и моих товарищей. Хотелось надеяться, что мрачное предсказание не сбудется. А пока его прогноз сыграл мобилизующую роль для дипсостава.

Уманского справедливо считали человеком незаурядным. Он начал свою служебную деятельность журналистом, блестяще знал несколько иностранных языков. Перед войной нередко выступал в роли переводчика Сталина. Хорошо владел стенографией, печатал на пишущей машинке, был прекрасным оратором, умел четко излагать мысли, не прибегая к каким-либо запискам. Он сам много работал, подготавливая важные документы, и быстро решал вопросы. Будучи уверен в неизбежности войны с фашистской Германией, продолжал встречаться в Вашингтоне с немецким послом и старался выведать у него нужную информацию.

В тот период отношения между СССР и США были крайне плохими. Американская пропаганда в газетах, журналах и по радио без конца лживо утверждала, что Советский Союз – друг гитлеровской Германии и поэтому подписал пакт о ненападении. И замалчивала тот факт, что Москва была вынуждена пойти на это вследствие двуличной политики правящих кругов Англии и Франции, толкавших нацистов к нападению на СССР. Конгресс Соединенных Штатов принимал законы, согласно которым свертывались экономические и торговые отношения с Москвой. Некоторые компании прекратили поставку ранее заказанного технического оборудования, а правительство США предложило сопосольству отозвать всех своих приемщиков. Торговля между странами фактически прекратилась. Число командированных советских граждан в Соединенных Штатах с каждым днем сокращалось. Американская контрразведка активно разрабатывала почти поголовно советских граждан: вела за ними слежку, прослушивала телефоны, подставляла агентов-provokаторов. В феврале 1941 года был арестован сотрудник военно-морского атташата СССР, а в апреле – наш резидент Гайк Бадалович Овакимян.

ЛУКАВАЯ ПОЛИТИКА СОЮЗНИКОВ И КОЕ-ЧТО ОБ ЭМИГРАЦИИ

Хотя после выступления посла К. А. Уманского мы допускали возможность нападения фашистской Германии на нашу Родину, тем не менее война для нас, как и для всех советских граждан, началась неожиданно.

В субботу 21 июня 1941 г. я лег спать в полночь. В воскресенье в семь часов утра дежурный по генконсульству разбудил меня и сообщил: Гитлер развязал против нас войну. Я не сразу осознал смысл этих слов. Включил приемник. Все радиостанции мира только и передавали сообщение о нападении немцев на СССР, о начавшихся жестоких боях.

Когда я спустился вниз, сотрудники генконсульства были на своих рабочих местах. Между собой почти не разговаривали. К нам без конца звонили по телефону и приходили американские корреспонденты. Однако никаких интервью мы не давали.

Генконсул Федюшин провел совещание, где объявил, что мы находимся на военном положении, и потребовал строжайшей дисциплины.

Через три дня состоялось собрание сотрудников генконсульства, на котором решили в зависимости от состава семьи добровольно отчислять двадцать пять – сорок процентов зарплаты в фонд победы над фашистской Германией.

До 22 июня правящие круги США, как я уже отмечал, относились к Советскому Союзу враждебно. В прессе и по радио постоянно велась антисоветская пропаганда. Среди американцев было много выходцев из Германии. В стране действовали около двадцати немецких консульств, массовая организация «Немецкий бунд», в которую входили влиятельные личности, в том числе некоторые члены конгресса. На митинги этой организации собиралось по двадцать – тридцать тысяч человек. В США издавалось много профашистской и откровенно фашистской периодики, книг; работали кинотеатры, где шли исключительно германские кинофильмы, в том числе документальные ленты о выступлениях фюрера и военная хроника, прославлявшая блицкриг. Профашистские организации действовали до декабря 1941 г. – дня начала войны между Германией и США.

Правда, когда гитлеровцы напали на Советский Союз, реакция правящих и монополистических кругов была неоднозначной. Какая-то часть приветствовала агрессию, хотя редко кто делал это открыто. Прогитлеровски настроенными оказались автомобильный король Генри Форд, мультимиллионер Джозеф Кеннеди, отец будущего президента Джона Кеннеди, другие миллионеры, которые имели большие интересы в самой Германии и странах, оккупированных Гитлером. К этим враждебным силам примыкали монополисты, желавшие, чтобы СССР и Германия обескровили друг друга, а затем США и Англия уничтожили бы советскую державу. Среди них был и влиятельный сенатор, позднее ставший президентом США, Гарри Трумэн, который 23 июня 1941 года во всеуслышание объявил сокровенные цели этих кругов: если они увидят, что выигрывает Германия, то следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то следует помогать Германии, и, таким образом, пусть немцы и русские убивают друг друга как можно больше.

Еще в более циничной форме заявление Трумэна представила реакционная газета «Нью-Йорк дейли ньюс», выходившая многомиллионным тиражом. На своих страницах она изобразила Советский Союз и гитлеровскую Германию в виде двух змей, образовавших клубок и пожирающих друг друга. Под рисунком стояла надпись: «Не мешай им съесть друг друга».

Существование в США и Англии влиятельных прогитлеровских и антисоветских группировок дало основание личному советнику президента Ф. Д. Рузвельта Гарри Гопкинсу написать: «Поразительно много людей, не желающих помогать России и не способных усвоить своими тупыми головами стратегическое значение советско-германского фронта».

Среди правящих кругов США находились и люди с умеренно либеральными взглядами, во главе которых стоял президент Рузвельт. Они понимали необходимость и важность союза с СССР в борьбе за победу над странами фашистского блока. Рузвельт неоднократно заявлял, что он не всемогущ, что проводит политику, которая, по его словам, являлась «равнодействующей всей системы политических сил в США», но точку ее приложения он сдвигал чуть-чуть влево. В целом политика американского президента при существовавшей расстановке политических сил в США была благожелательной в отношении Советского Союза.

В большинстве своем простые американцы, как и народы других стран, с первых дней войны относились к СССР с сочувствием. Однако и среди них встречались такие, кто под влиянием многолетней антисоветской пропаганды и угрозы безработицы не проявлял симпатий к борьбе советского народа против фашизма. Могу привести один из многих фактов, подтверждавших это.

Весной 1942 года я пришел на советское торговое судно. Капитан пожаловался, что американские рабочие медленно выполняют ремонтные работы, и указал на группу парней, которые, вместо того чтобы трудиться, загорали на палубе. Я обратился к ним, призывая поскорее отремонтировать корабль. Сказал о том, что в Советском Союзе люди проливают кровь в борьбе с нашим общим врагом – Гитлером. Один из бездельников прошипел:

– Вы что, хотите, чтобы мы быстро закончили ремонт, а потом снова сидели на скамейке в Центральном парке без работы?

Капитан и я разъяснили, что сейчас другое время, работы у них будет много. Говорили, что если мы быстро не покончим с Гитлером, то некоторых из них призовут в армию и пошлют на фронт. Выслушав все это, загоравшие встали и нехотя поплелись к своим рабочим местам.

Прогрессивные организации проводили митинги, на которых присутствовало большое число американцев. Выступавшие требовали открытия второго фронта против Гитлера.

В США была создана организация «Рашн уор релеф» – «Комитет помощи русским в войне», во главе которой правительство поставило своих надежных людей, чтобы они направляли ее деятельность по чисто благотворительному руслу и не давали встать на просоветские позиции. На собранные деньги «Рашн уор релеф» приобретала и направляла Красной Армии, советскому народу лекарства, медицинские препараты и аппаратуру, продукты питания, одежду. Всего за время войны Советскому Союзу была оказана помощь на сумму более полутора миллиардов долларов.

С конца 1941 года США начали поставки в СССР по ленд-лизу, продолжавшиеся до сентября 1945 года. Их общая стоимость составила девять с половиной миллиардов долларов, тогда как другим своим союзникам американцы оказали такую помощь более чем на тридцать шесть миллиардов. В Советский Союз поставлялись самолеты-истребители; фронтовые бомбардировщики, имеющие небольшой радиус действия; танки, орудия; транспортные средства; продовольствие, одежда, обувь и некоторые другие

товары. Эти поставки, конечно же, оказали помощь СССР в борьбе с фашистскими агрессорами, но отнюдь не повлияли существенным образом на исход борьбы на советско-германском фронте. Поставки по ленд-лизу, вместе с британскими и канадскими, составили около четырех процентов советского промышленного производства в военные годы³.

Из добытых нашей разведкой секретных документов явствовало, что руководители США и Англии тайно договорились о том, чтобы оказывать Советскому Союзу помощь материалами и некоторой военной техникой, пригодными лишь для оборонительных операций. Под различными предложениями союзники отказывали СССР в поставке наступательного и новейшего оружия – бомбардировщиков дальнего действия, автомашин-тягачей для тяжелой артиллерии, радиотехнических устройств и тому подобного. Я сам был очевидцем, как на пирс прибыла партия автомашин грузоподъемностью в двенадцать тонн и американские военные представители запретили ее грузить на советские пароходы, заявляя, что машины, дескать, привезли сюда ошибочно.

В конце 1942 года в США прилетела через Аляску группа наших известных летчиков во главе с Героем Советского Союза М. М. Громовым, чтобы получить и перебазировать в СССР обещанные двадцать стратегических бомбардировщиков. Однако американская сторона отказалась выполнить данное ранее обещание, выдвинув ряд надуманных предлогов.

Известно также, что, несмотря на имевшуюся официальную договоренность между союзниками не вступать в отдельные переговоры с представителями гитлеровской Германии, США и Англия через представителей своих разведок, по крайней мере с конца 1943 года, начали устанавливать контакты в Швейцарии, Швеции и других странах с представителями фашистской Германии.

Это еще один штрих к политике наших союзников в ходе второй мировой войны.

Мне хорошо запомнился прилет в США в первых числах июля 1942 года народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова. Вначале он на сутки остановился в Нью-Йорке, где жил в здании генконсульства. Его сопровождали лишь помощник и ответственный сотрудник нашей разведслужбы К. М. Кукин. Никакой специальной охраны с ним не было.

За несколько часов до прибытия Молотова вице-консул П. П. Пастельняк собрал молодых консульских работников и поручил им охранять здание. Он расставил посты, объявил расписание дежурств. В конце инструктажа кто-то спросил:

– Каким образом и чем мы будем защищать нарком в случае нападения местных фашистов на генконсульство?

Помолчав, П. П. Пастельняк серьезно ответил:

– Защищать нужно будет грудью. На этом инструктаж завершился.

Днем Молотов ознакомился со специально подготовленными для него материалами, беседовал с генконсулом Е. Д. Киселевым, резидентом В. М. Зарубиным и председателем советской закупочной комиссии, а ночным поездом в купированном вагоне выехал в Вашингтон. В столице он несколько раз встречался с президентом Ф. Д. Рузвельтом и ответственными представителями его администрации. Затем возвратился в Нью-Йорк и оттуда вылетел в СССР.

В день отлета в десять часов утра нарком встретился с сотрудниками генконсульства. В зале для приемов мы образовали круг, в центре которого стоял Молотов. В общих чертах он рассказал о международной обстановке, обрисовал положение на фронтах и сформулировал новые задачи. Затем стал отвечать на вопросы. Я, по своей дипломатической неопытности, задал вопрос:

– Ожидается ли улучшение отношений США с СССР после ваших бесед в Вашингтоне?

Молотов пристально посмотрел на меня. Его взгляд был холодным, жестким. И тут я почувствовал легкий шлепок по спине. Это Зарубин предупредил: не задавай, мол, бестактных вопросов. Но было поздно.

– А как вы думаете, зачем я приехал в Вашингтон? – резко отреагировал Молотов.

– Не знаю, – тихо, упавшим голосом ответил я. Воцарилась напряженная тишина. Но нарком прервал

затянувшуюся паузу. Сославшись на Рузвельта, он сказал, что США никак не могут оправиться от предательского удара японцев по Пёрл-Харбору. Американские и английские вооруженные силы пока терпят поражение в сражениях на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Вашингтон предпринимает все возможное, чтобы переломить ход японо-американской войны, мобилизует людские ресурсы, быстро наращивает военное производство. Больших поставок требует Великобритания. Тем не менее Рузвельт и его сторонники понимают, что судьба второй мировой войны решается на советско-германском фронте. Поэтому США будут увеличивать масштабы поставок по ленд-лизу, несмотря на то что в стране имеются влиятельные круги, выступающие против этого. Была достигнута договоренность о том, что США в первую очередь пошлют те материалы и оборудование, в которых Советский Союз нуждается острее всего.

Через три часа Молотов военным самолетом вылетел через Восточную Канаду и Гренландию в Англию, откуда, после переговоров с Черчиллем, ему предстоял очень опасный перелет на советском самолете через линию фронта в Москву.

³ Дипломатический словарь, том 2, изд. «Наука», 1986 г., стр. 139. – Прим. авт.

Вскоре стало известно, что на встрече с сотрудниками генконсульства в Нью-Йорке Молотов почему-то скрыл от нас, что в ходе переговоров в Вашингтоне президент Рузвельт дважды подтвердил наркому свое обещание открыть второй фронт в 1942 году, а начальник штаба сухопутных сил Дж. Маршалл заверил его о наличии у США достаточных возможностей для этого.

12 июля 1942 г. было опубликовано официальное коммюнике о завершившемся визите Молотова в США. В нем указывалось, что сторонами «была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

Британское правительство также подписало англо-советское соглашение с аналогичной формулировкой по этому вопросу. Одновременно Черчилль направил Сталину секретную памятную записку, в которой сообщал, что открытие второго фронта в Европе в указанные сроки будет разумным только при благоприятных условиях. Эта записка, как показали дальнейшие события, явилась очередным лукавым ходом Черчилля в отношении Советского Союза.

13 июля 1942 г. был опубликован текст советско-американского соглашения. Газета «Правда» в передовой статье писала: «...1942 год должен стать годом окончательного разгрома гитлеровских полчищ...» Известие о полной договоренности с Англией и США об открытии второго фронта в Европе вселяло надежду на быстрый конец войны.

Но радость была преждевременной. Правящие круги Великобритании и Соединенных Штатов не сдержали союзнического слова. Черчилль в своих письмах и при личной встрече со Сталиным в августе 1942 года выдвигал много надуманных причин о невозможности открыть второй фронт в 1942 году. В присутствии официального представителя США А. Гарримана Черчилль заявил, что широкое вторжение на Европейский континент Англия и США начнут весной 1943 года. И снова наши союзники не выполнили своего обещания. Они высадили войска в Нормандии лишь 6 июня 1944 г. – через три года после нападения фашистской Германии на СССР, когда исход войны был уже предрешен.

Смысл затягивания создания второго фронта теперь стал абсолютно ясен из опубликованных недавно архивных документов. Он состоял в том, что правящие круги США и Англии преследовали в войне и такую цель – обескровить СССР в его единоборстве с Германией и ее сателлитами, чтобы затем навязать свою волю как обессиленным участникам войны – советскому государству и фашистскому рейху, так и всему миру.

Война заставила советских граждан трудиться гораздо больше, чем в мирное время. В том числе и нас, сотрудников нью-йоркской резидентуры. Сейчас я удивляюсь, как мы могли справляться со значительно возросшим объемом обязанностей. Спрашиваю себя: «Что помогало нам выполнять их?» Несомненно, это было возможно прежде всего благодаря осознанию огромной ответственности и пониманию того, что своей активной работой мы будем содействовать победе. Разум и совесть подсказывали, что мы должны прилагать максимум усилий, духовных и физических, чтобы выполнять задания Центра оперативно, четко, проявляя инициативу, творческий подход, старание и сноровку.

Сотрудники резидентуры трудились по шестнадцать – восемнадцать часов в сутки. Жизнь состояла из работы и сна. Стыдно было много отдыхать, когда на Родине шла непрерывная битва не на жизнь, а на смерть. По указанию резидента я, как и другие товарищи, много занимался обеспечением отправки грузов в СССР, а также безопасности советских командированных граждан и моряков. Учитывая, что этот участок являлся надежным прикрытием моей разведывательной деятельности и имел большое значение для пополнения моего политического, оперативного и жизненного опыта, я расскажу об этом периоде чуть подробнее.

После вступления США в войну и начала поставок по ленд-лизу торгово-экономические связи с СССР начали быстро расширяться. В Соединенные Штаты стали приезжать советские специалисты по приемке военного снаряжения, промышленного оборудования и товаров. Среди них встречались и те, кто всего лишь шесть – восемь месяцев назад уехали отсюда, когда свертывались торговые отношения. Это были великолепные знатоки своего дела, владевшие английским языком, прекрасно изучившие местные условия. К 1944 году в советской закупочной комиссии и Амторге⁴ в Нью-Йорке работало около двух с половиной тысяч человек, да еще столько же в Вашингтоне, где размещался руководящий аппарат комиссии.

Консульской работы с этой категорией советских людей было много. Каждый день приходили на прием десять – двадцать человек.

Важный участок – обслуживание советских торговых судов. На восточном побережье в 1942–1945 годах их всегда находилось от пяти до двадцати. Некоторые, нуждавшиеся в большом ремонте, стояли по три – пять недель. На каждый пароход после его прибытия приходил представитель генконсульства, чтобы ознакомиться с положением на нем, проверить, в порядке ли мореходные книжки у команды и судовая документация. В первую очередь выясняли, нет ли среди моряков больных, чтобы в случае надобности оказать им медицинскую помощь, поднять их настроение.

Представители генконсульства выступали перед моряками с докладами о международном положении, рассказывали о положении на фронтах, политической обстановке в США,

⁴ Амторг – акционерное общество, учрежденное в 1924 году в Нью-Йорке; комиссионер – поставщик экспорта советских товаров в США и импорта американских товаров в СССР.

советско-американских отношениях. Моряки задавали массу вопросов, поскольку во время многодневного плавания они фактически были оторваны от всего мира. Их особенно интересовала информация о военных действиях, чем объясняется задержка открытия второго фронта. Мы рассказывали о борьбе советских людей, о том, что в мире растет международная поддержка СССР, и призывали моряков работой на совесть помочь Родине и приблизить день победы над врагом. Такие выступления поднимали моральный дух моряков, учили их разбираться в сложной и не особенно искренней дипломатии Лондона и Вашингтона.

В войну на торговых судах плавало немало моряков со слабым здоровьем, которых в мирное время не выпустили бы в рейс. Но они держались стойко, трудились изо всех сил, не жаловались на болезни. Бывали случаи и тяжелых заболеваний, в том числе психических. Таких пациентов отправляли в американские больницы. Помню, как однажды с группой моряков и представителями закупочной комиссии и Амторга я присутствовал на кремации умершего советского моряка. Когда печальный ритуал закончился, к нам подошел владелец крематория и с серьезным выражением на лице по-деловому сказал: «Большое вам спасибо, пожалуйста, приходите опять». Эти слова резанули слух, но никто ничего ему не ответил. Мы безмолвно вышли за ворота этого малоприятного учреждения. Уже в автобусе представитель Амторга, много лет проработавший в США, сказал:

– Этот хозяйчик говорит такое всем живым, оказавшимся в его заведении. Его можно понять: у него конкуренция, а бизнес есть бизнес.

Многие советские моряки были свидетелями событий, происходивших в нашей стране, кое-что знали о ходе боев. Поэтому корреспонденты американских газет, журналов и радиокompаний стремились взять у них интервью и получить информацию из первых рук. Моряков приглашали на вечера в русские, украинские и другие эмигрантские организации, а также в американские семьи.

Посольство считало такого рода представительско-пропагандистскую работу политически важной и придавало ей должное значение. Генеральный консул поручил мне заняться этим участком, предупредив, чтобы я организовывал встречи только с такими представителями прессы и общественности, которые освещали бы нашу политику в благоприятном духе, и чтобы для этой цели подбирались кандидаты среди советских моряков, которые могли бы достойно представлять советский народ. В предварительных беседах с журналистами, которые обращались ко мне за разрешением поговорить с моряками, я прямо заявлял, что если они напишут объективные статьи, без антисоветских комментариев, то устрою им встречу. В противном случае, извините, ничего не выйдет.

Как правило, журналисты соглашались с таким условием. Обычно они брали интервью у моряков в моем присутствии, и я нередко выступал в роли переводчика. Опыт показал, что такие встречи были очень полезными, так как ребята простым языком, правдиво, в доходчивой форме и с конкретными примерами рассказывали о героической борьбе Красной Армии, о том, на какие жертвы идет наш народ, чтобы одержать победу над общим врагом. Они прямо, без дипломатических выкрутасов, заявляли корреспондентам, а следовательно, через их издания многим миллионам жителей США, что никакая помощь не может заменить второй фронт в Европе.

Очень успешно выступала и давала интервью американским журналистам штурман парохода «Двина» Валентина Орликова, миниатюрная, стройная женщина, всегда одетая в чистую, хорошо отглаженную форму. У нее были темно-русые волосы и выразительные глаза, речь ее отличалась искренностью и какой-то задушевностью, что сразу подкупало собеседника. От всего ее внешнего облика и манер веяло изяществом и женственностью, хотя она постоянно вращалась среди мужчин, занимавшихся тяжелым физическим трудом. Какие бы каверзные вопросы ни задавали ей корреспонденты, она всегда спокойным тоном давала обстоятельные, четкие ответы. При этом не изображала из себя всезнайку и, если чего не ведала, откровенно признавалась.

Во время первого интервью ей задали такой вопрос:

– Как вам, маленькой женщине, удается командовать мужчинами?

Она очень толково объяснила, в чем состояли ее обязанности. Привела пример, как пришлось маневрировать во время первой в ее жизни атаки фашистской подводной лодки, как она смотрела на приближающуюся торпеду, как увела судно от нее.

– Страх не чувствовала, – говорила Валентина, – было огромное напряжение. Зажмурилась. Считала до пятнадцати. Пронесло.

А слушают ее подчиненные потому, что понимают: от того, как четко выполняют распоряжения, зависит судьба парохода и всех людей на нем.

В конце полуторачасового интервью, во время которого Валентина блестяще ответила на все вопросы, один из корреспондентов пробасил:

– Теперь до меня дошло, почему моряки исполняют все ваши команды.

Муж Орликовой плавал вторым помощником капитана на другом судне. Судьба сводила их очень редко. За время войны ее пароход трижды приходил в США, и каждый раз корреспонденты стремились побеседовать с отважной женщиной. Валентина Орликова после войны стала капитаном дальнего плавания, служила на рыболовецком флоте Мурманска. Ей присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Торговые суда в войну были вооружены, на них стояли счетверенные зенитные пулеметы, пушки, а также орудия для стрельбы по вражеским подводным лодкам и надводным кораблям.

В военные годы плавание в Атлантике между США и Мурманском было очень опасно –

равносильно участию в боевых действиях на фронте, только сражения происходили не на суше, а на безбрежных океанских просторах. Чтобы не допустить прибытия военных грузов в Мурманск и Архангельск, Гитлер выделил для уничтожения союзных торговых судов, направляющихся в эти порты, подводные лодки, надводные корабли и пикирующие бомбардировщики. Эти силы находились на военно-морских базах и аэродромах Норвегии. Подводные лодки в так называемых «волчьих стаях» располагались на путях следования советских и союзных торговых судов.

Получив сведения от своих разведок (военно-морской и военно-воздушной) о движении союзнических судов, фашистское командование направляло на их уничтожение «волчьи стаи», пикирующие бомбардировщики, а иногда надводные военные корабли. Морские сражения обычно происходили в районе между Исландией и Мурманском, около Медвежьих островов.

На всю жизнь врезалась в мою память картина отправки в апреле 1942 года из порта в штате Нью-Джерси нашего теплохода «Старый большевик». На мостике стоял капитан Иван Иванович Афанасьев, бывалый морской волк, лет пятидесяти пяти – шестидесяти, среднего роста, подтянутый, жилистый, всегда ходивший в чистой наглаженной морской форме. Лицо у него было продолговатое, морщинистое, кожа темная от загара, обветренная, волосы светлые и редкие. В своих движениях, как и в решениях, он был нетороплив, говорил тихим уверенным голосом. За свои профессиональные знания и хорошие человеческие качества капитан пользовался авторитетом у команды.

В этот раз трюмы «Старого большевика» заполнили взрывчаткой, на палубе закрепили фюзеляжи и крылья американских истребителей, зачехленные брезентом. Корабль загрузили до отказа. Наверху остались небольшие проходы, через которые мы протискивались лишь поодиночке, а свободные места были только вокруг зенитных орудий и пушек. В беседе с представителем Амторга Лузановым и со мною Иван Иванович сказал:

– Это не корабль, а пороховая бочка. Не дай Бог, если во время фашистского нападения снаряд попадет в трюмы – мы сразу взлетим на воздух.

Капитан, видимо, предчувствовал, что рейс будет очень трудным. И не ошибся. Команде «Старого большевика» пришлось выдержать жесточайший бой с подводными лодками и пикирующими бомбардировщиками. Героический подвиг советского судна подробно описан в романе В. Пикуля «Реквием по конвою PQ-17».

В Нью-Йорке мне посчастливилось встречаться с представителями еще одной категории советских людей, которые в годы войны проявляли поражавшие человеческое воображение смелость, мужество и хладнокровие на водных просторах Атлантики. Это были офицеры советского военно-морского флота, прибывавшие в США за быстроходными морскими катерами-охотниками. Маленькие корабли развивали по тем временам колоссальную скорость – до пятидесяти узлов. Они не предназначались для дальних переходов. Тем не менее наши моряки взялись перегонять их из США в Мурманск своим ходом. Американцы, узнав об этом, вначале просто не поверили. В их головах никак не укладывалось, как может такой кораблик пересечь Атлантический океан и дойти до Мурманска, преодолев более пяти тысяч миль.

По просьбе наших моряков американцы ставили на катера дополнительные баки для горючего и станковые пулеметы. Команда состояла из четырех-пяти человек. Даже в порту, где нет больших волн, катера так раскачивались во все стороны, что матросам приходилось, как циркачам, постоянно балансировать, чтобы не упасть. Сделав необходимые запасы провианта, катера группами в шесть–восемь единиц отправлялись в рейс и летели, как чайки, едва касаясь волн. Они делали стоянки на Ньюфаундленде, в Исландии, Северной Ирландии и прибывали в Мурманск (иногда в составе конвоя, идущего из Англии).

Когда мы провозжали катера вместе с представителями ВМС США, последние, глядя на уходившие в океан кораблики, качали головой и признавались:

– Камикадзе! Ни один американский моряк не отважится на такой переход.

Немало времени в моей работе занимал прием постоянно проживающих в США советских граждан. Это были очень разные люди как по своему социальному положению, так и по тому, каким образом их занесло в США. Хотя они, имея совзагранвиды, формально считались советскими гражданами, НКВД СССР отказывался удовлетворить их неоднократные ходатайства о возвращении на Родину. Многие из соотечественников принадлежали к так называемой экономической, или дореволюционной, эмиграции. Они приехали в США из царской России на заработки, в поисках работы, а впоследствии по разным причинам так и не смогли возвратиться домой. Являясь истинными патриотами, живя надеждой все же вернуться на Родину, они не принимали американского гражданства, несмотря на то что советский паспорт доставлял им массу трудностей и неприятностей: американские власти относились к ним с подозрением, на работу в правительственные и другие солидные учреждения их не брали; они подвергались гонениям со стороны реакционных элементов.

Среди постоянно проживающих в США советских граждан были представители творческой интеллигенции – музыканты, художники, актеры. Они выехали из Советского Союза в 20–30-е гг. Десятка два человек из числа имеющих совзагранвиды приехали в США накануне войны и даже в течение первого военного года. Это люди, бежавшие от захвативших Западную Европу фашистов. Одна семья, например, проживала в Австрии, но когда страну оккупировали гитлеровские войска, перебралась во Францию. Немцы вторглись и туда. Тогда семья бежала через Испанию и Португалию в Северную Африку, а оттуда с помощью родственников перебралась в Америку.

Несмотря на то что большинство постоянно проживавших в США советских граждан не могли найти хорошо оплачиваемую работу, они регулярно вносили не только взносы за продление совзагранвидов, но и делали посильные пожертвования в фонд помощи Красной Армии. Лишь некоторые из них сумели добиться разрешения поехать в Советский Союз добровольцами, чтобы участвовать в борьбе с врагом, – большинству наше правительство отказало. Я знаю три случая, когда взрослым детям эмигрантов, не желавшим воевать в рядах армии США, было разрешено вернуться в Советский Союз и они на торговых советских судах покинули Соединенные Штаты.

Американцы обычно вносили свои пожертвования в фонд помощи советскому народу через упомянутую мной организацию «Рашн уор релиф». Однако постоянно проживающие за океаном советские граждане и некоторые выходцы из Советского Союза предпочитали приносить пожертвования лично в генконсульство, где им выдавалась официальная квитанция о сдаче денег, которую они берегли как символ своего патриотизма и с гордостью показывали друзьям.

Очень трогательно было наблюдать, как уже состарившиеся соотечественники, выехавшие из России до Октябрьской революции, регулярно приносили деньги в генконсульство, порою с трудом выкраивая их из пенсии, и старались поговорить с советскими представителями. В беседах рассказывали, как тяжело они переживают свалившееся на нашу Родину несчастье, отступление войск, гибель солдат и гражданского населения. Некоторые были выходцами из районов, оккупированных фашистами. Особенно трудно и больно было разговаривать с такими соотечественниками в первый период войны, когда фашисты быстро продвигались в глубь нашей страны – к Москве, Ленинграду, Сталинграду. Они с болью и надеждой спрашивали, когда же будет остановлено продвижение немцев, когда же начнут изгонять врагов с родной земли. Мало успокаивающего могли мы тогда сказать соотечественникам. Объясняли отступление внезапным нападением немцев, тем, что против Советского Союза брошена вся мощь военной машины Германии, Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии, используется весь промышленный потенциал Западной Европы. Говорили, что враг будет измотан, остановлен и разбит. Возможно, они и не очень-то верили нашим словам, но все же благодарили нас за то, что мы душевно поговорили и теперь они чувствуют облегчение. А некоторые доверчиво добавляли:

– Вы поймите меня, ведь мне не с кем поговорить – дети стали американцами, а вокруг нас живет так много антисоветчиков, они злорадствуют, что Красная Армия отступает. Мне очень тяжело.

Помню, как в середине октября 1941 года в генконсульство в очередной раз принес деньги в фонд помощи Красной Армии пожилой русский мужчина. В беседе со мною он стал выражать опасение, не захватят ли фашисты Москву. На глазах у него навертывались слезы. Он их то и дело вытирал платком и говорил прерывистым, дрожащим голосом. Ругал союзников за предательскую политику пассивного выжидания. Я его успокаивал как мог, хотя у самого на душе кошки скребли. В конце беседы земляк встал и сказал:

– После разговора с вами у меня как будто немного отлегло от сердца. Два дня я чувствовал себя плохо и не ходил на работу. Сейчас пойду.

Перед Великой Отечественной войной в США насчитывалось множество эмигрантских организаций, издававших более ста газет на украинском, литовском, русском, армянском и других языках народов СССР. Часть этих организаций и их печатных органов были просоветскими, но большинство – против Москвы. Успешную работу по украинской и литовской эмиграции, весьма многочисленной и организованной, вели Пастельняк и представитель Литовской ССР Павелас Ратомскис⁵. Они часто встречались с руководителями прогрессивных организаций и снабжали их материалами для печати.

Менее организованная русская эмиграция имела в Нью-Йорке два клуба и издавала три газеты. Прогрессивная эмиграция, состоявшая главным образом из трудового люда, объединялась вокруг газеты «Русский голос», которая поддерживала политику Советского Союза. Интеллигенция – писатели, художники, актеры – группировалась вокруг газеты «Новое русское слово», которая имела широкий круг читателей, так как на ее страницах помещались интересные материалы об истории России, ее литературе, искусстве. В мирное время газета имела устойчивую антисоветскую направленность. В годы войны стала перепечатывать некоторые статьи и сообщения из советской периодики, а также публиковала комментарии собственных корреспондентов в духе сочувствия советскому народу, патриотизма и ненависти к гитлеровской Германии. Газета даже проводила кампанию по сбору средств в помощь Красной Армии.

Только монархистская группа Рыбакова, издававшая газету «Россия», да русские фашисты – серебрянорубашечники – во главе со своим «фюрером» Вонсяцким без каких-либо изменений продолжали антисоветскую линию и ратовали за поражение Советского Союза в войне. Американские органы правопорядка таким организациям никаких препятствий не чинили.

Однако большая часть эмиграции в эти тяжелые для нашей Родины годы относилась к Советскому Союзу, Красной Армии с сочувствием. Но не все лояльные по отношению к своей Родине эмигранты из Советского Союза набирались мужества, чтобы открыто прийти в наше представительство и сделать пожертвования. Особенно трудно было тем, кто занимал определенное положение в США. Некоторые

⁵ После войны П. Ратомскис был министром иностранных дел Литовской ССР. – Прим. авт.

боялись последствий и поэтому оказывали помощь Родине тайно.

Всемирно известный композитор, дирижер и пианист Сергей Васильевич Рахманинов несколько раз передавал в генконсульство часть сборов от своих концертов через доверенное лицо. Вместе с деньгами посредник сообщал генконсулу заверения композитора в его искренней преданности и любви к Родине.

В первый год войны наш генеральный консул в Нью-Йорке Евгений Дмитриевич Киселев, большой любитель музыки, установил добрые отношения с деятелями культуры из числа русской и европейской эмиграции. Он не раз устраивал для них скромные приемы. Среди тех, кто, демонстрируя свою поддержку Советскому Союзу, приходил на такие вечера, были всемирно известные дирижеры Артуро Тосканини и Бруно Вальтер, русский композитор Александр Тихонович Гречанинов и советский гражданин Николай Андреевич Малько, бывший главный дирижер Мариинского театра в Петрограде. Иногда на этих приемах играл зять Артуро Тосканини, знаменитый пианист Владимир Горовиц, окончивший киевскую консерваторию, пел выдающийся бас Поль Робсон, выступали и другие артисты. Запомнилось, что на этих приемах Гречанинов всегда плакал, и семидесятилетнего композитора уводила дочь из зала приемов и в вестибюле успокаивала отца.

Рахманинов на эти вечера не приходил. О нем я не раз беседовал с русскими эмигрантами, и в частности с Николаем Малько, который лично знал Сергея Васильевича с дореволюционных лет по совместным выступлениям в Петрограде и за границей. Картина складывалась такая: Рахманинов болезненно переживал разрыв с Родиной и нападение фашистской Германии на Советский Союз. Но по своей природе он был весьма замкнутым человеком и всегда уходил от разговоров на политические темы, особенно если они касались Советского Союза. Малько высказывал мысль, что, возможно, Рахманинов не заявлял открыто о своих патриотических чувствах еще потому, что ведущие музыкальные деятели СССР забыли его, ни разу не пытались установить с ним контакт, а тем более пригласить в Россию.

В связи с этим интересна история самого Малько. В 1928 году он выехал в заграничную командировку для пропаганды советской музыки. Перед отъездом его принимал нарком просвещения А. В. Луначарский. Находясь за границей, дирижер оставался гражданином СССР и регулярно продлевал свой советский паспорт. Первые пять лет Малько направлял в Москву отчеты о своей деятельности по пропаганде советской музыки. Однако никаких ответов или замечаний оттуда не получал.

– Когда в 30-х годах начались политические процессы в Москве, – рассказывал Малько, – я посчитал, что советская музыкальная элита, видимо, не захотела поддерживать со мной переписку. Это огорчало меня, но я продолжал оставаться советским гражданином и сейчас, как видите, часто прихожу в консульство...

Рассказывая о Рахманинове, Малько подчеркивал, что ему понятно чувство обиды, которое возникло у великого композитора. Именно она, эта обида, обостренная природной замкнутостью и нерешительностью, не позволила Рахманинову открыто выступить с заявлением в поддержку Советского Союза.

Советский гражданин, эстонский пианист Владимир Падва, пришедший в консульство осенью 1941 года, чтобы продлить свой совзагранвид и внести пожертвования в фонд помощи Красной Армии, сообщил мне, что 1 ноября Рахманинов дает концерт в знаменитом зале Карнеги-холле. Падва рекомендовал побывать на концерте и послушать игру великого маэстро. Я последовал доброму совету.

Все места в зале были заняты. На концерт пришли в большинстве своем люди состоятельные. В первом отделении Рахманинов исполнял произведения Моцарта, Бетховена, Шумана и Баха. Во втором маэстро играл свои вещи. Запомнилось появление Рахманинова на сцене. Выйдя из-за кулис, он направился к роялю большими, размеренными шагами. Зал встретил его аплодисментами. Подойдя к инструменту, он повернулся лицом к публике, поклонился и, откинув фалды фрака, сел на стул. Расслабленно опустил длинные руки, которые свисали чуть ли не до пола. Закрыв глаза и наклонив голову, замер на несколько секунд, затем, словно очнувшись, начал играть.

На сцене Рахманинов все делал неторопливо, как бы машинально, не проявляя никаких эмоций и признаков того, что он замечает присутствующих в зале. Он играл без нот, легко, слегка раскачиваясь туловищем взад и вперед. После окончания каждой пьесы раздавались бурные аплодисменты. Отвечая на них, Рахманинов поднимался со стула, поворачивался к залу, клал ладонь левой руки на крышку инструмента и движением одной лишь головы благодарил публику.

Я сидел в третьем ряду и внимательно рассматривал великого пианиста. Лицо его было продолговатое, землистого цвета, выражавшее усталость и суровость; нос большой, глаза впалые, тусклые, волосы с проседью, коротко подстрижены. Чувствовалось, что он то ли сильно устал, то ли болен, то ли чем-то расстроен.

Я испытывал сочувствие и жалость, глядя на изможденного великого артиста. И догадывался, почему у маэстро в тот вечер не было вдохновения и творческого горения, почему у него было унылое, тягостное настроение. Это объяснялось, по-моему, длительной, изводящей его тоской по Родине, которая в то время терпела тяжкие поражения в войне против фашистских захватчиков.

Через два или три месяца волею судьбы я еще раз оказался свидетелем на этот раз необычного музыкального выступления Рахманинова.

С малых лет, приученный дедом, я каждую неделю ходил в баню попариться. Делал это иногда и в Нью-Йорке. Однажды пошел в русские бани на углу Второй улицы и Второй авеню. Войдя в большой

предбанник, неожиданно услышал стройное хоровое пение на русском языке. Я разделся на лежаке, указанном мне банщиком, и стал оглядывать помещение и находившихся там людей. В предбаннике стояло лежаков тридцать, на многих из них сидели завернувшиеся в простыни пожилые мужчины. Они слаженно, профессионально пели русские и украинские песни. На крайнем лежаке ко мне спиной сидел старик и аккомпанировал певцам на гитаре.

Я подошел к стойке бара, заказал стакан пива и поинтересовался у бармена, что это за люди.

– Как, вы их не знаете? – удивленно спросил тот. – Это же всемирно известный хор донских казаков во главе с его руководителем Сергеем Жаровым.

И указал мне на небольшого роста мужчину, сидевшего рядом с гитаристом. Только тут я разглядел, что гитаристом был Сергей Васильевич. Затем бармен сообщил, что хористы частенько навещают баню и, когда есть настроение, поют. Изредка сюда приходит Рахманинов, и тогда хор поет под его руководством.

Казаки исполнили несколько песен. Потом хористы затянули песню «Вечерний звон». И тут Рахманинов, до того тихо подыгрывавший на гитаре, преобразился. Он несколько раз останавливал певцов, энергично и властно указывал, какие места надо петь медленнее, какие быстрее, какие тише, какие громче, требовал выдерживать паузы, соблюдать темп.

Рахманинов встал, отложил в сторону гитару и стал дирижировать. Видно было, что маэстро во власти вдохновения. Несколько минут он терзал хор своими замечаниями, пока, наконец, позволил исполнить «Вечерний звон» от начала до конца без пауз. Затем маэстро попросил повторить песню еще раз.

Каждую фразу, каждое слово песни артисты пели отчетливо, протяжно, какими-то взволнованно-трепетными, щемящими душу голосами, в которых слышалась глубокая тоска. Я был потрясен. Столь задушевно, искренне и красиво могли исполнять песню только артисты, покинувшие Родину и осознавшие, как тягостно им жить без нее. Такого проникновенного и красивого пения я никогда не слышал.

Закончив пение, Рахманинов и хористы оделись, выпили в баре по чарочке водки и вышли в темноту промозглого зимнего нью-йоркского вечера.

Рахманинов умер в конце марта 1943 года в Калифорнии. Перед смертью он завещал похоронить себя в родных местах под Новгородом. Как мне рассказывал генконсул Киселев, вначале предполагалось, что гроб с прахом композитора будет отправлен на одном из советских торговых судов из Сан-Франциско во Владивосток и далее до предполагаемого места захоронения. Однако антисоветские русские эмигранты были против и уговорили жену композитора Наталью Александровну не делать этого. Затем некоторое время в кругах русской эмиграции говорили о намерении семьи похоронить Рахманинова на русском кладбище в Сан-Франциско. Однако жена и дочери в конце концов приняли решение предать тело земле на кладбище Консико в маленьком городке Вальхалле недалеко от Нью-Йорка.

Не могу не рассказать еще об одном случае, имеющем некоторое отношение к русской эмиграции в Нью-Йорке.

На самой фешенебельной улице Нью-Йорка – Пятой авеню, между Пятьдесят девятой и Шестидесятой улицами, находился небольшой ювелирный магазин «Старая Русь». В нем продавались изделия из золота, драгоценных камней и фарфора. Это были большей частью предметы, ранее принадлежавшие царскому двору, богатым князьям, фабрикантам. Магазин держал некий А. Золотницкий. Один квартал отделял магазин от советского генконсульства, и мы каждый день проходили мимо него. У его витрины всегда стояло несколько человек.

Через три-четыре месяца после нападения фашистской Германии на Советский Союз хозяин магазина неожиданно выставил на витрину небольшую картину «Русские казаки в Берлине, 1814 год», под которой на ватмане черной тушью по-английски было написано: «Повторится ли история?».

Интересно было наблюдать, как реагировали американцы, рассмотрев картину и прочитав надпись. В 1941-м и в начале 1942 года большинство прохожих скептически улыбались, не веря, что такое может произойти. Постепенно витрина стала привлекать все большее внимание, вызывать горячие дискуссии, особенно в дни окружения и уничтожения армии Паулюса под Сталинградом. Некоторые открыто утверждали, что история повторится, только вместо казаков первыми в Берлин придут советские танкисты.

О картине «Русские казаки в Берлине» газета «Нью-Йорк таймс» поместила короткую заметку, что привлекало еще больше людей к витрине магазина Золотницкого.

После победы советских вооруженных сил на Курской дуге летом 1943 года американцы, останавливавшиеся перед картиной, комментировали: «Теперь все ясно. История повторяется». Но однажды один прохожий возразил, подчеркнув, что произойти это сможет лишь в том случае, если союзники откроют второй фронт в Европе: Советский Союз в одиночку с Гитлером не справится. Раздался дружный смех. И я помню такую реплику: «Союзникам нужно торопиться, а то русские не только в Берлин, но и в Париж опять придут».

В последние дни войны, когда каждому стало ясно, что первыми в Берлин войдут советские войска, прохожие останавливались возле витрины все реже, некоторые с явным недовольством смотрели на картину, и на их лицах можно было прочесть сожаление и немой вопрос: «Почему же не американцы первыми войдут в Берлин?»

9 мая 1945 г. Золотницкий убрал картину.

В годы второй мировой войны в США проводилось множество различных митингов, устраиваемых политическими, профсоюзными, женскими, молодежными и различными эмигрантскими организациями. Главной целью была моральная и материальная поддержка военных усилий советского народа. Американцы, не одурманенные антисоветской пропагандой и сознававшие, что фашизм является врагом всего человечества, требовали, чтобы США и Англия вели более активные военные действия против Германии.

Во время митингов обычно происходил сбор пожертвований в фонд помощи Красной Армии. На важных митингах выступали посол Советского Союза, генеральный консул или специально приезжавшие из СССР видные общественные деятели. Любили слушать писателей Илью Эренбурга и Константина Симонова, народного артиста СССР Соломона Михоэлса, Героев Советского Союза снайперов Людмилу Павлюченко и Владимира Пчелинцева, секретаря Московского комитета комсомола Николая Красавченко. Их яркие, страстные речи оказывали влияние на американское общественное мнение. На таких крупных митингах иногда присутствовали представители правительства США, а также финансовых магнатов – Рокфеллера, Дюпонов, Мелонов. Они тоже выступали за необходимость координации действий союзников, подтверждали готовность помогать СССР. Иногда прямо там, на трибуне, передавали от имени своих корпораций чеки на суммы пятьдесят – сто тысяч долларов в фонд помощи Советскому Союзу. Для них это были, в общем-то, мизерные суммы, ибо война приносила им миллиардные прибыли.

Как правило, все мероприятия, на которых мне пришлось присутствовать, представляя советское генконсульство, проходили без каких-либо эксцессов. Запомнились лишь две встречи при не совсем обычных обстоятельствах.

Радиовещательная компания Си-би-эс прислала письмо генконсулу с просьбой направить советского представителя для программы «Воюющие союзники», в которой должны были принять участие также представители США, Великобритании и Франции. Тот поручил это мне.

Через несколько дней состоялась репетиция, на которую я пришел, выучив наизусть пятиминутную речь. Ведущий программы и четыре представителя союзнических стран сели за стол. В зале, рассчитанном на тысячу двести человек, находилось около тридцати мужчин и женщин, которые должны были вечером стать заводилами оаций.

Ведущий произнес вступление и дал первое слово представителю Франции, потом – Англии. Перед началом их выступлений исполнялись национальные гимны, «Марсельеза» и «Боже, храни короля». Когда ведущий назвал мою фамилию, я подошел к трибуне. В этот момент из динамика вместо ожидаемого гимна Советского Союза «Интернационал» полилась мелодия «Дубинушки». Меня всего передернуло. Повернувшись к ведущему, я спросил, почему не исполняют советский гимн. Он ответил, что у них нет пластинки и что они решили пустить популярную русскую народную песню. Я отошел от трибуны и заявил, что без исполнения гимна моей страны выступать не могу, и покинул студию.

Шел пешком, чтобы успокоиться. По дороге все думал о том, как же не любят нашу страну американские реакционеры. Через двадцать минут я был в генконсульстве. Дежурный передал мне, чтобы срочно зашел к шефу. Когда я вошел в кабинет Киселева, там находилась женщина – представитель компании Си-би-эс. Она приехала на автомашине и уже сообщила генконсулу в дипломатической форме, что я отказался от выступления и тем самым поставил под угрозу срыва важную политическую программу радиостанции. Не скрывая досады, я рассказал Киселеву, как все было, и предложил не участвовать в передаче. Генконсул заметил, что Си-би-эс уже принесла извинения по поводу происшедшего, что в студии нашли нужную пластинку и просят, чтобы советский представитель пришел на репетицию сейчас, так как о предстоящей передаче уже объявлено во всех газетах. Евгений Дмитриевич сказал американке, что он полностью одобряет мои действия, потому что мы не можем допустить даже малейшей дискриминации советского народа, несущего основную тяжесть борьбы с фашизмом.

Вечером мы собрались на десять минут до начала программы. Американец и англичанин словом не обмолвились о случившемся на репетиции, а француз, пожав мою руку, одобрил мой поступок и сказал, что в данной ситуации он сделал бы то же самое.

Летом 1943 года после Курской битвы редакция газеты «Новое русское слово» прислала генеральному консулу приглашение посетить собрание читателей, на котором в торжественной обстановке будет вручен чек на пятьдесят тысяч долларов для передачи Советскому правительству. Генконсул Киселев ответил, что он, к сожалению, из-за большой занятости не может лично воспользоваться их любезным приглашением, но вместо него обязательно прибудет другой представитель консульства. И назвал мою фамилию.

В назначенное время я пришел в русский клуб на западной стороне Манхэттена, в районе Сто сороковых улиц. Перед входом в здание меня встретил молодой человек, который, после любезного приветствия, сказал:

– Если вы не возражаете, то я хотел бы вас представить трем князьям, конечно бывшим, которые приняли активное участие в сборе средств и подготовке сегодняшнего собрания.

Я не возражал. Мы вошли в здание, сняли пальто, и молодой человек провел меня в комнату, где находились князья и еще три-четыре человека из руководства «Нового русского слова». Все встали. В комнате был накрыт стол – бутерброды и бутылка смирновской водки. Я обратил внимание, что справа

от меня, около стены, стояли три старика. Один из них в царской военной форме. Я сразу догадался, что это и есть князь, и подумал: «Как же я буду их называть – господин, князь, мистер?» Первым мне представили князя Разумовского. В форме царского генерала, старый, белый как лунь, морщинистый, он стоял прямо, руки по швам, с высоко поднятой головой. На его груди было много начищенных до блеска царских орденов и медалей. Здороваясь с ним за руку, я произнес:

– Здравствуйте, рад с вами познакомиться. Князь, судя по всему, тоже волновался перед встречей, может, первой в его жизни, с советским человеком и не знал, что ответить. Он наклонил голову, потом слабым старческим голосом сказал:

– Здравствуйте, здравствуйте...

И замешкался. Чувствовалось, что князь не знает, как меня назвать – то ли «господином», то ли «товарищем».

Второй князь – плотный, подтянутый, седоватый мужчина лет шестидесяти пяти, в темно-сером костюме. Он спокойно поздоровался, назвал меня «мистером», произнес это слово чисто по-английски. Его взгляд говорил о том, что хотя он и пришел сюда, но это еще не означает, что он все одобряет в СССР.

Третий князь оказался самым молодым. Полнеющий, только начинающий седеть, высокого роста, с красивым лицом мужчины. Когда я сделал шаг в его сторону, он стоял со сдержанной улыбкой на лице, сложив руки в замок на животе и вращая большими пальцами один вокруг другого. Как только наши взгляды встретились, он, оставаясь в той же позе, неожиданно для меня сам себя представил:

– Бывший князь Владимир Кудашев. В настоящее время никаких препятствий большевикам не чиню.

Все громко рассмеялись, а Кудашев, сдержанно улыбаясь, подал мне руку. Тут же бразды правления перешли к нему. Он сказал, что по русскому обычаю гостя встречают угощением, и предложил выпить всем по рюмке русской водки.

– За скорую победу нашей Родины над фашистской Германией!

Пока другие продолжали закусывать, он сообщил мне намеченный порядок собрания. Все присутствующие в комнате идут в зал и садятся на сцене за стол президиума, я – рядом с князем Разумовским, являющимся дальним родственником фельдмаршала Голенищева-Кутузова. Будут два кратких выступления от русской колонии, а после вручения чека они хотели бы, чтобы несколько слов сказал я. По окончании официальной части состоится концерт самодеятельности.

Мы прошли в небольшой заполненный до отказа зал. Кудашев открыл собрание и произнес искрометную краткую вступительную речь. После него слово взяла одна писательница. К сожалению, память моя не сохранила ее фамилию. Она страстно говорила о чувстве негодования, охватившем русскую колонию, когда Гитлер напал на Россию, и о том, что эмигранты, как истинные патриоты, все «распри позабыв», стали вести работу по оказанию помощи героическому русскому народу, чтобы хоть на малую толику умерить его страдания. В конце выступления она вручила мне чек на собранные деньги. Речь писательницы была доброжелательной, патриотической, но она избегала произносить слова «советский» и «Красная Армия». Советский Союз она называла Россией.

По окончании официальной части члены президиума спустились в зал и устроились в первом ряду, я – рядом с князем Кудашевым. Начался концерт самодеятельности. Играл небольшой оркестр русских народных инструментов, выступали хор и солисты – главным образом дети эмигрантов, никогда не видевшие Отечества своих родителей и знавшие его только по книжкам и рассказам взрослых. Они с душой пели русские народные песни. Мне понравилось их исполнение, и я искренне аплодировал артистам. Потом доморощенный конферансье объявил следующий номер – русскую народную песню «Бублики» – и назвал исполнителей. Зал замер в ожидании чего-то необычного. На сцену вышли парень с девушкой в русских национальных костюмах и стали танцевать под аккомпанемент гармошки. Танцую, выступавшие напевали куплеты с антисоветским душком. Я повернулся к князю Кудашеву и спросил:

– Это что, специальный номер для советского гостя? Кудашев задал встречный вопрос:

– А вам это не нравится?

– Это же антисоветчина, – ответил я.

Тогда князь взобрался на сцену, встал между исполнителями и, махая руками, недовольным голосом прокричал:

– Вы, глупцы, прекратите свои нечестивые песни и пляски! Прекратите, прекратите! Вы оскорбляете соотечественников, сражающихся с нашим злейшим врагом.

В зале раздались аплодисменты. Вначале робкие, они быстро перешли в овацию, в которой потонули отдельные неодобрительные голоса. Куплетисты исчезли за кулисами.

Когда мы выходили из зала, Кудашев стал заверять меня в том, что он не знал о подготовке «нечестивого номера», иначе он уговорил бы организаторов не показывать его. Я поблагодарил князя за его благородство за то, что он взял на себя смелость остановить куплетистов.

– Это была просто реакция порядочности с моей стороны в отношении Родины, – заметил князь. – Вы знаете, все русские эмигранты, признают они СССР или нет, сейчас исполнены гордости, ходят с высоко поднятой головой. Победы Красной Армии над казавшимся несокрушимым гитлеровским вермахтом морально возвысили всех русских. И это чувствуют даже американцы.

Представительская деятельность – подготовка речей, поездки в разные города, выступления и присутствие на митингах и собраниях – требовала большого напряжения сил, отнимала много времени.

Но польза от нее была несомненная – она давала возможность находить друзей Советского Союза, которые могли оказать важную секретную помощь, а также пополняла мои знания, обогащала опыт общения с иностранцами, что немаловажно для успешного ведения разведки. Тогда я четко понял: только постоянное и добросовестное выполнение официальной работы способствует успешному осуществлению разведывательных заданий. И наоборот, пренебрежение обязанностями по «прикрытию» отрицательно сказывается на разведывательной деятельности.

В РЕЗИДЕНТУРЕ

В 1941 году в резидентуре насчитывалось тринадцать человек, включая трех технических сотрудников. В годы войны возможности заменять разведчиков регулярно, как в мирное время, не было, и они работали беспрерывно четыре-пять лет. Так случилось, что в Нью-Йорке часто менялись резиденты, потому что они были самыми активными разведчиками, о их деятельности становилось известно противнику и им приходилось покидать страну. Дело в том, что в те годы резидент обычно считался не только начальником, но и ведущим разведчиком. Он проводил особо важные вербовки и имел на связи наиболее ценных агентов. Считалось, что только активно работающий резидент мог правильно руководить подчиненными ему людьми, быть для них авторитетом в оперативных вопросах. Действительно, личный пример руководителя резидентуры психологически сильнее воздействовал на молодых разведчиков, чем слова, и побуждал их энергично включаться в разведывательную работу.

До конца апреля 1941 года резидентуру в Нью-Йорке возглавлял Гайк Бадалович Овакимян, в прошлом научный сотрудник, кандидат химических наук. Он прекрасно знал Соединенные Штаты и хорошо владел английским языком. По прикрытию Овакимян являлся инженером-консультантом Амторга. Он сумел завербовать нескольких агентов для научно-технической разведки, которые успешно действовали долгие годы и после его отъезда из США. В апреле сорок первого он был арестован сотрудниками ФБР на месте встречи с одним из его агентов, который, как выяснилось впоследствии, оказался провокатором (на жаргоне разведчиков – «подставой»).

Овакимяна выпустили под залог пятидесяти тысяч долларов, и над ним должен был состояться суд. Но после нападения фашистской Германии на СССР по указанию президента Рузвельта провалившегося резидента судить не стали, и в начале июля он выехал в СССР.

Затем на должность резидента назначили опытного разведчика Василия Михайловича Зарубина, на которого Центр возложил ответственность за организацию разведывательной работы не только в Нью-Йорке, но и в Вашингтоне.

Позднее я узнал, что перед отъездом в США Зарубина вместе с начальником разведки Павлом Михайловичем Фитиным принимал Сталин. Он определил: главные усилия резидентура в США должна направить на то, чтобы помочь выиграть войну, и поставил конкретные задачи:

- следить, чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир и все вместе не пошли против Советского Союза;
- добывать сведения о военных планах Гитлера в войне против СССР, которыми располагают союзники;
- выяснять секретные цели и планы союзников в этой войне;
- пытаться узнать, когда западные союзники собираются в действительности открыть второй фронт в Европе;
- добывать информацию о новейшей секретной военной технике, создаваемой в США, Англии и Канаде.

Сталин также отметил, что советское правительство заинтересовано в получении секретной информации и по многим другим вопросам, важно, чтобы это помогало приблизить разгром фашистской Германии и вскрывало тайные планы союзников относительно послевоенного устройства мира.

Зарубин родился в 1894 году, коммунист с 1918 года. Активный участник гражданской войны. В 1921 году направляется в органы ВЧК. Через четыре года стал сотрудником внешней разведки. До приезда в Нью-Йорк около тринадцати лет находился на нелегальной разведывательной работе во Франции и Германии. Лично провел ряд ценных вербовок, характеризовался как мужественный, решительный и результативный разведчик.

Когда Василий Михайлович прибыл в Нью-Йорк, ему исполнилось сорок семь лет. Среднего роста, полнеющий блондин с редкими волосами, которые он зачесывал назад, всегда носил очки в белой металлической оправе. Обладал недюжинной физической силой, прекрасно играл в теннис. Большой жизнелюб, в компании заводила, любил петь, хорошо играл на различных музыкальных инструментах. Его серые глаза всегда были немного воспалены от постоянной многочасовой работы и чтения огромного количества материалов. Умел слушать собеседника. Говорил быстро, каким-то трубным голосом. Обладал чувством юмора, любил шутку. В обращении с подчиненными вел себя просто. Требовал, чтобы его сотрудники были инициативными, смелыми, даже отчаянными. «Смелость города берет», – часто говорил он молодым разведчикам. Он не любил иметь дело с серенькими, боязливими, во всем умеренными людьми, которые весь свой ум направляют на то, чтобы доказать, что они не могли выполнить трудное задание, так как условия-де не позволяли.

Несмотря на постоянную загруженность, Зарубин находил время беседовать с начинающими «охотниками за секретами», особенно с теми, которые только что включились в оперативную работу. Он

очень ценил в них самостоятельность, инициативу и творческий подход к делу. Беседуя или читая отчеты о проведенных мероприятиях, радовался и одобрял, когда молодой сотрудник в силу изменившейся обстановки или появления новых, ранее неучтенных обстоятельств инициативно и умело сам вносил коррективы в ранее намеченные планы. И наоборот, выговаривал тем, кто в своих действиях слепо придерживался утвержденных проектов, несмотря на то что сложившаяся ситуация требовала внесения изменений.

В то же время Зарубин настаивал, чтобы сотрудники точно и качественно выполняли его распоряжения. Знаю несколько случаев нерадивости и медлительности некоторых разведчиков, которых Василий Михайлович подверг резкой, но справедливой критике, после чего провинившиеся сразу начинали работать более активно и продуманно. Сильной стороной резидента мы считали его огромный опыт оперативной работы, в том числе в нелегальных условиях, и его блестящий профессионализм. Он имел много связей среди иностранцев, успешно вербовал агентов. Лично работал с самой важной агентурой. Беседы, указания, товарищеская критика Зарубина, а самое главное – его практическая деятельность помогали развить у молодых сотрудников самостоятельное оперативное мышление, воспитывали сознательное отношение к работе, желание отдать все силы и знания для успешного выполнения поставленных задач.

Проявляя огромную активность, Зарубин, видимо, не всегда уделял достаточное внимание зашифровке своих действий. Его деятельность стала известна ФБР. В конце 1944 года он был объявлен «персоной нон грата» и вынужден выехать в СССР.

Под непосредственным руководством генерал-майора Зарубина нью-йоркская резидентура, по оценке Центра, проделала серьезную работу по проникновению в правительственные учреждения и на военно-промышленные объекты США. Это позволило разведке получить ценную документальную информацию, касавшуюся новейших видов оружия, военно-политических планов, в том числе послевоенного переустройства мира.

За заслуги перед Родиной Зарубин был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и знаком «Почетный сотрудник государственной безопасности», многими медалями. Умер он в 1972 году.

Центр долго не мог прислать на место Зарубина равноценную фигуру. Обязанности резидента исполняли сотрудники, которые не обладали большим оперативным опытом, умением работать с людьми. А это было так нужно, ибо условия для советской разведки в Соединенных Штатах ухудшались с каждым месяцем.

Около года резидентом оставался Степан Апресян. В органы разведки он пришел в 1932 году. В Нью-Йорк Апресян приехал в возрасте тридцати пяти лет. Сотрудники резидентуры уважали его за эрудицию и добрый, покладистый характер. Его старший брат, нарком внутренних дел одной из Среднеазиатских республик, в 1938 году был арестован и расстрелян. Степан тоже угодил под арест. Через год брата посмертно реабилитировали.

Апресяна тут же освободили и вновь направили в разведку. Он был талантливым лингвистом. Иностранные языки изучал неимоверно быстро, за три-четыре месяца, и знал их множество, включая такие трудные, как финский, турецкий, арабский. Оперативные документы составлял великолепно: с точки зрения логики, стиля и грамматики они считались безукоризненными.

На связи у Апресяна находился агент, встречи с которым для него стали мучением. Расстрел брата, месяцы, проведенные в тюрьме, видимо, не прошли для Степана бесследно. Он стал болезненно нерешительным, за несколько дней до встречи с агентом начинал нервничать. Это состояние отражалось на всем его облике и действиях. Степан весь уходил в себя, невнимательно слушал собеседника. В ходе проверки перед встречей беспокойно осматривался кругом, быстро, почти бегом, большими шагами передвигался по улицам.

В 1945 году Степан Апресян был отозван в Москву. В центральном аппарате он проработал до пенсионного возраста и вышел в отставку. Затем поступил на работу редактором в Издательство литературы на иностранных языках, где его очень ценили. Когда в Праге начал выходить журнал «Проблемы мира и социализма», Апресяна пригласили туда. Много лет он жил в Чехословакии, считался незаменимым сотрудником, так как отлично редактировал издания на многих иностранных языках.

В резидентуре я чаще всего сталкивался по работе с Л. Р. Квасниковым, А. А. Яцковым, К. А. Чугуновым, С. М. Семеновым, М. А. Шаляпиным. Этим очень разных людей объединяло одно – все они были беззаветно преданы разведке и нашей Родине.

Для меня было весьма поучительно наблюдать, как они строили свой рабочий день. Их отличали организованность, трудолюбие, умение использовать каждую минуту для дела. Я часто обращался к ним за помощью, старался перенять все положительное. В целом они сыграли большую роль в моем формировании как разведчика. Поэтому хочу кратко рассказать о них.

В 1942 году в резидентуру прибыл заместитель резидента по научно-технической разведке Леонид Романович Квасников. Он родился в 1905 году в семье железнодорожника. Работал строителем, помощником машиниста и машинистом. Окончил институт, по специальности инженер-механик. Три года учился в аспирантуре. В 1938 году его взяли на работу в Иностранный отдел НКВД. Он стал одним из основателей научно-технического направления внешней разведки. Находясь в резидентуре до конца войны, проявил себя способным руководителем. Много времени уделял работе с подчиненными,

глубоко и в деталях намечал оперативные мероприятия, что во многом способствовало успешной работе разведчиков.

Квасников считался умелым конспиратором. Особенно большое значение он придавал организации надежной скрытой связи с агентурой. Он приучил сотрудников беседовать с ним в резидентуре шепотом, не называть фамилии, псевдонимы и другие личные данные на лиц, о которых шла речь, а писать все это только на бумаге и требовал, чтобы так делали его собеседники. Постоянная забота Леонида Романовича о соблюдении конспирации, несомненно, положительно сказывалась на работе научно-технической линии. Под его руководством резидентура сумела добывать важные разведывательные материалы по использованию энергии атома в военных целях, по авиации и реактивной технике, по радарам, компьютерам и другой электронной аппаратуре.

Опытным разведчиком оказался тридцатилетний Семен Маркович Семенов. Он прибыл в США в 1939 году. Около двух лет проучился в Массачусетском технологическом институте, после чего его направили на работу в Амторг в Нью-Йорке. За время учебы в институте хорошо изучил английский язык и американскую действительность. Маленького роста, с утиным носом и большими глазами, которые при разговоре с собеседником медленно вращались, как параболические антенны, он быстро сходил с людьми. Вид у него был солидный, и он вполне сходил за средней руки американского бизнесмена.

Семенов легко устанавливал контакты с американцами и иностранцами, умело разрабатывал и вербовал их. Он поддерживал хорошие деловые отношения с агентами и искусно руководил ими, хотя на связи у него были весьма трудные и неуживчивые «секретные помощники».

Я помогал Семенову в работе с агентурой: принимал от него документальные материалы, которые он получал от агентов, а затем возвращал их ему, когда явка завершалась. Отснятые пленки я проявлял, внимательно прочитывал их, составлял аннотацию, которую потом он включал в отчет о встрече с агентом для отправки в Центр. На следующий день он обычно приходил в генконсульство, где я передавал ему пленку с материалами, а он, в свою очередь, рассказывал мне в общих чертах, как прошла очередная встреча. Это было весьма полезное партнерство.

Семенов остался доволен моей помощью, которая освобождала его от лишней траты времени, а главное – подстраховывала и повышала продуктивность работы. Я же был благодарен ему за то, что он щедро делился со мной своим опытом.

Запомнились мне его рассказы о работе с агентом по кличке «Хват». Опытный химик, он трудился на одном из заводов компании «Дюпон», передавал нам материалы по нейлону и новейшим видам пороха. Был до мозга костей аполитичным человеком. Свое кредо он неоднократно выражал в таких словах: «Для меня одинаковы демократы, республиканцы, фашисты, коммунисты. Я встречаюсь с вами потому, что мне нужны деньги, чтобы построить дом, дать образование дочери, хорошо ее одеть и удачно выдать замуж».

«Хват» приходил на встречу и, показывая пакет с материалами, обычно заявлял:

– Давай тысячу долларов, тогда получишь.

В ответ Семенов спокойным тоном отвечал, что он не может платить такие большие деньги, не показав сначала «кота в мешке» специалистам и не получив их заключения: представляют ли документы для нас интерес или нет. Торг обычно занимал минут двадцать – тридцать. В итоге договаривались, что Семенов немедленно выдает аванс в две сотни долларов, а через четыре часа возвратит материалы с дополнительной суммой в зависимости от ценности сведений.

«Хват» сердито ворчал, но соглашался с предложением, ибо не хотел возвращаться домой с пустыми руками. В то время, как я обрабатывал материалы, Семен Маркович за ужином в ресторане проводил с агентом беседу. Когда «Хвату» возвращали документы, то дополнительно в конверте вручалась двести или триста долларов. Получив в общей сложности в два раза меньше, чем он первоначально заламывал, агент приходил в ярость:

– Вы обманщики, жулики, бандиты, прохвосты. Я прекращаю с вами все отношения!

И быстрыми шагами уходил. Разведчик, догоняя агента, на ходу старался успокоить его и повторял ему условия очередной встречи через месяц, но агент, казалось, никак не реагировал на это.

Семенов рассказывал, что после встреч с «Хватом» он приходил домой вконец измотанным и в течение многих часов не мог успокоиться, так как не знал, придет агент на очередную встречу или нет. Но тот приходил, и все начиналось сначала.

На мое замечание, что, может быть, следовало платить «Хвату» столько денег, сколько он просил, чтобы улучшить отношения с ним и избежать нервотрепки, Семенов ответил:

– Во-первых, «Хват» – рвач, и, во-вторых, – это самое главное – Квасников и я считаем, что если мы будем выплачивать агенту значительно большее вознаграждение, то он быстро построит дом, сделает необходимые накопления и прекратит сотрудничество с нами...

Центр такую позицию в работе с «Хватом» одобрял.

В конце 1943 года Семенов обнаружил за собой усиленное наружное наблюдение. Он перестал выходить на встречи с агентурой. Однако слежка не прекращалась. По указанию Центра Семенов был отозван в Москву после пятилетней активной деятельности в США. Впоследствии его командировали во Францию, где он успешно вел разведывательную работу. Но когда в 1950 году началась чистка МГБ от лиц еврейской национальности, Семенова, который был евреем, уволили из министерства, не приняв во внимание его прекрасный послужной список.

Он пошел работать переводчиком в издательство «Прогресс» и быстро стал мастером своего

дела – способный человек нигде не пропадет!

Активным сотрудником нью-йоркской резидентуры был мой однокашник по разведывательной школе Анатолий Антонович Яцков. В семнадцатилетнем возрасте он приехал в Москву, работал чернорабочим на стройке, затем слесарем, жил в бараке. В 1937 году окончил Московский полиграфический институт.

В США Яцков приехал, зная лишь французский язык, но благодаря способностям и упорству очень быстро, за какой-нибудь год, выучил английский. Каждый день он вел прием посетителей. Так же как и я, был определен на научно-техническое направление резидентуры. Кроме того, он выполнял ряд заданий резидента по другим линиям, к разведывательной работе относился серьезно, все аспекты предстоящих встреч с агентами всесторонне продумывал. По складу характера любил основательно помозговать, но тугодумом его назвать было нельзя. Ум у него был острый, мысли оригинальные. Яцков был связан с агентами по атомной проблеме. Работа велась через связников, с которыми Яцков встречался в городе. Некоторая часть копий документов передавалась в тайнописи, и Яцкову приходилось долго возиться с реактивами, а затем разгадывать проявившийся английский текст, в котором нередко трудно было прочитать не только отдельные буквы, но и целые слова.

Во второй половине 1946 года Яцков несколько месяцев исполнял обязанности резидента. Прямо из Нью-Йорка он был переведен в парижскую резидентуру.

По политической линии активно действовали два молодых сотрудника нашей нью-йоркской точки – К. А. Чугунов и М. А. Шаляпин.

Чугунов – небольшого роста, со вздернутым носом Глаза глубокие, темно-голубые. Не по годам серьезный, собранный, осторожный, аккуратный. Во время выступлений или бесед мысли излагал неторопливо, логично убедительно. Говорил всегда по делу.

Он прекрасно владел английским языком, хорошо знал оперативную обстановку, проблемы внутренней и внешней политики США, расстановку политических сил. Возвратившись со встречи, немедленно садился за изучение полученных материалов, подготовку телеграмм, написание отчета и оперативных писем. Все его материалы были обстоятельными по содержанию, аккуратными по форме, резидент подписывал их почти без исправлений.

М. А. Шаляпину в 1941 году исполнилось 26 лет. Выше среднего роста, худощавый, подтянутый; глаза голубые, взгляд серьезный. Настроение у него резко менялось от гневно-сердитого к радостно-веселому. По своему характеру Шаляпин – полная противоположность Чугунову: не мог контролировать и скрывать свои чувства, был импульсивным, резким, нетерпеливым, курил сигареты беспрестанно. Очень любил рискованные операции. Пунктуально выполнял указания резидента. Хотя по своему интеллектуальному развитию он уступал Чугунову, но благодаря рвению, неукротимой жажде добиться результатов работал быстро и успешно. Обладал способностью моментально схватывать суть проблемы и решительными, порой, казалось, неоправданно смелыми действиями, добивался успеха.

Шаляпину легко давались иностранные языки. Поэтому впоследствии он командировался в разные страны. Везде работал продуктивно, вербовал ценную агентуру. С годами, однако, он пристрастился к вину, что больше всего противопоказано разведчику. Увлечение спиртным послужило причиной преждевременного увольнения его в отставку.

В резидентуре я несколько раз встречал ладно скроенного, красивого, молодого блондина. Позднее я узнал, что это наш разведчик Виктор Александрович Лягин, работавший инженером в Амторге. Он запомнился мне тем, что порой подолгу молча сидел в углу комнаты и напряженно о чем-то думал. Товарищи говорили, что Лягин крайне болезненно переживал наши неудачи на фронте. Вскоре неожиданно для нас он незаметно исчез – уехал в Москву. А через пару лет из газет мы узнали, что Лягин успешно руководил нелегальной разведывательно-диверсионной резидентурой в тылу немецких войск. 5 ноября 1944 года ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Своими сослуживцами по нью-йоркской резидентуре трудных военных лет я с полным правом могу только гордиться...

КОНТРАРАЗВЕДКА ДЕЙСТВУЕТ, НО И МЫ НЕ СИДИМ СЛОЖА РУКИ

Как я уже отмечал, до начала Великой Отечественной войны американская контрразведка весьма активно действовала против советских учреждений и их сотрудников, используя все имеющиеся в ее распоряжении средства: наружное наблюдение, агентуру и оперативную технику. Сотрудники резидентуры часто видели, что за ними с утра до вечера велась слежка. В их служебные и домашние телефонные аппараты вмонтировались устройства, которые позволяли ФБР подслушивать не только разговоры по телефону, но и вообще все, что говорилось в комнате, фиксировать любой, даже еле заметный шум.

В декабре 1941 года, когда США вступили в войну против Японии, а затем против Германии и Италии, ФБР все силы бросило на борьбу с разветвленной шпионской сетью разведок этих государств. В разных городах США располагались более пятидесяти консульств Германии, Японии, Италии, кроме того, сотни представительств их фирм, а также многомиллионная армия эмигрантов. ФБР в течение нескольких месяцев интернировало многих японцев, проживавших в США, арестовало сотни агентов вражеских разведок.

В силу этих причин американская контрразведка тогда мало работала против советских

представителей. Однако сотрудники нашей резидентуры заметили, что ФБР возобновило активность против них после разгрома фашистских войск под Сталинградом. На близлежащих к советским представительствам улицах постоянно находились автомашины с сотрудниками службы наружного наблюдения. Наши работники выявляли «наружку» во время поездок на городском транспорте и при движении по городу пешком, ибо у разведчиков личных автомобилей не было: в резидентуре имелась всего одна машина, которой пользовались резидент и его заместитель.

Заместитель резидента по научно-технической разведке Квасников уделял постоянное внимание изучению работы бригад наружного наблюдения ФБР за нами. Каждая его беседа со мною всегда начиналась словами:

– Ну, как дела, Саша? Ходит ли за тобой «наружка»?

И, если я кивал головой, мол, замечаю ее, он просил подробно рассказать, когда, где, при каких обстоятельствах я оказывался под наружным наблюдением, и рекомендовал вести себя в таких случаях спокойно, естественно, не давая понять противнику, что заметил его. Одновременно он советовал под благовидными предлогами днем и вечером два-три раза выйти в город, проехать на автобусе, метро, походить по магазинам, зайти в кино либо по делам генконсульства в американские учреждения для фиксации слежки и изучения ее методов.

В бригадах наружного наблюдения в 1943 году работало много молодых, неопытных сотрудников, которых наши разведчики легко обнаруживали с помощью нехитрых приемов. Филеры, очевидно, набирались из числа молодых мужчин в небольших городах и после двух-трехмесячной подготовки начинали работу против нас. Сразу было видно, что они провинциалы: стиль одежды, виновато-вороватый взгляд и неуклюжие манеры. Когда они обнаруживали, что мы заметили их, терялись и не знали, что им делать. Отворачивались и смотрели в сторону или быстро заходили в первый попавшийся дом.

Был случай, когда я, переходя тихую улицу, стал приближаться к шедшему по противоположной стороне «наружнику». Тот, увидев меня, попытался нырнуть в первую же дверь, но она оказалась на замке. Он сконфуженно бросил взгляд на меня и побежал в обратную сторону. Если я заходил в магазин, кафетерий, ресторан, то один из сотрудников бригады также появлялся там и, пытаясь замаскировать свои намерения, наблюдал за мной.

При посадке в автобус кто-либо из филеров заходил вслед за мной, а остальные сопровождали нас в машине, которая следовала в непосредственной близости сзади или сбоку от автобуса, так чтобы ее не было видно.

Часто наружное наблюдение я обнаруживал, спускаясь в метро или стоя на платформе. Опасаясь, что я сяду в поезд и они потеряют след, филеры почти бегом спускались по лестнице. На платформе я обычно старался занять такое место, где бы им было трудно обнаружить меня: за колонной, у стенки, среди толпы, ожидавшей поезд. Иногда случалось, что на тихой станции метро находились только я и бригада наружного наблюдения. В таких случаях я обычно начинал думать о чем-то приятном, улыбался или, расхаживая вдоль платформы с беспечным видом, напевал мотив модной американской песенки, показывая, таким образом, что я не обращаю никакого внимания на стежку.

В «наружники» брали только мужчин. Одевались они скромно, обычно в темные, неброских тонов костюмы и пальто. Летом часто носили рубашки навыпуск, без галстуков. Помню случай, когда за мной следила бригада в составе четырех сотрудников. Один из них полдня ходил в солдатской форме. Я видел его в метро на эскалаторе, затем он зашел вместе со мной в представительство английской пароходной компании «Кунард уайт стар лайн», где я заказывал билеты для советских граждан, следовавших в Лондон. Третий раз увидел этого «солдата» во время обеда в кафетерии.

В начале 1944 года я женился на советской студентке, приехавшей в Нью-Йорк изучать в Колумбийском университете английский язык и американскую систему делопроизводства. В связи с расширением ленд-лиза в Министерство внешней торговли поступал большой объем документации на английском языке. Мы стали жить в городе.

Месяца через полтора мы заметили, что за мной постоянно наблюдает женщина лет пятидесяти, проживающая в доме напротив. Мы видели ее стоящей на углу улицы или сидящей на скамейке возле парка, да и в других местах, всякий раз, когда утром выходили из дома или возвращались домой.

Случайность? Нет, быть не может! Чтобы удостовериться, что эта женщина следит за мной, я с утра договаривался с женой, чтобы она в определенное время осторожно понаблюдала, когда появится эта дама на улице и что станет делать, когда я войду в наш дом. В условленный день и час я позвонил жене на работу и сказал, что приду домой около семи вечера. Сделал это умышленно, чтобы контрразведка зафиксировала звонок и, проверив, могла убедиться в правоте моих слов. Далее мы действовали по готовому сценарию. Около семи вечера я вышел из генконсульства. Моя жена, заблаговременно пришедшая в район нашего дома, издали наблюдала, как эта женщина вышла из соседнего здания на улицу, села на лавочку в парке и все время смотрела в ту сторону, откуда я должен был появиться. Зафиксировав мое возвращение, она минут через пять зашла в будку телефона-автомата, позвонила кому-то, а затем направилась в свою квартиру. Такую проверку мы сделали трижды. Незнакомка действовала стандартно. У меня не осталось никакого сомнения в том, что она выполняет задание ФБР.

Начиная с весны 1943 года, когда было зафиксировано наращивание активности слежки ФБР за советскими представителями, по инициативе резидентуры началось совершенствование методов

выявления наружного наблюдения за нами и внедрения более конспиративных приемов во всех звеньях разведывательной работы. Шла постоянная борьба между американской контрразведкой и советской разведкой. На каждое новшество ФБР сотрудники резидентуры, чтобы избежать провалов, были обязаны своевременно принимать контрмеры.

В апреле 1941 года я приступил к работе над установлением двусторонней радиосвязи с Центром. Вначале по заранее согласованному плану осваивал прием радиопередач на внутрикомнатную, а затем на внешнюю антенну, но слышимость была неважной. На нашем низком четырехэтажном доме, окруженном небоскребами, имелась небольшая антенна. Я решил поставить более высокую. Для этой цели отыскал в штате Нью-Джерси склад, где продавались бамбуковые шесты для спортивных целей. Купил четыре штуки. Сам сделал соединительные муфты, оттяжки и с помощью товарищей установил хорошую горизонтальную антенну, подвешенную на высоте шести метров от крыши. Слышимость стала прекрасной как в дневное, так и в ночное время. И Москва принимала меня устойчиво. Из Центра стали приходить шифрованные телеграммы. А когда началась война, резидент поручил мне ежедневно слушать последние известия из Москвы и докладывать ему вкратце содержание передач. По расписанию я выходил на связь два раза в сутки – ночью и днем.

Первоначально предполагалось, что радиостанция резидентуры будет использоваться как резервная. К ней мы будем прибегать только в том случае, если международные коммерческие телеграфные линии откажутся передавать в Москву шифровки. Когда же была установлена устойчивая радиосвязь, ее стали использовать практически ежедневно в целях экономии валюты и для передачи срочных телеграмм. Так продолжалось более полутора лет. Летом 1943 года местная газета «Джорнэл америкэн» сообщила, что американская контрразведка обнаружила работу радиопередатчика в советском консульстве в Нью-Йорке. В связи с этим по указанию Центра двусторонняя радиосвязь с Москвой была прекращена. Каких-либо действий госдепартамент по сему поводу не предпринял. Видимо, посольство США в Москве тоже имело радиостанцию.

Проверку моей пригодности к ведению работы с важной агентурой резидент проводил почти два года, постепенно поручая мне все более сложные разовые задания. Я много времени уделял официальной работе по прикрытию, налаживанию и поддержанию радиосвязи с Москвой, приобретал полезные знакомства среди американцев и иностранцев, принимал в городе на конспиративных квартирах агентурные материалы от Семенова, по указанию резидента помогал делать переводы документов, полученных другими сотрудниками, которые нужно было срочно направить в Центр телеграммой, проводил явки с источниками, привлеченными к сотрудничеству другими оперативными работниками.

Несмотря на то что американская контрразведка непрерывно вела работу против советских граждан, в целом для советской разведки во время второй мировой войны обстановка в США была благоприятной. Среди тех американцев, которые были носителями важных военных, политических, научно-технических секретов, находилось немало таких, кто по идейным, а порою по моральным соображениям не одобрял политику правящих кругов США и Англии. Они возмущались тем, что советский народ три года в одиночестве вел кровавую битву против общего врага человечества – германского и итальянского фашизма и их союзников. Прогрессивные и честные люди особенно сильно негодовали, когда становились известны факты о том, что США и Англия готовили акции, направленные против Советского Союза и его интересов. Такие американцы по своей инициативе устанавливали контакты с представителями Москвы и сообщали им сведения об антисоветских планах властей.

Однажды в генконсульство в Нью-Йорке пришел бывший полковник царской армии, постоянно проживавший в США. Волнуясь, рассказал, что его сын, служивший в Управлении стратегических служб (УСС), с возмущением поведал ему, что сотрудники УСС в срочном порядке проводят беседы с русскими и украинскими эмигрантами и собирают информацию о портах на Дальнем Востоке, на севере и юге Советского Союза, об имевшихся у них там родственниках и знакомых. Сын полковника также сказал, что американцы готовятся к возможной высадке войск в России, якобы на тот случай, если сопротивление Красной Армии будет сломлено и Восточный фронт развалится. Доживающий на чужбине свой век русский патриот дрожащим, прерывающимся голосом заключил:

–Такого вероломства со стороны американцев я не ожидал. Это же готовится удар ножом в спину России. Остерегайтесь американцев!

Мы установили связь с его сыном, получившим в дальнейшем псевдоним «Генри». Он передал нам важные сведения об объектах УСС в Вашингтоне, Нью-Йорке, о структуре управления, кадрах и разведывательной деятельности.

До войны Соединенные Штаты имели разветвленные связи с финансовыми, экономическими, научно-техническими, политическими, культурными и другими учреждениями Германии, Италии и других стран Европы. Кроме того, в США находились десятки миллионов выходцев из европейских стран. Особенно много было немцев и итальянцев. Так, накануне войны в Нью-Йорке жило свыше миллиона итальянцев. Используя благоприятные возможности, УСС приобрело в высших правительственных кругах Германии агентов, явившихся ценными источниками информации. От них разведка Вашингтона получала важные сведения, в том числе о планах на Восточном фронте. Но их Москве, увы, Вашингтон не передавал. Поэтому советской секретной службе пришлось тайно добывать их в УСС.

В военные годы много эмигрантов из стран Европы нашло убежище в Соединенных Штатах. Среди них были видные государственные и политические деятели, дипломаты, писатели, журналисты. С

некоторыми представителями этих в основном антифашистски настроенных беженцев мои товарищи по резидентуре и я поддерживали регулярную связь и получали важную информацию о тайных планах США и Англии. От них и от «Генри» мы имели данные о том, что в Канаде и США проходили подготовку выходцы из стран Восточной Европы, которых разведки США и Англии намерены нелегально направлять в Польшу, Болгарию, Венгрию, Румынию, Чехословакию, Югославию, Австрию. Там они должны были организовать прозападное подполье, вести разведку и сообщать о результатах своей деятельности в Лондон, используя нелегальные малогабаритные радиостанции. В конце войны, когда ясно обозначился скорый разгром фашистской Германии, им ставилась задача поднять восстание и захватить власть до прихода туда частей Красной Армии. Операции по заброске спецгрупп в страны Восточной Европы УСС проводило совместно с английской «Сикрет интеллидженс сервис» (или МИ-6), представительство которой находилось в Рокфеллеровском центре в Нью-Йорке. Действовала она под прикрытием консульского учреждения, называвшегося «Бритиш паспорт контрол офис».

В конце 1942 года резидент поручил мне как радиоспециалисту провести явки с двумя нашими агентами-радистами. Оба они были американскими гражданами. Один – польского происхождения, другой – выходец из Сербии.

Запомнились две беседы с поляком, а вернее, с белорусом «Андреем».

Семнадцатилетним парнем «Андрей» в 1935 году вместе с родителями в поисках работы приехал в США. Работал учеником, а затем электриком в частной мастерской по ремонту электроприборов и радиоприемников. Когда в конце 1941 года США вступили в войну, он был призван в армию, а затем зачислен на курсы УСС по подготовке радистов для нелегальной заброски в Польшу.

Там курсантов обучали прыжкам с парашютом, приему и передаче радиogramм. Им читали лекции по истории Польши с националистических, антирусских и антисоветских позиций. Преподаватели объясняли, что польское эмигрантское правительство в Лондоне добивается, чтобы в результате этой войны с помощью Англии и США была создана «Великая Польша – от моря до моря».

«Андрей» передал мне карту такой «Великой Польши», в которую включались не только Западная Белоруссия и Западная Украина, но и большая часть Южной Украины, в том числе вся Одесская область. «Андрей» и его товарищ по учебе возмущались этими фантастическими планами польских националистических руководителей. Одно время в знак протеста они даже собирались подать рапорты командованию с просьбой отчислить их с курсов. Перед отъездом «Андрея» мы выработали расписание сеансов его радиосвязи с Москвой, а также назначили явку в Варшаве. Я тепло расстался с ним. Через неделю он на пароходе отбыл в Англию.

После отъезда «Андрея» я часто вспоминал о нем, но судьба его осталась мне неизвестной. Уцелел ли он в военное лихолетье?

Работал я и с другим радистом – «Кумом», который сообщил надежный адрес в Югославии, где мы всегда могли выяснить его местонахождение.

* * *

А теперь мне хотелось бы коснуться основных принципов агентурной разведки. Конечно, я имею в виду советскую разведслужбу.

Всю разведывательную деятельность по получению секретной информации с помощью агентуры можно разделить условно на три главные составные части: вербовка агентуры, руководство деятельностью агентов, поддержание конспиративной связи с агентами.

Вербовка агентуры. Легко понять, что без агентов, способных добывать и передавать важную секретную информацию, не может быть действенной разведки. Сила, высокий класс любой разведывательной службы определяются наличием у нее секретных источников информации в высших эшелонах власти: правительствах, министерствах обороны и иностранных дел, разведывательных и контрразведывательных службах, научно-исследовательских центрах и других важных государственных и правительственных учреждениях разведываемой страны. Сталину, несомненно, было значительно легче вести переговоры с Черчиллем и Рузвельтом в Тегеране, Ялте и Потсдаме, когда он по материалам своей разведки заблаговременно многое знал об их целях и планах, расхождениях в позициях по отдельным вопросам.

Основная задача любого разведчика – приобретение полезных знакомств среди местных жителей и иностранцев, их изучение и определение целесообразности и возможности привлечения к сотрудничеству. Конкретно в ходе бесед должно быть установлено, что изучаемое лицо имеет хорошее здоровье, нормальную психику, умеет хранить секреты. Очень важно также определить: работает ли оно на интересующем разведку объекте или в перспективе может устроиться туда и имеет или будет иметь доступ к секретным сведениям? Обязательно необходимо выявить у разрабатываемого лица возможную основу его вербовки – идейную близость, политические симпатии, желание заработать деньги за передаваемую секретную информацию или какие-либо другие мотивы.

В странах, где активно действует контрразведка, проведение частых встреч с изучаемым лицом может быть зафиксировано слежкой, изучаемое лицо будет завербовано службой контршпионажа, превратится в «подставу», и все может закончиться провалом. Поэтому разведка при поиске кандидатов на вербовку, а также их вербовке часто использует надежных агентов-наводчиков и агентов-вербовщиков из числа местных граждан, которые, как правило, сами не имеют доступа к

секретной информации. Таким агентам контрразведка уделяет меньше внимания, чем разведчикам, работающим в советских учреждениях.

Вербовочная беседа с иностранцем, в ходе тщательной разработки которого установлены целесообразность и возможность его привлечения к сотрудничеству, проводится только с санкции руководства разведки. Она, эта беседа, обычно поручается опытному оперативному работнику, который способен убедить кандидатов на вербовку в полезности и безопасности для него сотрудничать с советской разведкой. На тот случай, если объект вербовки отказывается от вербовочного предложения, предпринимаются заранее предусмотренные меры к тому, чтобы он не смог причинить вреда вербовщику или резидентуре.

Метод постепенного вовлечения в сотрудничество с разведкой применяется в отношении тех лиц, которые, будучи по натуре робкими и застенчивыми, сразу не решаются иметь дело с разведчиком. Установив с такими кандидатами доверительные отношения, вербовщик вначале получает от него в устной форме легкодоступную ему маловажную информацию. Затем перед вербуемым ставятся задания, сложность которых постепенно возрастает. Одновременно в организацию встреч с ним вводятся все более тонкие элементы конспирации. Вербовщик также при удобном случае ненавязчиво материально вознаграждает объект вербовки. Размер денежных средств или материальных ценностей увеличивается по мере возрастания важности секретных сведений, которые сообщает агент. В конечном счете разведчик приучает вербуемого передавать ему информацию в виде записей и, наконец, фотокопии секретных документов.

Руководство деятельностью агента. При работе с агентом перед разведчиком стоят три главные задачи.

Во-первых, всегда необходимо проверять преданность и надежность источника, принимая во внимание возможность перевербовки агента контрразведкой, ибо тогда он превращается из источника важной секретной информации в инструмент, с помощью которого противник дезинформирует разведку, следит за ее интересами, а при случае может осуществить провокацию. Разведчик и его руководство проверяют надежность агента, тщательно анализируя его поведение и результаты практической деятельности по передаче ценной, актуальной секретной информации. В случае возникновения подозрений в искренности агента разведка проводит специальные мероприятия по его проверке.

Во-вторых, оперработник должен воспитывать у агента желание и потребность преданно и активно работать на разведку. Выполнение этой задачи достигается путем умелого проведения с агентом хорошо продуманных идейно-политических бесед, с тем чтобы стимулировать у него понимание внутренней и внешней политики Советского Союза. Такие беседы преследуют цель выработать у агента твердые политические позиции, которые помогали бы ему не попасть под влияние враждебных нам идей.

В-третьих, агента необходимо обучить основным приемам ведения разведывательной работы, чтобы он не совершал ошибок, вследствие которых его деятельность может быть выявлена контршпионажем со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями. Особенно много времени уделяется обучению правильному поведению вновь завербованного агента на службе и в быту. Его учат, кроме того, как правильно оценивать окружающую обстановку и лиц. Когда и как целесообразнее всего добывать секретную информацию, документы, каким образом их готовить к передаче разведчику, где их хранить и многому другому.

Нового агента оперработник знакомит с методами контрразведывательной деятельности противника. Эти сведения сообщают ему постепенно, по частям, во время встреч с учетом индивидуальных особенностей его характера. В практике имелись случаи, когда неискушенному агенту во время одной беседы, так сказать, чохом рассказывалось о всех изощренных приемах работы противника по выявлению лиц, связанных с советской разведкой. В результате такого «обучения» вновь привлеченный агент, перепугавшись, переставал выходить на обусловленные встречи и прекращал сотрудничество.

Успех работы по воспитанию и руководству агентом во многом зависит от личных качеств и культурного уровня разведчика. Оперработнику нужно внимательно, даже заботливо относиться к источнику, установить дружеские отношения, беспокоиться о его безопасности и благополучии. Необходимо добиться того, чтобы агент считал разведчика авторитетным, хорошо знающим работу, приятным человеком, с которым можно посоветоваться по важным проблемам и которому можно верить свою судьбу. Но эти дружеские отношения не должны переходить в панибратство, а базироваться на серьезной политической и профессиональной основе.

Честное, дружеское, деловое отношение обычно вдохновляет агента на творческую инициативную работу по выполнению поставленных перед ним задач. Если же он почувствует, что разведчик не заботится о нем, относится к нему неискренне, говорит неправду, источник ответит ему тем же и не будет действовать продуктивно.

Обеспечение конспиративной надежной связи. Практика показывает, что больше всего провалов в разведывательной деятельности случается на участке организации связи, где происходит передача секретных материалов от агента разведчику. Связь в разведке является самым уязвимым звеном. Поэтому разведчик прилагает особые усилия к тому, чтобы эта связь была конспиративной и надежной.

Это означает, во-первых, что контакт между ними должен быть скрытым, а, во-вторых, в случае если одна из намеченных встреч между ними по каким-либо причинам не состоится, то связь можно

возобновить по схеме, которая заблаговременно точно обговаривается. Разумеется, для того чтобы не было провалов на участке связи, разведчик обязан научить агента приемам выявления за ним слежки противника, особенно когда он идет на встречу или собирается выполнить ту или иную разведывательную операцию. Часто разведчик и агент разрабатывают запасные каналы бесконтактной связи и систему сигналов, с помощью которых агент может сообщить об угрожающей ему опасности или о том, что у него все в порядке.

Связь с агентом разведчик организует с учетом методов деятельности службы контршпионажа, криминогенной обстановки в городе, его места работы, проживания и многих других факторов. При этом необходимо добиваться того, чтобы конспиративность и надежность связи постоянно улучшались и чтобы в этом процессе обязательно принимал участие сам источник, не полагаясь лишь на усилия разведки. Ведь разведчик и разведслужба так или иначе обязаны заботиться о безопасности агента: для них это превыше всего.

После того как я довольно подробно изложил политическую и оперативную обстановку, условия для ведения нашей разведывательной работы в США во время войны, настал момент рассказать, какие конкретно разведывательные операции провел я в то время и каковы их результаты.

«ЖЕМЧУГ», «КИРИЛЛ», «СТЕНЛИ», «АНТИЛОПА» И ДРУГИЕ

За время командировки я лично привлек к сотрудничеству двух агентов – «Жемчуга» и «Антилопу». По рекомендации агента-наводчика «Кирилла» провел вербовочную беседу с «Магги» и «Осипом». Кроме того, при помощи «Стенли» и агента «Ретро», находившихся у меня на связи, резидентура в тот период приобрела источников «Коно» и «Хорвата».

Здесь хотелось бы отметить, что привлечение иностранца к сотрудничеству является весьма сложной разведывательной операцией, в проведении которой принимают участие минимум пять-шесть сотрудников резидентуры и центрального аппарата. В резидентуре помимо разведчика, ведущего разработку вербуемого, участвует и резидент. В Центре – оперработник, ведущий дело на кандидата на вербовку, начальник соответствующего отдела, его заместитель. В итоге разрешение на проведение вербовочной беседы дает начальник разведки или его заместитель. Вся эта команда, прежде чем приступить к вербовке, должна установить:

- а) кандидат на вербовку располагает разведывательными возможностями, то есть имеет доступ к нужной секретной информации;
- б) имеется или создается идейно-политическая, материальная или какая-либо другая реальная основа для его успешной вербовки;
- в) по своим личным качествам кандидат – здравомыслящий, серьезный, мужественный человек, умеющий соблюдать конспирацию в работе;
- г) и самое главное – установить, что намеченный объект вербовки не является «подставой» службы контршпионажа противника, специально внедряемой в нашу агентурную сеть. Таковы общие, но безусловные положения.

А теперь мне хотелось бы поделиться с читателями своим первым и не до конца удачным опытом вербовки «Жемчуга».

«Жемчуг» – молодой, красивый, стройный мужчина, радиотехник по специальности, выходец из Западной Украины. В 1939 году приехал в США как турист. Возвращаться в панскую Польшу не захотел. Но когда его родной край воссоединился с Советской Украиной, он обратился в наше генеральное консульство с ходатайством о принятии его в советское гражданство. В Нью-Йорке он был простым рабочим, жил в общеджитии.

Я проводил встречи с «Жемчугом» в городских кафетериях. Мы вели беседы на разные политические темы, в результате этих контактов у меня сложилось о нем представление как о человеке, по-доброму относящемся к Советскому Союзу.

Ознакомившись с подготовленными мною документами по изучению «Жемчуга», в том числе с положительными данными его проверки по учетам Центра, резидент В. М. Зарубин дал санкцию на привлечение этой кандидатуры путем постепенного втягивания в сотрудничество с нами, предложив такой план:

- объяснить, что наша страна нуждается в хороших специалистах. Поэтому, прежде чем возвращаться на Родину, ему необходимо пожить в США несколько лет, получить образование в области радиотехники, поработать на американских заводах, приобрести прочные практические навыки, с тем чтобы он мог успешно применить знания и опыт в СССР;
- пообещать небольшую материальную поддержку во время учебы;
- предложить сначала составлять информационные обзоры по открытым радиотехническим журналам и учебным материалам;
- убедить его в том, чтобы он принял гражданство США и устроился на работу в одну из научно-исследовательских лабораторий.

В соответствии с этими наметками я побеседовал с «Жемчугом». Он полностью со всем согласился. Мы стали регулярно конспиративно встречаться в городе. «Жемчуг» готовил обзоры по радиотехнике. Ежемесячно мы оказывали ему материальную помощь в размере двадцати пяти долларов. По нашей рекомендации он переехал на жительство в Вашингтон и устроился на платные

одногодичные радиотехнические курсы. Вместе с ним на курсах занимались младшие американские и бразильские офицеры, а также гражданские лица.

«Жемчуг» проявил себя способным в учебе и предприимчивым в делах человеком. Он снял трехкомнатную квартиру за пятьдесят долларов: в одной комнате жил и работал сам, а две другие пересдал за сорок долларов. За небольшую плату он получил разрешение городских властей устроить у себя частную мастерскую по ремонту радиоприемников, которая была открыта с четырех часов дня и до восьми вечера.

За год мастерская получила известность, и ее хозяин приобрел довольно большую клиентуру. Заработок его составлял уже две-три сотни долларов в месяц, но он продолжал передавать нам радиотехнические обзоры. После окончания курсов «Жемчуг» не смог устроиться на интересующий нас объект, так как еще не получил американского гражданства.

Далее обстоятельства сложились таким образом, что мне на связь была передана важная агентура. Учитывая малую ценность материалов агента, Квасников приказал не выезжать на встречи с «Жемчугом» в Вашингтон, чтобы не привлекать к себе внимание контрразведки. Игра, как говорится, не стоила свеч.

Только через год я собрался в американскую столицу. По телефонной книге установил, что «Жемчуг» теперь имеет мастерскую по другому адресу. Я связался с ним по телефону, мы встретились. Он рассказал, что сейчас, в дни войны, практически в каждой семье есть радиоприемник, поэтому дел у него полно, зарабатывает он хорошо, купил маленький дом в рассрочку, имеет подержанную автомашину, в его мастерской по найму работает один человек, а в банке на счету скопилось уже две тысячи долларов.

«Жемчуг» не скрыл от меня, что своим положением хозяина мастерской доволен, собирается жениться, а вот переходить на другую работу по найму пока не хотел бы. В конце разговора он добавил, что вообще намерен остаться на постоянное жительство в США. По всему было видно, что под воздействием безбедной жизни его мировоззрение сильно изменилось.

Коль скоро так, резидент посчитал, что дело с «Жемчугом» пока нужно положить «под сукно».

Начиная с конца 1945 года целых десять лет наша разведка неоднократно пыталась разыскать агента, но безуспешно. Возможно, он был призван в армию США и погиб на фронте.

Вот так неудачно закончилась моя первая вербовочная разработка. Жаль, что это случилось, ибо я считал, что в перспективе из «Жемчуга» мог бы выйти неплохой агент.

Более удачно прошли вербовки «Антилопы», «Магги» и «Осипа», о которых я расскажу в дальнейшем.

За два первых года войны американская контрразведка значительно увеличила свой оперативный состав, особенно занятый в бригадах наружного наблюдения. Входящие в них сотрудники за это время приобрели определенный профессиональный навык. К середине 1943 года ФБР в основном разгромило резидентуры Германии и Италии, интернировало японцев и перебросило большую часть своих сил и средств на борьбу против советской разведки. Почти все сотрудники резидентуры стали замечать за собой слежку.

В это время из нашей резидентуры пришлось уехать двум опытным разведчикам, поэтому часть их агентуры передали мне на связь. Среди них считались ценными вербовщик «Стенли» с его источниками «Ретро» и «Нэтом», агенты «Кирилл» с источником «Кордел», а также «Сетер» и «Девин». Одновременно Центр и резидент по научно-технической линии Квасников поставил передо мною задачи: во-первых, повысить конспиративность встреч с агентурой; во-вторых, – и это оказалось самым главным и трудным – организовать фотографирование материалов, полученных от агентов, и принимать от них копии секретных документов в непроявленной пленке.

Выполняя указание, я отобрал из ранее одобренных более десяти мест встречи с учетом места жительства и работы агентов, подготовил маршруты проверок с целью постепенно научить агентов приемам обнаружения слежки, особенно перед приходом на встречу, а также обучил их, как выявлять осведомителей ФБР из числа сослуживцев и соседей по месту жительства.

В то время наружное наблюдение за мной велось редко, так как фэбээровцы за предыдущие два года успели убедиться, что я добросовестно занимаюсь официальными делами и «дополнительной нагрузкой» вроде бы у меня нет.

Я приобрел в разных магазинах Нью-Йорка фотоаппараты «Лейка», насадочные линзы и большой запас высококачественной фотопленки. Фотокамеры я тщательно проверил и составил на английском языке на папиросной бумаге краткие инструкции.

Забегая вперед, замечу, что принятые меры позволили сделать связь более конспиративной, увеличить объем и улучшить качество материалов, и вообще вся агентурно-оперативная деятельность обрела более надежный характер. И главное – это позволило в два раза уменьшить число встреч с каждым агентом. Отпала необходимость как для оперработника, так и для агента расхаживать по улицам с секретными документами, а во многих случаях привозить их из других городов.

Кроме того, операция по извлечению агентом секретных материалов с места работы стала значительно безопасней. Прежде агент обычно брал материалы со службы в день встречи, когда порой обстановка там возникала не совсем благоприятная. Теперь же он выносил их тогда, когда не было никаких признаков опасности.

На проведение встреч агенты стали затрачивать меньше времени. В высвободившиеся таким

образом часы мы рекомендовали источникам ходить в кино, на спортивные мероприятия, встречаться с друзьями и знакомыми умеренных политических взглядов. Нововведение не только способствовало созданию спокойных, нормальных отношений в семье, на службе, но и делало разведывательную работу более конспиративной и надежной.

Анализируя работу с действующей агентурой, резидентура пришла к выводу: срочно освободить агентов-вербовщиков «Стенли» и «Кирилла» от работы с находившимися у них на связи агентами «Ретро», «Нэтом» и «Корделом», ибо они были очень заняты общественной работой в профсоюзных организациях. Кроме того, руководство считало, что, учитывая их способности и возможности, они должны заниматься только приобретением новых источников секретной информации.

Первым агентом, от которого мы добились, чтобы он сам снимал материалы, был «Сетер». Он – американец, страстный радиолюбитель, инженер одной из ведущих компаний, выпускавшей различную радиоаппаратуру для вооруженных сил США, в том числе радары и сонары (приборы для определения точного местонахождения подводных лодок в погруженном состоянии). По своим политическим взглядам «Сетер» слыл человеком прогрессивным. К сотрудничеству его привлек летом 1942 года наш проверенный агент, которого вскоре призвали в армию.

В 1943 году «Сетера» передали на связь мне. Когда он в первый раз привез документы, я сразу заметил его крайнюю взволнованность и поинтересовался, что случилось. «Сетер» откровенно признался, что перед отъездом на встречу он поругался со своей женой, которая ревновала его и не хотела, чтобы в тот вечер он уходил из дома. Пожаловался, что его нервы совсем расшатались, иногда плохо спит, ему снятся кошмары, от которых он просыпается в холодном поту. Я как мог успокоил «Сетера». Затем, чтобы освободить его от необходимости привозить секретные материалы в Нью-Йорк, я предложил ему самому их фотографировать и передавать нам в непроявленной пленке, которую в случае опасности легко засветить. «Сетер» с энтузиазмом принял предложение. Выяснилось, что с фотоделом он в ладах.

На специальной моментальной встрече я передал «Сетеру» фотокамеру «Лейка». С той поры «Сетер» практиковал фотографирование документов в стенном шкафу квартиры. Дома, как обычно, он ужинал, а потом выходил со своим сыном погулять. Прохаживаясь вокруг дома, еще раз проверялся для выявления возможного наружного наблюдения. Около девяти вечера, когда в доме зажигался свет и занавешивались окна, «Сетер» переснимал материалы.

С «Сетером» я встречался один раз в тридцать – сорок дней. За это время ему обычно удавалось произвести два-три выноса материалов из офиса, сфотографировать их, а утром возвратить на место. Встречи с ним проводились в Нью-Йорке или в городе, где он жил, а иногда и в промежуточных местах.

Я предпочитал встречаться с «Сетером» утром по воскресеньям. Выходил из дома в шесть – шесть тридцать, когда на улицах и в городском транспорте было очень мало людей и не составляло трудности выявить наружное наблюдение. Проведя проверку в Нью-Йорке, прибывал в город встречи. Еще раз проверялся и направлялся в обусловленную точку контакта. «Сетер» приезжал в своем автомобиле и подбирал меня. Мы проверялись еще раз уже вместе, а затем проводили деловую беседу на прогулке, в кафетерии или в его автомашине. Передав сверток с непроявленной пленкой, «Сетер» обычно подбрасывал меня к подходящему на стоянку междугородному автобусу, на котором я без промедления отправлялся в Нью-Йорк.

Перевод на фотографирование материалов, а также проявленные к нему внимание и забота (в частности, оказание материальной помощи) благотворно подействовали на агента, способствовали улучшению его физического и морального состояния – он стал спокойнее, отношения в семье наладились.

«Сетер» был очень дисциплинированным, не сорвал ни одной явки, передавал много секретных документов, которые представляли большой интерес для наших научно-исследовательских институтов. Ежегодно передавал нам две-три тысячи фотолистов секретных материалов, большинство которых получили оценки «ценный» и «весьма ценный».

По указанию Центра в конце 1945 года я от имени нашей службы сердечно поблагодарил «Сетера» и законсервировал связь с ним, передав деньги на непредвиденные расходы.

Руководство разведки весьма ценило сотрудничавшего с нами на идейно-политической основе «Кирилла», который имел широкий круг знакомых среди инженерно-технического персонала и рабочих, занятых в авиационной промышленности. «Кирилл» сам работал на заводе, выпускавшем самолеты, и являлся профсоюзным активистом. Среди его приятелей были прогрессивные люди, искренне сочувствовавшие борьбе советского народа против нацистов.

По нашей просьбе в 1942 году «Кирилл» привлек к сотрудничеству способного научного сотрудника «Кордела», участвовавшего в конструировании по контрактам военного министерства новейших истребителей. Тот имел свободный доступ к поступавшим в конструкторское бюро секретным научно-исследовательским работам и наставлениям по эксплуатации новейших самолетов, которые были построены по заказу военного ведомства на других заводах.

Я установил связь с «Кириллом» в конце 1943 года по условиям намеченной явки, так как за моим сослуживцем, у которого источник был на связи, постоянно ходили филеры и он по указанию Центра возвратился на Родину. В то время секретные материалы «Корделла» передавал нам сам «Кирилл».

«Кирилл» приезжал в Нью-Йорк на встречу со мной раз в месяц и привозил с собой в портфеле пятьсот – шестьсот страниц секретных материалов по авиации и реактивной технике. Попутно замечу,

что в те дни даже по воскресеньям в районе советского учреждения стали появляться автомашины службы наружного наблюдения. Поэтому, чтобы не приносить в генконсульство толстый портфель с материалами, а потом не выходить с ним на встречу для возврата материалов, я один раз производил съемку материалов «Кордела» на изолированной кухне у себя в городской квартире, а другой раз – на квартире моего знакомого советского инженера.

Одновременно в течение двух месяцев мы усиленно искали человека на роль хозяина конспиративной квартиры для «Кордела». «Кирилл» рекомендовал привлечь для этой цели своего друга детства «Осипа» и его жену «Магги».

«Осип» родился в США в семье выходцев из России. По-русски не говорил. «Кирилл» характеризовал его и «Магги» как людей, относящихся с симпатией к Советскому Союзу. Он был уверен, что они согласятся помочь нам, но советовал, чтобы я, советский человек, в его присутствии провел с ними беседу и сделал им предложение об оказании помощи Советской стране.

«Осип» работал на заводе слесарем, а его супруга шила на дому и вела нехитрое хозяйство. Они были бездетные, всю жизнь трудились и находились в стесненном материальном положении. Жили в маленьком дачном поселке, неподалеку от города, где проживали «Кирилл» и «Кордел».

После соответствующей проверки через Центр Квасников дал мне добро на привлечение «Осипа» и его жены к сотрудничеству в качестве хозяев конспиративной квартиры.

Помню, в октябре 1943 года, вечером, после работы, «Кирилл» и я отправились на дачном поезде к «Осипу». Вышли на маленькой станции и в потемках по размокшим от дождя дорогам стали искать его дом. Когда вошли на участок, застали «Осипа» и его жену за ремонтом водопровода. «Кирилл» познакомил нас. Мы помогли «Осипу» закончить работу.

В комнате с убогой обстановкой над столом тускло горела электрическая лампочка под старым матерчатым абажуром. Наскоро вымыв руки и переодевшись, «Осип» предложил выпить пива, а жена ушла что-то готовить на кухню. Я был представлен хозяевам как советский инженер. За пивом и чаем с бутербродами неспешно обсуждали ход войны; к нашему разговору присоединилась и «Магги». Я начал рассказывать об отношениях СССР с союзниками, оттеняя неискренность Англии и США, указал, что они не только задерживают открытие второго фронта, но и отказываются помогать нам новейшей наступательной техникой. Советские люди воюют, несут огромные потери, а правящие круги США и Англии тайно наращивают военную мощь, чтобы использовать ее как гарантию удобного им послевоенного устройства мира. «Осип» не только согласился с моими доводами, но и высказал мысль о том, что необходимо разоблачать эту политику с «двойным дном».

Когда обсуждение достигло определенного уровня, «Кирилл» сказал, что мы хотели бы обсудить с хозяином один важный, но весьма деликатный вопрос. «Вы обсуждайте свои проблемы, а я займусь своими», – с этими словами «Магги» оставила нас одних.

Я обратился к «Осипу», заявив, что мы очень нуждаемся в надежном человеке, который оказал бы нам помощь в раскрытии тайных планов империалистов в войне, планов, которые направлены против государства рабочих и крестьян – СССР, и что мы хотели бы, чтобы он согласился оказать нам такую помощь и никому об этом не говорил. «Осип» ответил, что будет горд, если ему доверят вести борьбу с врагами СССР, что готов помочь и будет делать все, что в его силах.

Получив принципиальное согласие «Осипа», я в общих словах рассказал, в чем будет заключаться его миссия: принимать от надежного американца один раз в месяц секретные документы, фотографировать их, возвращать американцу, а непроявленную пленку передавать нам. Затем я намекнул, что для этого ему лучше бы переехать на жительство в соседний город. «Осип» слушал меня напряженно, лицо стало темно-красным, а на лбу выступила испарина. Но он твердо ответил, что готов все сделать. При этом он сказал, что, во-первых, хотел бы поставить в известность жену; а во-вторых, он не умеет фотографировать. Я согласился с его предложением ввести в курс дела жену. Мы пригласили ее к столу. «Магги», узнав, что «Осип» уже дал согласие, спокойно приняла предложение о переезде и сотрудничестве. Договорились, что все расходы, связанные с переездом, возможным убытком от продажи домика, а также тем обстоятельством, что семье придется временно не работать, мы оплатим и что в следующее воскресенье я приеду обучать «Осипа» фотографированию документов.

За два занятия супруги вполне освоили фотодело. Попутно в спокойной товарищеской манере я провел с ними беседы о соблюдении конспирации, посоветовал, где хранить линзу-насадку, фотопленку с материалами, объяснил, как выявлять за собой наружное наблюдение, проводить моментальные встречи для приема и возврата материалов. Мы обсудили и некоторые другие вопросы разведывательной работы. Многочасовые беседы в целом способствовали установлению дружеских отношений между нами. «Осип» получил и необходимую сумму на расходы, связанные с переездом.

Через две недели чета переехала в город, где жил «Кордел», и сняла удобную квартиру в рекомендованном мною районе. «Осип» устроился на работу, что в войну было легко сделать, ибо всюду требовались рабочие руки. Затем к ним приехал «Кирилл» и связал «Осипа» с «Корделом». С тех пор «Кордел» регулярно, два раза в месяц, передавал «Осипу» по три, четыре, а то и пять сотен страниц секретных материалов. Супруги фотографировали их, а утром, до начала работы, возвращали «Корделу».

Раз в месяц «Магги» привозила непроявленные пленки рано утром в Нью-Йорк. Первое время она передавала пленки лично мне, позже – через агента-связника «Кэти». Днем или вечером я встречался с «Магги», обсуждал вопросы разведывательной работы, передавал задания для «Кордела», а также

деньги на покрытие расходов, небольшое вознаграждение для «Кордела» и для супругов. Проводил с «Магги» беседы воспитательного характера, интересовался, как они живут, не замечают ли чего-либо подозрительного вокруг себя, отвечал на ее вопросы, стараясь создать у супругов хорошее настроение и желание активно помогать советскому народу в его трудной борьбе с общим врагом.

«Магги» обычно отвечала: у них жизнь идет спокойно. Работает только муж, а она загружена домашними делами. Вечером они читают, слушают радио, иногда ходят в кино. В воскресенье гуляют в парке, Отдыхают. Жизнью они довольны. Главное, получают моральное удовлетворение от того, что участвуют в борьбе с ненавистным врагом, оказывают помощь Советскому Союзу. Они рады, что теперь у них есть цель в жизни.

«Осип» и «Магги» наши поручения выполняли с большой ответственностью и желанием. Они неоднократно говорили, что участие в работе по оказанию помощи СССР составляет основной смысл их жизни. Это был типичный случай сотрудничества людей с советской разведкой на идейно-политической, патриотической основе. Я чувствовал, что агенты готовы выполнить любое наше задание, и верил им.

Встречи с «Корделом» я проводил два-три раза в год. Выяснял, как идут его дела на службе, все ли благополучно в личной жизни, передавал задания. Мы обсуждали пути совершенствования всех звеньев разведывательной работы, особенно усиления конспирации. Я проводил с ним политико-воспитательные беседы, одновременно изучал его.

От «Кордела» поступали комплектные, подробные материалы о новейших военных самолетах и зарождавшейся ракетной технике США. В частности, мы получили полную документацию о первом американском реактивном истребителе П-81, построенном компанией «Локхид».

Работа с «Корделом», «Осипом» и «Магги» доставляла истинное удовлетворение резиденту Квасникову и, разумеется, мне. Каково же было наше удивление, когда из Центра месяца через три-четыре неожиданно пришло письмо следующего содержания: «За необдуманные и поспешные действия по организации переезда „Осипа“ и созданию у него конспиративной квартиры, а также за самовольную выдачу пятисот долларов на переезд без разрешения Центра Квасникову объявляется выговор. При повторении подобных действий в дальнейшем такие расходы будут покрываться за счет личной зарплаты Квасникова».

Леонид Романович был невообразимо возмущен. Ведь он старался как можно быстрее повысить конспирацию в работе с ценным агентом, понимая, что промедление в данном случае было чревато опасными последствиями.

И вот тебе! Наказали за инициативу, за самостоятельность действий. На другого разведчика такой начальственный окрик Центра мог бы подействовать угнетающе. Но не таков был Квасников! Он твердо верил в полезность для Советского Союза проделанной нами работы и стоял на этом. Резидент написал вышестоящему руководству Центра обстоятельное, глубоко мотивированное объяснение, в котором поставил вопрос об отмене незаслуженного выговора, однако никакого ответа не последовало.

Лишь через год мы получили письмо из Центра: «Созданием конспиративной квартиры резидентура проделала весьма полезную работу, которая способствовала улучшению всей работы с „Корделом“. От него получено большое количество материалов, представляющих большую ценность для нашей промышленности. Полезность этой работы заключается не только в том, что она существенно увеличила объем документальных материалов и их качество, но также и в том, что создание конспиративной квартиры значительно повысило конспиративность всей работы с важным агентом». Далее сообщалось, что за истекший год от источника было получено девяносто восемь секретных законченных научно-исследовательских работ объемом более пяти тысяч страниц. Из них пятьдесят процентов получили оценку «весьма ценные», сорок – «ценные», и десять – «представляют информационный интерес».

Таким образом, жизнь подтвердила правильность действий резидентуры. Но, увы, в письме Центра никакого ответа на направленный рапорт Квасникова так и не содержалось.

Хотя Центр очень ценил секретные материалы по военному самолетостроению, получаемые от «Кордела», тем не менее он добивался от резидентуры, чтобы она с помощью «Кирилла» приобрела еще одного источника в этой области. Свое требование руководство разведки мотивировало, во-первых, тем, что советские специалисты были заинтересованы в получении информации о самолетах, выпускаемых двумя компаниями (приводились их названия). А во-вторых, Центр хотел иметь еще один канал получения информации по самолетостроению на тот случай, если один из источников по каким-либо причинам перестанет действовать.

Поэтому на встречах с «Кириллом» я убедительно просил его приобрести второго агента, желательно в названных Центром компаниях. «Кирилл» обещал выполнить нашу просьбу. Через некоторое время он нашел кандидата на вербовку – «Эдвина», начал тщательно его изучать и вести его политическую обработку в плане подготовки к оказанию Советскому Союзу тайной помощи путем передачи доступной ему секретной информации. Когда тщательное изучение и проверка «Эдвина» дали положительные результаты, Центр санкционировал его вербовку. «Кирилл» успешно провел вербовочную беседу, и «Эдвин» согласился сотрудничать с нами. Вскоре источника передали на связь моему товарищу по резидентуре.

Вначале «Эдвин» снабжал секретной информацией по специально подготовленным в Центре вопросам устно или письменно. Позднее он стал передавать секретные материалы в непроявленной пленке. Обычно «Эдвин» раз в два месяца приезжал на сутки в Нью-Йорк под предлогом посещения

проживавших там родителей и родственников и проводил конспиративные встречи с моим коллегой. Секретная документация «Эдвина» получила высокую оценку Центра.

Однажды на обычной короткой встрече «Эдвин» передал моему сослуживцу моток непроявленной пленки. И при этом сказал лишь одну фразу:

– Там есть кое-что интересное для вас.

В резидентуре проявили пленки и стали искать «кое-что интересное». Им оказались два совершенно секретных отчета советских ученых по реактивной технике на русском языке. В них было много дифференциальных и интегральных вычислений, совершенно непонятных для нас.

Вскоре Центр дал указание резидентуре выяснить, каким образом советские секретные отчеты попали на объект «Эдвина». Источнику это сделать не удалось, но, по его твердому убеждению, они были получены американской разведкой в Советском Союзе.

В конце 1944 года «Кирилла» избрали на руководящую должность в профсоюзе, и ему пришлось переехать на жительство в другой город. В связи с этим он выразил мотивированное соображение о целесообразности прекращения сотрудничества с нами. Центр согласился.

Большой вклад в приобретение источников информации о секретных работах в области радиоэлектроники сделал верный друг Советского Союза «Стенли», который завербовал для нас агентов, «Ретро», «Нэта» и «Коно». Последний был одно время на связи у моего товарища. Сам «Стенли» к сотрудничеству с нами был привлечен в 1942 году.

Вначале с агентом встречался разведчик Мохов, который обучил его основам конспиративного сотрудничества. Однако в 1943 году мой коллега был взят в активную разработку ФБР и прекратил контакт с ним.

«Стенли» имел ученую степень доктора технических наук и руководил большой группой научных сотрудников в лаборатории одной из крупнейших радиотехнических компаний, находившейся недалеко от Нью-Йорка. Очень увлекался радиоэлектроникой, был активным членом научного радиотехнического общества США, где приобрел широкий круг знакомых среди коллег в корпорациях «Рэдио корпорейшн оф Америка», «Дженерал электрик», «Вестингауз», «Вестерн электрик» и др.

В то время «Стенли» исполнилось 33 года. Его родители были выходцами из Швеции. Жена работала врачом-психологом. Детей не было. Вместе с ними жила теща. Любил заниматься в свободное время автотуризмом.

Резидент поручил мне восстановить связь с этим агентом. Доверяя мне работу со «Стенли», Квасников отметил важность этого задания и потребовал самого серьезного отношения к его выполнению.

Я подобрал несколько мест для встреч со «Стенли». Изучил все данные на него, хранившиеся в резидентуре, составил план операции по восстановлению связи. План состоял в том, что я должен посетить источника на квартире, передать привет от Мохова, извинившись, сказать, что он срочно уехал в СССР, и договориться о встрече в городе.

«Стенли» жил в шестизэтажном доме в нью-йоркском районе Бронкс. Дверь подъезда открывалась хозяином квартиры лишь после того, как тот переговорит с гостем по домофону. Я нажал кнопку нужной мне квартиры. Ответил мужской голос. Убедившись, что со мной говорит «Стенли», я передал ему привет от Питера (условное имя Мохова) и высказал пожелание зайти буквально на пару минут. Лифтом поднялся на пятый этаж. На лестничной клетке меня ждал человек, фотография которого имелась в резидентуре. Сомнений не оставалось – «Стенли». Мы поприветствовали друг друга. Я объяснил причину, по которой Питер пропустил три встречи, и сообщил, что теперь встречаться с ним буду я. «Стенли» сказал, что у него сейчас находится одна знакомая пара, поэтому к нему в квартиру лучше не входить. Условились: увидимся через день в городе.

На встрече я поинтересовался, как обстоят дела у него и источников его группы: «Ретро», «Нэта» и «Коно» (они были привлечены к сотрудничеству с нами самим «Стенли»). Он рассказал, что правительство США форсирует разработку различных образцов новой военной техники для оснащения армии, авиации и военно-морского флота. Создаются новые самолеты, снаряды, системы управления артиллерийским огнем и большое число различных радаров и компьютеров. Его товарищи работают на прежних местах. Ничего подозрительного никто не замечал. «Стенли» добавил, что в связи с прекращением контактов с Питером он дал указание им временно не выносить материалы с работы, но по первому сигналу они готовы снова начать свою деятельность. Далее мы обсудили порядок возобновления контактов с агентами. Встречи со «Стенли» первое время приходилось проводить часто, через пять-семь дней, так как он передавал в подлинниках не только свои материалы, но и материалы «Ретро», «Нэта» и «Коно». Если документ принимался на вечерней встрече, то я его фотографировал и на следующий день рано утром возвращал.

Вообще-то мы считали, что для советской разведки «Стенли» наибольшую ценность представлял как агент-вербовщик. Он непоколебимо верил в неизбежную победу социализма, обладал способностью убеждать либерально настроенных американцев в необходимости оказывать помощь Советскому Союзу по нелегальным каналам, любил разведывательную деятельность и считал себя подпольщиком-революционером, избравшим наиболее эффективный путь борьбы против империализма.

Несмотря на то что «Стенли» передавал мне каждый месяц чрезвычайно много ценной секретной информации, получаемой от друзей, он считал своим долгом лично добывать секретные документы.

Делал он это виртуозно. От него поступали подробная информация, чертежи, инструкции, наставления по эксплуатации различной секретной аппаратуры, кроме того, радиолампы и детали к прибору «свой – чужой», с помощью которого американский летчик простым нажатием кнопки мог сразу установить, чей самолет появился в поле зрения – свой или вражеский.

Для обеспечения безопасности «Стенли» группу его важных источников передали на связь оперработникам резидентуры.

За долгие годы нахождения за рубежом я работал со многими агентами. Встречи и отношения с каждым из них имели свою специфику. Но общение со «Стенли» доставляло мне, пожалуй, самое большое удовольствие. Наши встречи всегда проходили плодотворно. У нас была полная совместимость мировоззрений, характеров и желаний оказать как можно большую помощь Советскому Союзу. Мы были единомышленниками в полном смысле этого слова.

«Стенли» также любил встречаться со мной. Он неоднократно говорил мне:

– Встречи и беседы с вами – это счастливейшие минуты для меня. Только с вами я могу поговорить по душам, выговорить все, что во мне накопилось, и я вижу, что вы также откровенны со мной. Особенно мне интересны ваши рассказы о том, как жили и работали простые советские люди в 20-30-е годы, каких успехов они добились в развитии своей экономики, стремясь превратить социалистическую Родину в передовое промышленно развитое государство, и как они сейчас храбро защищают Отечество.

После того как группа агентов («Ретро», «Нэт» и «Коно») была передана на связь нашим оперработникам, а также организованы съемка материалов в квартире «Стенли» и переход на режим одной моментальной встречи и одной встречи-беседы в тридцать – сорок дней, у него высвободилось много времени. И он вдруг заскучал. На одной из встреч весной 1945 года он сказал:

– Мой дорогой друг и товарищ, я понимаю необходимость проведенной реорганизации и полностью согласен с тем, что вы разбили мою группу, отняли от меня товарищей и рекомендовали как можно реже встречаться с ними или звонить им. Да и вы сами стали редко видаться со мной. И вот мне теперь трудно от того, что дел у меня уменьшилось. Ведь я привык работать активно!

Когда я сообщил, что уезжаю домой, в Советский Союз, и что связь с ним через полгода установит и будет поддерживать другой опытный разведчик, «Стенли» от неожиданности несколько секунд ничего не говорил, а только смотрел на меня широко открытыми глазами. Молчал и я. На душе было грустно и тяжело.

В самых близких отношениях «Стенли» находился с «Ретро». Они вместе работали, хотя и различались по характеру и манере поведения. «Ретро» – флегматик, стремился к уединению, любил подумать, прежде чем принять решение, долго колебался. «Стенли» обладал натурой кипучей, он с удовольствием занимался общественной работой, красиво говорил, убедительно доказывал правильность своих взглядов, предлагаемых решений. У друзей на работе пользовался авторитетом и слыл признанным лидером. «Ретро» обожал «Стенли»; последний, в свою очередь, платил «Ретро» тем же. Оба считали себя коммунистами, хотя формально в партии не состояли.

В то время «Ретро» был холост. Увлекался серьезной музыкой. Играл на скрипке. Его любимым композитором был Бах. Он часто ходил на концерты симфонической музыки.

«Ретро» стал первым, кого «Стенли» привлек к разведывательной работе. Произошло это в конце 1942 года.

По служебной линии «Ретро» непосредственно подчинялся своему вербовщику, то есть «Стенли». Как руководитель группы тот имел специальный значок, который носил под лацканом, дававший ему право брать секретные материалы для работы домой.

Кроме того, «Стенли» в случае необходимости мог разрешать своим подчиненным, среди которых числился и «Ретро», выносить секретные материалы за ворота компании. Удобное сочетание, лучшего не придумаешь! Они вместе отбирали секретную документацию на новейшую радиотехническую аппаратуру – различного рода радары, сонары, прицелы для бомбометания, зенитных орудий и многое другое, которую затем, можно сказать на законном основании, выносили с работы.

Как только «Стенли» передал мне «Ретро» на личную связь, мы стали выяснять возможности организации съемки материалов у него дома. Он жил в отдельной двухкомнатной квартире. Квасников сначала сомневался, стоит ли организовывать там съемку документов: ведь днем, когда «Ретро» находился на работе, в его квартиру могли проникнуть сотрудники ФБР, провести негласный обыск и обнаружить фотопринадлежности, пленку с отснятыми секретными материалами. И все же мы не отказались от этой идеи. «Ретро» оборудовал у себя дома хорошо замаскированные тайники, где прятал фотопринадлежности и материалы.

Помимо передачи нам секретных документов, к которым он имел доступ, «Ретро» по нашей просьбе вел разработку своего друга «Хорвата», такого же, как и он, страстного любителя музыки, служившего в научно-исследовательском центре другой ведущей компании США, где разрабатывались и создавались сугубо секретные виды военной радиотехники. «Хорват» слыл очень талантливым специалистом, имел несколько изобретений и возглавлял научно-исследовательскую группу, занимавшуюся созданием системы для установления местонахождения артиллерийских орудий противника путем определения траектории и скорости полета снарядов. Он отличался рассудительным и практичным характером.

Вскоре «Хорват» переселился на квартиру к «Ретро»; Это обстоятельство благоприятным образом

отразилось на их сотрудничестве с нами. Они помогали друг другу при проверках, не ходит ли за ними наружное наблюдение, а также при фотографировании материалов. Имея умного и надежного единомышленника, «Ретро» стал работать спокойнее и увереннее. Однако на встречи он по-прежнему приходил возбужденным, сильно нервничал. Перед тем как передать мне моток непроявленной пленки с материалами, беспокойно озирался по сторонам и держался очень напряженно. Иногда принимал за филеров обычных прохожих.

Мы платили «Ретро» и «Хорвату» небольшое вознаграждение – до двухсот долларов в месяц. Брать деньги «Ретро» обычно отказывался, заявляя, что они нужнее советскому народу. Я убеждал его, что это просто знак благодарности и уважения советских людей за их ценную помощь...

«Ретро» и «Хорват» ценили наше товарищеское отношение и заботу об их безопасности, благополучии. Однако вскоре выяснилось, что ребята стали в квартиру приглашать девушек. Хорошего мало, но пришлось мириться.

От «Ретро» и «Хорвата» поступали материалы, которые представляли большой интерес для научно-исследовательских учреждений и промышленности Советского Союза.

Мне запомнился один случай получения от них важного материала.

В те годы Центр, как правило, давал резиденту ре задания общего характера, например: добывать материалы о новейших разработках американцами радаров, прицелов и другой электронной аппаратуры. Однако, когда немцы стали обстреливать Лондон ракетами «Фау-2», резидентура получила зашифрованное радиосообщение с конкретным заданием: «Вблизи Лондона эффективно действует радарно-компьютерная установка SCR-584, которая определяет скорость и траекторию полета снаряда „Фау-2“ и автоматически управляет огнем зенитных батарей. Примите срочные меры к быстрому получению данных об этой радарно-компьютерной установке».

Через день была плановая встреча с «Ретро». Я сжато изложил задание источнику. В ответ, улыбаясь, «Ретро» сказал:

– Мы уже пять дней назад прочитали ваши мысли и достали нужное наставление по этой штуке – SCR-584. До двух часов ночи перефотографировали более шестисот страниц текста и чертежей.

Передав мне моток почти из двадцати пленок, «Ретро» поехал на работу.

На этом полоса везения не кончилась. Через два дня в Москву уходила самолетом дипломатическая почта из советского посольства. Мы пользовались ею для отправки своих материалов в Центр. На этот раз нам почти не пришлось ждать дипкурьеров, и уже через семь дней на столе руководителя советской разведки лежали требуемые секретные документы.

Вскоре из Центра пришла телеграмма, в которой впервые за годы войны мне объявляли благодарность за быстрое выполнение важного задания, а «Ретро» и «Хорвату» разрешалось выдать премию в тысячу долларов.

Подводя итоги работы с «Ретро» и «Хорватом», Центр отмечал, что она была очень плодотворной. В течение 1943–1945 годов от них поступили подробные материалы общим объемом свыше девяти тысяч страниц по более чем ста научным разработкам. Эти документы получили весьма высокую оценку Комитета по радиолокации в Москве, которым руководил академик А. И. Берг.

Расскажу также о работе с некоторыми другими активными агентами. «Коно» – американец, 1913 года рождения, окончил колледж, затем аспирантуру и стал магистром технических наук. Тихий, внешне ничем не приметный человек. Во время войны как специалист был освобожден от призыва в вооруженные силы. Работал главным радиоинженером и возглавлял на крупной фирме научно-исследовательскую группу, которая разрабатывала радиолокаторы, работавшие на сантиметровых волнах. Имел доступ к секретным материалам по многим другим проблемам.

К работе с нами «Коно» был привлечен «Стенли» в августе 1943 года. В начале 1944 года я принял «Коно» на личную связь и стал готовить его к фотографированию материалов. Делом это оказалось нетрудным, ибо «Коно» досконально разбирался в технике. Я снабдил его необходимой фотоаппаратурой и пленками. Жена агента, учительница средней школы, знала о сотрудничестве мужа с нами и помогала ему фотографировать документы.

За все время он передал нам сорок научно-исследовательских работ на нескольких тысячах страниц. Только в 1945 году от него было получено две тысячи листов секретной информации. Большинство материалов «Коно» получило оценку «весьма ценные». Это материалы о радарах для подводных лодок, аппаратуре на инфракрасных лучах, прицелах для управления артиллерийским огнем и так далее. Некоторые прицельные устройства на испытаниях, по словам «Коно», показывали поразительную точность, за что американские специалисты то ли в шутку, то ли всерьез называли их «прицелами третьей мировой войны».

«Коно» регулярно информировал нас о заседаниях Координационного комитета США по радиотехнике. Эти отчеты представляли большой интерес для советских руководящих органов в области науки и техники, ибо позволяли находиться не только в курсе всех разработок, ведущихся в США, но давали возможность знать перспективные планы работ американцев по радиотехнике на ближайшее десятилетие.

После окончания второй мировой войны началось свертывание военного производства, прекратилось производство стандартной военной техники. На предприятии, где работал «Коно», прокатилась волна увольнений, но его оставили. Наш источник в числе других занимался новейшей техникой. В разработке этой техники принимали участие и вывезенные в США немецкие ученые.

От «Коно» поступили первые сведения о создании американцами систем управления ракетами-носителями атомных бомб. Учитывая, что большинство материалов, добываемых агентом, получало в Центре оценку «весьма ценные», ему два раза выдавались премиальные по пятьсот долларов.

К сожалению, в работе с агентурой не всегда все шло гладко. Были у меня и огорчения, неудачи, например с источником «Нэтом».

«Нэт» – друг агента-вербовщика «Стенли». Еще подростками они учились в одной школе, жили по соседству, часто проводили вместе время – в общем, дружили. Отец «Нэта» держал небольшой ресторанчик.

Перед войной агент окончил университет и получил диплом радиоинженера. Работал на крупном заводе компании, ведущей в радиотехнической отрасли США. Имея незаурядные способности, он быстро продвигался по службе. Когда «Стенли» в 1942 году привлек его к сотрудничеству с советской разведкой, он занимал должность главного инженера, что позволяло выносить секретные материалы с завода без получения специального разрешения.

«Нэт» передавал нам через «Стенли» секретные документы – наставления по эксплуатации различных систем наземных, самолетных, морских радаров. Однако года через полтора он стал проявлять пассивность, затягивал выполнение заданий. Когда начали обсуждать вопрос о возможной передаче «Нэта» на связь нашему надежному агенту «Сатору», который бы фотографировал материалы источника у себя дома, «Стенли» высказал ряд сомнений в целесообразности этого. Он охарактеризовал «Нэта» как человека, у которого стали проявляться признаки высокомерия и самолюбования собственными успехами по службе. На «Нэта» оказывала отрицательное влияние и его жена, психолог по профессии. У нее, несомненно, был комплекс неполноценности: она заботилась только о себе, а мужа постоянно подозревала в неискренности. Детей они не имели. К тому же, по мнению «Стенли», его друг «Нэт» отличался трусостью.

Все это вместе взятое объясняло снижение у «Нэта» желания сотрудничать с нами, и «Стенли» не исключал того, что его друг со временем может прекратить связь с нами. Так оно и произошло.

По нашей просьбе «Стенли» встретился с «Нэтом». В беседе тот заявил, что по ряду причин личного характера он решил прекратить сотрудничество. В качестве дополнительного довода он привел такой: война, мол, скоро закончится разгромом гитлеровской Германии, и у Советского Союза не будет острой необходимости в его помощи. «Стенли» рекомендовал больше не принимать никаких шагов в отношении «Нэта». Центр согласился с этим.

После привлечения к сотрудничеству с нашей разведкой агента «Антилопа» выяснилось, что по своему характеру он очень нерешителен и порядком труслив. Источник никак не мог выполнить моего задания – достать важный секретный документ. Однако после одного ничем не приметного события с ним произошла удивительная метаморфоза. Вот как это случилось.

«Антилопа» был по происхождению француз. В 1937 году окончил институт, инженер-электрик. Бежал от фашистов в 1940 году в США, где работал инженером на различных заводах. Женился на американке, продавщице в книжном магазине. У них была маленькая дочка.

Меня познакомил с «Антилопой» в конце 1942 года наш общий друг на премьере советского фильма. После кино мы поужинали во французском ресторане, где обменялись визитными карточками. С тех пор я изредка встречался с ним в дешевых ресторанчиках, так как на дорогие резидент денег не давал.

«Антилопа» был убежденным противником нацистов. Раза два он приглашал меня на приемы, которые устраивали французские эмигранты-антифашисты.

Мы, естественно, обсуждали главным образом ход войны. Ярый сторонник де Голля, «Антилопа» возмущался тем, что США и Англия делали ставку на генерала Анри Жиро⁶ и адмирала Дарлана⁷, противясь тому, чтобы де Голль возглавил движение за освобождение Франции. Он был приверженцем идей социализма и искренне сочувствовал борьбе советского народа.

Со временем я узнал, что «Антилопа» работает на заводе, выпускающем секретную военную продукцию, и имеет доступ к закрытым материалам. Он считался отличным чертежником и хорошо рисовал. Поэтому его руководители частенько поручали ему графически оформлять техническую документацию. Они также давали ему в качестве образцов секретные наставления по военной технике, содержащие чертежи, рисунки, фотографии.

С середины 1943 года, учитывая нерешительный характер «Антилопы», я стал постепенно, шаг за

⁶ Жиро Анри (1879–1949) – французский генерал, во время 2-й мировой войны сопредседатель (с де Голлем) Французского комитета национального освобождения (ФКНО), в 1943–1944 годах командовал вооруженными силами ФКНО.

⁷ Дарлан Жан Луи (1881 – 1942) – французский адмирал, во время 2-й мировой войны командовал ВМС и всеми вооруженными силами правительства «Виши» – французской территории, оставшейся свободной от оккупации немецкими войсками. Вступил в соглашение с западными союзниками по антигитлеровской коалиции, высадившись в ноябре 1942 года в Северной Африке. Убит французским националистом.

шагом, вовлекать его в разведывательную работу. Выяснив, что он имеет доступ к комплектным материалам по морским радарам, я попросил его передать на конспиративной встрече одно наставление. Рекомендовал ему перед этим провериться и убедиться в отсутствии «хвоста». «Антилопа» обещал это сделать, однако, придя на встречу, он ничего не принес, ссылаясь на то, что не представился удобный случай для выноса документа. Мы назначили новую явку через девять дней. Опять «Антилопа» пришел с пустыми руками. Вид у него был явно пришибленный, говорил заикаясь, волновался. По его словам, он потерял контроль над собой, не мог даже открыть ящик стола и положить секретные наставления в портфель.

Окончив рассказ, «Антилопа» начал ругаться, называя себя самым последним трусом. Как мог, я его успокаивал, говорил, что, возможно, он измучен работой, давно не отдыхал и что в результате этого его нервы «немножко пошаливают». Мы зашли в ресторан и поужинали, беседуя на различные темы. Договорились, что через две недели, в воскресенье, встретимся за городом, на прогулке у озера, где уже бывали раньше.

В назначенное время мы с женой рано утром вышли из дома, купили газеты, зашли позавтракать в кафетерий и, проверившись, подошли к месту, где «Антилопа» и его жена ждали нас в своей автомашине. Озеро находилось примерно в пятидесяти милях от Нью-Йорка. Мы расположились на берегу, переоделись в купальные костюмы. Жены без конца о чем-то говорили, мы читали газеты, изредка обмениваясь репликами. Затем стали купаться: женщины у берега, а мы поплыли на середину озера.

Прежде, когда мы проплывали половину дистанции, я предлагал «Антилопе» доплыть до противоположного берега. Но каждый раз мой друг, сказав короткое «нет», судорожно поворачивал назад и изо всех сил плыл обратно. Так же он отреагировал на мои слова и на этот раз. Однако, не знаю почему, я решил силой заставить своего трусливого друга переплыть озеро. Маневр удался. Через пару минут мы вылезли на берег и медленно пошли вокруг озера к женам. Неожиданно он сказал:

– Давай, Александр, поплывем обратно. Теперь я уверен, что могу спокойно сделать это.

Я не ожидал от него такой смелости и, подумав, ответил, что я очень устал и что лучше пойти пешком. Пока мы шли, мой друг удивлялся, почему прежде трусил,

– Это всегда так, когда делаешь что-нибудь в первый раз, – заметил я. – Вначале нервничаешь, боишься, а когда дело сделано, удивляешься, как легко его можно выполнить.

– Это точно, – подтвердил он.

Когда мы возвращались в город, «Антилопа» предложил встретиться со мной через три дня и дал понять, что принесет с собой ранее обещанное.

Действительно, он вручил мне секретное наставление, которое прежде у него не хватало мужества вынести с работы.

Таким образом, преодолев психологический барьер, «Антилопа» начал регулярно приносить секретные материалы на конспиративные встречи и стал полноценным источником.

В октябре 1945 года в связи с ухудшением оперативной обстановки по указанию Центра я сообщил «Антилопе», что временно мы встречаться не будем. Однако по всему было видно, что источник хотел продолжать разведывательную работу, и, очевидно, не в последнюю очередь потому, чтобы доказать свою смелость.

Через четыре месяца «Антилопа» поставил меня в очень затруднительное положение, и мне пришлось изрядно поволноваться. Вот как это было.

В феврале 1946 года я случайно встретил «Антилопу» около продуктовой лавки. (Мы жили недалеко друг от друга и иногда ходили в одни и те же магазины за покупками.) Он сообщил, что скоро по делам фирмы уезжает в ряд западноевропейских стран, и просил зайти к нему вечером, часов в девять, на бокал вина и поговорить «по душам» перед отъездом. Я принял приглашение.

Жена «Антилопы» устроила ужин, во время которого мы вели житейские разговоры. Затем сели за шахматы, а его жена пошла спать. За шахматами мы обсуждали деловые вопросы. Вдруг агент вытащил два огромных тома наставлений по авианосцам и сказал, что я могу взять их на сутки, так как завтра он на работу не пойдет. Полистав их, я убедился, что документы наверняка заинтересуют наших специалистов, но прямого ответа не дал. Партия продолжилась, а я мучительно думал: «Взять или не взять?» Во мне происходила внутренняя борьба. С одной стороны, я полностью сознавал сложность оперативной обстановки, помнил строжайшее указание Центра о том, чтобы встречи с агентурой проводить только с его санкции, и понимал, какие могли быть последствия для меня в случае промаха. С другой стороны, за три года я хорошо изучил источника и верил, что он преданный нам человек, что ему можно верить. Кроме того, в день встречи наружного наблюдения за мной не проводилось. Учитывал я и то, что мне стоило большого труда воспитать у агента мужество, а если я откажусь взять материал, это может испугать его и в дальнейшем я могу потерять его как источника.

Мысли мелькали в голове, как в калейдоскопе. Я говорил себе: «Если не возьму секретные наставления, то я трус, не разведчик, а обыкновеннейший чиновник, только формально выполняющий указания Центра». Моя решимость окрепла, когда я вспомнил, как миллионы бойцов Красной Армии, рискуя жизнью, шли в атаку на фронте.

Уходя от «Антилопы», я взял оба тома секретных инструкций. Ночью они находились у меня дома, а утром обычным маршрутом я пошел на работу, неся их в сумке.

Когда я шел с женой на работу, все время в уме искал вариант, что я буду делать с материалами,

если окажется, что я попал в ловушку и меня будут задерживать контрразведчики? Решил, брошу сумку под колеса автомобилей, идущих сплошным потоком. На площади Колумбас-Серкл жена спустилась в метро. Я же, сохраняя спокойствие, хотя за прошедшие одиннадцать часов мои нервы были до предела напряжены, продолжил свой путь пешком на работу.

В офисе я сразу показал материал Яцкову, который несколько дней назад возвратился из Центра и был назначен временно исполняющим обязанности резидента. Он молча перелистал два тома материалов, выслушал мой рассказ о том, при каких обстоятельствах я взял их и что сегодня вечером их нужно вернуть источнику. Затем что-то произнес, сердитое и невнятное, и пошел принимать посетителей, а я направился в фотолaborаторию.

Обычно я радовался, когда проверял качество отснятого материала, зная, что это принесет пользу моей стране, но сейчас был расстроен из-за возможной негативной реакции Центра на встречу с агентом без предварительного согласования. Когда я встретил Яцкова, он продолжал пребывать в мрачном настроении. В полдень, показывая пальцем в потолок, Яцков произнес:

– После обеда.

Это означало, что мы соберемся в резидентуре.

Я изложил план возврата материалов, по которому в мероприятии участвовал только я, ибо не хотел втягивать других в это опасное дело. Яцков опять долго молчал, по его лицу было видно, что он не совсем согласен с предложенным планом. Наконец сказал:

– Давай я тебя подброшу в город на своей машине за час-полтора до встречи. Если не будет «наружки», выйдешь из машины и далее будешь добираться сам.

Я согласился с его предложением.

Никогда не забуду тот день. После работы мы вместе с другими сотрудниками собирались выходить из генконсульства. Неожиданно погода резко изменилась: поднялся ураганный ветер, все небо заволочло черными тучами, в редких просветах проблескивали казавшиеся зловещими желтые солнечные лучи. Пройдя метров двадцать, мы сели в автомашину Анатолия. Едва тронулись, как начали падать редкие, крупные капли. Дождь быстро усиливался, и минут через пять в буквальном смысле полило с небес, словно из ведра. Сверкали молнии, грохотал гром. Ехать дальше было невозможно, и пришлось остановиться. Выждав, когда ливень немного утих и видимость улучшилась, мы снова тронулись. Яцков смотрел только вперед, а я старался через заднее стекло обнаружить наружное наблюдение. Никаких автомашин вообще не было видно. Недалеко от станции метро я вышел из автомобиля. Анатолий наблюдал, нет ли за мной слежки. Он должен был мигнуть фарами, если бы заметил «хвост». Но за мной все было чисто. Все же я провел дополнительную проверку, сделав две пересадки в метро.

Выйдя примерно через полчаса из подземки, я подошел к машине «Антилопы». Он сидел за рулем и сразу рванул с места как только за мной захлопнулась дверца. Через пять минут я вышел из автомобиля источника и облегченно вздохнул. Затем медленно пошел пешком и вдруг почувствовал себя сильно уставшим. В голове была пустота, и меня немного покачивало. Рубашка прилипла к взмокшей от пота спине. Я зашел в закусочную, медленно выпил стакан молока и чашку кофе, почитал газету и, передохнув, отправился домой.

Конечно, формально мои действия можно рассматривать как нарушение указаний Центра. Но сложилась такая обстановка, когда разведчику не с кем посоветоваться и он должен принять решение самостоятельно, на свой страх и риск. Совесть мне подсказывала, что «Антилопа» предлагал мне помощь искренне. Опыт говорил, что в тот вечер обстановка была такой, что я мог спокойно принять важные материалы.

Что же касается секретного наставления, из-за которого мне пришлось много понервничать, то оно, как я узнал уже после приезда в Москву, оказалось очень ценным для наших специалистов.

Все агенты, с которыми мне приходилось работать, были очень разные люди, ни один не походил на другого. Вот, например, «Девин». Его отец был выходцем с Украины, приехал в США в 1908 году и женился на американке. Агент родился в Нью-Йорке в 1913 году, владел только английским языком. Окончил среднюю школу. В армию его не призвали из-за плохого зрения. Как и его отец, был патриотом, просоветски настроенным человеком. Ни в компартии, ни в прогрессивных организациях никогда не состоял и никому своих истинных взглядов не высказывал. Жена «Девина» была католичкой, очень религиозной женщиной и придерживалась антисоветских взглядов. Не веря в Бога, «Девин» регулярно ходил с женой в церковь с единственной целью: в глазах своего окружения на работе и по месту жительства выглядеть благочестивым американцем. Обо всех политических событиях на людях отзывался с консервативных позиций.

Первичный контакт с «Девинном» установил Яцков. В октябре 1942 года, когда ежедневно на прием в консульство являлось человек тридцать – сорок, будущий агент пришел к нам, чтобы выразить свое сочувствие в связи с тяжелым положением на советско-германском фронте. В дальнейшем Яцков наладил с «Девинном» дружеские отношения, стал встречаться с ним в городе и получать от него радиолампы для радаров, которые источник передавал в знак уважения и преданности советскому народу. Поскольку я являлся специалистом в вопросах радиотехники и вел эту линию, по указанию Квасникова через год, в октябре сорок третьего, «Девин» был передан на связь мне.

Агент вначале работал помощником мастера цеха одного из заводов, выпускавших клистроны и магнитроны – радиолампы для генерирования и усиления сантиметровых радиоволн, которые

использовались для новейших радаров. Производство этих ламп было засекречено. Он передавал нам также образцы уникальных миниатюрных сопротивлений, кристаллических выпрямителей и другие детали и приборы, необходимые для производства военной электронной техники.

Освоение производства клистронов и магнитронов у американцев протекало с большими трудностями. Было много брака. Вначале из пятидесяти радиоламп получалась только одна доброкачественная. По нашей просьбе источник подробно описывал все возникавшие трудности при их производстве и найденные способы устранения брака.

Я попросил «Девина» подготовить подробные материалы об организации конвейера по производству различных радиоламп, описание всех операций: штамповка деталей, окислирование различных частей, параметры сварочных процессов для отдельных деталей, создание высокого вакуума и тому подобное. Как оказалось впоследствии, все эти данные были весьма нужны нашим специалистам.

Вначале «Девин» не получал от нас никакого материального вознаграждения. Он зарабатывал около пятидесяти долларов в неделю. В связи с рождением сына его финансовое положение стало затруднительным. Резидентура ходатайствовала о выдаче ему ежемесячного вознаграждения в размере полсотни долларов. Центр установил семьдесят пять, чему источник был очень рад. Помимо этого ежегодно в качестве премии за хорошую работу ему одновременно выдавали пятьсот – шестьсот долларов. На полученные деньги «Девин» купил подержанную автомашину, которой умело пользовался для выявления наружного наблюдения.

Мне нравилось работать с «Девином». Это был прирожденный разведчик: дисциплинированный, соблюдавший конспирацию, умевший хорошо скрывать свою связь с нами. К сотрудничеству с нами относился ответственно и все поручаемые задания выполнял наилучшим образом. В результате правильного поведения на работе и по месту жительства он оставался вне всякого подозрения. Тем не менее я время от времени обращал его внимание на необходимость постоянного совершенствования конспирации в работе, особенно методов выявления наружного наблюдения, так как ФБР с каждым днем усиливало работу против советской разведки и прокоммунистических организаций.

В 1945 году из-за предательства одного нашего источника, который использовался по политической линии, агентурная обстановка в стране обострилась до крайности. Усилилась деятельность службы контршпионажа, в прессе и по радио развернулась шумная антисоветская кампания. Это заставило меня провести с «Девином» основательную беседу о дальнейшем совершенствовании методов разведывательной работы. Я подчеркнул, что мы оба должны очень тщательно проверяться и при малейшем подозрении на явку не выходить.

«Девин» заверил меня, что теперь будет действовать еще более продуманно и осмотрительно, тщательно проверяться на автомашине и на городском транспорте. Затем он, слегка улыбувшись, заметил:

– Александр, ведь фэбээровцы прежде всего усиленно следят за вами и другими советскими людьми. Поэтому если контрразведка зафиксирует нашу связь, то, вероятнее всего, потому, что промах допустили вы.

Я ответил, что конспирация у меня в крови. Я профессиональный разведчик и знаю, как надо проверяться и выявлять наружное наблюдение. Видя некоторое беспокойство «Девина», вызванное ухудшением оперативной обстановки, я предложил, чтобы перед установлением контакта на встрече мы устраивали друг другу взаимную проверку, и рассказал ему, как нужно это делать. Вначале я наблюдаю за «Девином» во время прохождения его по определенному маршруту, а затем агент проверяет, нет ли слежки за мной. Через две-три встречи мы уже во всю пользовались этим приемом.

В июне сорок шестого я провел с «Девином» последнюю встречу. Временно законсервировал его, обусловив с ним явку через шесть месяцев с другим сотрудником. Расстались мы с ним трогательно, как хорошие друзья, в течение более трех лет бесперебойно и успешно выполнявшие важную и опасную работу ради блага нашей Родины. Он мечтал побывать в Советском Союзе и встретиться там со мной и Яцковым. К сожалению, ему этого сделать не удалось. Он обзавелся большой семьей. Успешно сотрудничал с нами пятнадцать лет, затем тяжело заболел и скончался, едва ему исполнилось 50 лет. Перед смертью просил, если потребуется, оказать помощь его детям. Это было ему обещано и выполнено.

Поразительно, как война сплотила советских людей! Они не только стремились как можно лучше выполнить свою работу, но и помогали друг другу, поддерживали слабых, больных, отстающих.

Такая атмосфера царил и в колонии командированных советских граждан в США. К некоторым из них разведка обращалась за помощью, и они охотно шли навстречу. Приведу лишь один пример, когда командированный помог резидентуре получить важные американские секреты.

Летом 1942 года ко мне на прием в генконсульство пришел инженер-химик из закупочной комиссии Петр Николаевич Ласточкин. За беседой выяснилось, что в институте я учился вместе с его братом, который сейчас был на фронте. Оказалось, что Петр до войны десять месяцев работал в Амторге, но в ноябре 1940 года уехал домой в связи со свертыванием советско-американских торговых отношений.

У меня завязались добрые отношения с Ласточкиным. Иногда по воскресеньям мы вместе проводили время, обсуждали положение на фронтах, критиковали политику западных союзников и, конечно, вспоминали о довоенной жизни в Москве. По роду своей работы он встречался с представителями американских химических и строительных корпораций, выезжал на заводы для

размещения наших заказов и приемки готовой продукции.

Из бесед с Петром у меня сложилось положительное мнение о нем как о человеке и специалисте. Хорошо владея английским языком, он много времени уделял повышению своей квалификации: читал специальную литературу, посещал публичные лекции в институтах и научных обществах, где знакомился с американскими коллегами. В частности, он поддерживал хорошие отношения с – назовем его «Монти» – руководителем инженерной группы, строившей химические предприятия в США и за их пределами. Петр познакомился с ним еще в первый свой приезд. «Монти» был состоятельным человеком. Жил он в прекрасной вилле в окрестностях Нью-Йорка.

В беседах с Ласточкиным «Монти» с симпатией отзывался о Советском Союзе, переживал неудачи Красной Армии в начале войны, искренне сожалел о тех колоссальных людских и материальных потерях, которые понес СССР. Вместе с тем он негодовал по поводу двойственной политики США и Англии и откровенно рассказывал о секретных работах компании «Кэллекс» по строительству в США опытного завода, на котором практически была отработана технология получения урана-235 для атомных зарядов. В тот момент компания участвовала в возведении большого промышленного объекта в Окридже, штат Теннесси, на котором получали уран-235 методом газовой диффузии.

Центр проявил большой интерес к «Монти» и дал указание попытаться с помощью Ласточкина получать информацию о строительстве урановых предприятий, соблюдая, само собой разумеется, крайнюю осторожность. Я провел с Петром соответствующий разговор. Правда, пришлось раскрыть свою принадлежность к разведке. Но делать было нечего. Просьбу получить от «Монти» сведения о создании американцами нового мощного оружия Ласточкин принял без колебаний, сказав при этом:

– Саша, я выполню, что ты просишь. Понимаю, это не твоя инициатива, а задание Родины. И постараюсь все выполнить самым лучшим образом. Это – мой долг. Я горячо поблагодарил Ласточкина. Затем мы подробно обсудили, как приступить к выполнению ответственного задания. Договорились, что Петр проведет с «Монти» одну-две доверительные беседы, в ходе которых в ненавязчивой форме проявит интерес к заводу в Окридже, выяснит срок ввода его в эксплуатацию, принципиальную схему действия и некоторые другие детали.

Ласточкину удалось поговорить с «Монти» недели через две. Американский друг охотно и обстоятельно ответил на все вопросы и подчеркнул, что правительство США придает стройке первостепенное значение и немедленно выделяет запрашиваемые средства. Кроме того, «Монти» высказал мысль, что советские ученые уже сейчас должны заняться перспективной проблемой выделения чистого урана-235 и использованием его в военных и промышленных целях. Ласточкин согласился с этим и спросил, мог бы его друг подготовить записку, в которой была бы изложена суть работ по строительству урановых заводов. Этот документ он пошлет, мол, сугубо конфиденциально в Академию наук СССР. «Монти» обещал написать и скоро сдержал свое слово. Точно в назначенный срок он вручил Ласточкину подробную записку, к которой был приложен рабочий чертеж технологической линии завода по получению урана-235.

Материал получил высокую оценку Центра. На очередной встрече Ласточкин передал «Монти» благодарность от Академии наук в Москве и сказал, что советские ученые нашли его записку весьма важной и что информация будет использована коллегами, разрабатывающими проблему урана-235.

Вскоре «Монти» получил новое задание. Встречи с источником происходили нерегулярно, так как он часто выезжал в командировки – в Бразилию, Мексику, Канаду и другие страны. Но каждое свидание было весьма продуктивным. Ласточкин получил от него много секретной информации. Но из-за отъезда Петра в середине сорок пятого на Родину связь с «Монти» прервалась. Его не смогли передать никому из сотрудников резидентуры – он как раз находился в очередной заграничной командировке.

Перед отъездом Ласточкин оставил письмо для «Монти», в котором выразил сожаление, что не смог лично попроситься с ним, что человек, который передаст ему это послание, его, Ласточкина, добрый друг и что он надеется: «Монти» найдет с этим другом общий язык и будет поддерживать доверительные отношения.

Через пять месяцев сотрудник резидентуры, использовав рекомендательное письмо, установил контакт с «Монти» и продолжил с ним работу.

В июле 1944 года резидент поручил мне установить связь с агентом «Рупертом». В коротком письме Центра, присланном с диппочтой, кроме условий явки были старенькая фотография агента, его словесный портрет. Упоминалось, что он может прийти в военной форме. Встреча назначалась вечером, в двадцать сорок пять, у одного известного кинотеатра на Бродвее.

В течение семи месяцев я выходил на явку, но агент не приходил. Об этом мы регулярно сообщали Центру и в ответ получали указания продолжать выходить на встречу.

В феврале 1945 года, уже теряя надежду установить контакт с «Рупертом», я отправился с женой в другой кинотеатр. За сорок минут до встречи вышел из кинозала. За мной никто не последовал. Дополнительно проверился на маршруте к месту встречи, полагая, что все мои усилия будут, как и прежде, напрасными.

На этот раз на месте явки мое внимание привлек мужчина лет сорока в форме армейского майора. Он стоял у рекламного щита и, судя по всему, кого-то ожидал. Человек этот был небольшого роста, худой, и внешний вид его не совсем соответствовал имевшимся у нас данным на «Руперта». Пройдя мимо входа в кинотеатр и не обнаружив среди стоявших там лиц человека, более подходящего по описанию, я развернулся и подошел к майору. Когда я обратился к нему со словами пароля: «Майор, не

вы ли ждете Хелен?», он заулыбался и в ответ произнес точные слова отзыва.

После обмена несколькими дополнительными фразами стало ясно, что передо мной «Руперт». Я пригласил его в небольшой ресторан, где можно было спокойно побеседовать.

«Руперт» рассказал, что его перевели в дешифровальную службу военного министерства, так как он знал восточные языки, в том числе японский. Много месяцев находился на Гавайских и других островах Тихого океана. Поэтому он и не мог выйти на явку. А сейчас он хотел бы сообщить мне кое-что важное.

– Американцы, – начал он, – раскрыли японские шифры. Они быстро и свободно читают перехваченные японские дипломатические и военные шифртелеграммы. Американские специалисты уделяют большое внимание перехвату и расшифровке телеграмм японского посла в СССР, который часто встречается с Молотовым и добивается от Москвы заключения договора о ненападении. Читая телеграммы японского посла, американские руководители убеждаются, что Москва ведет честную игру в отношении США.

Здесь он сделал небольшую паузу, отпил немного вина и продолжил:

– Наше правительство сейчас в курсе всех планов о дислокации вооруженных сил Японии. В частности, американцы узнали о перелетах главнокомандующего японскими ВМС на Тихом океане Исороку Ямамото и сбили его самолет. Ямамото погиб.

«Руперт» добавил, что с конца сорок четвертого все морские сражения с японцами в Тихом океане обычно заканчиваются победой американцев. Это объясняется тем, что их корабли имеют значительно лучшие радары, прицелы и более дальнобойные орудия. Снова помолчав, он сказал, понизив голос:

– Учтите, наша дешифровальная служба бросила большие силы на раскрытие шифрпереписки между советскими учреждениями в США и Москвой за 1941 – 1942 годы. Американским специалистам удалось частично расшифровать одну телеграмму, направленную Амторгом в Москву. Специалисты считают, что со временем им удастся прочитать дипломатические шифртелеграммы между Москвой и Вашингтоном, Москвой и Нью-Йорком.

Я спросил агента:

– Можете ли вы назвать конкретную амторговскую шифртелеграмму, которую американцы прочитали, ее дату и примерный текст по памяти.

«Руперт» вспомнил и сообщил дату и примерный текст. Одновременно он обещал принести на следующую встречу все дополнительные сведения об этой депеше.

Я назначил «Руперту» очередную явку через месяц в более удобном месте и попросил повторить условия встречи. Он сделал это безошибочно. Я высказал пожелание, чтобы в следующий раз по возможности он пришел в штатском костюме.

У входа в метро я встретил жену, которая ждала меня согласно нашей договоренности, чтобы вместе возвратиться домой. Жена есть жена. Она сразу заметила, что я о чем-то напряженно думаю, и поинтересовалась, не случилось ли чего-нибудь. Я ответил:

– Все в полном порядке. Но, пожалуйста, не донимай меня расспросами. Мне нужно сосредоточиться и кое-что «прокрутить» в голове, чтобы все хорошо запомнить до завтрашнего утра.

– Ну, давай, крути, – сухо отреагировала жена, вынула из сумки женский журнал и принялась читать.

Утром, придя в помещение резидентуры, я составил подробный отчет о беседе с «Рупертом» и доложил его резиденту. Указания по дальнейшей работе с «Рупертом» Центр прислал диппочтой. В них был представлен перечень вопросов, которые следовало выяснить у агента.

Центр также приказал передать «Руперта» на связь нашему надежному агенту «Тихону», который работал с источником шесть лет назад.

Согласно разработанному плану, моя очередная встреча с «Рупертом» должна быть непродолжительной. Выяснив, что у источника на службе и дома все спокойно, я получил устную информацию по перечню вопросов, присланных из Центра. «Руперт» также передал мне некоторые дополнительные данные об амторговской телеграмме, текст которой, по словам источника, был расшифрован процентов на семьдесят⁸.

Потом я сообщил «Руперту», что в дальнейшем вместо меня с ним будет встречаться в Вашингтоне хорошо известный ему «Тихон», который подойдет к нему через пять минут после того, как я расстанусь с ним.

Секретные материалы «Руперта» получили высокую оценку Центра. Они показали руководству нашего ведомства, какие огромные усилия предпринимают американские спецслужбы для раскрытия советских шифров.

В заключение хотел бы подвести некоторые итоги моей работы в первой командировке. В 1942–1946 годах у меня на связи находилось семь агентов – источников важных секретных материалов. Это была агентура из числа инженерно-технического персонала, занимавшего руководящие должности на заводах и в лабораториях компаний Ар-си-эй, «Вестерн электрик», «Вестингауз», «Дженерал электрик»,

⁸ Позднее наши специалисты в СССР установили, что американцам удалось расшифровать ее только потому, что при шифровке были допущены ошибки. – Прим. авт.

а также на двух ведущих авиационных компаниях, где производилась военная техника США. Особенно ценная агентура работала по электронике, она передала нам более двадцати тысяч страниц секретной документальной научно-технической информации, в том числе по новейшим в то время различным видам радаров, сонаров, прицельным системам, зенитным радиовзрывателям, компьютерам и еще по многим другим устройствам. Были получены секретные материалы о технологии производства и образцы кलिстронов, магнитронов и других электровакуумных приборов. Как правило, передаваемая информация получила высокую оценку Центра, В эти же годы источники передали нам более десяти тысяч страниц важной секретной информации по военной авиации и зарождавшейся ракетной технике. Мы получили, в частности, наставление по эксплуатации первого американского реактивного истребителя «Падающая звезда» (P-81). Оно содержало подробное описание конструкции, чертежи и фото этого самолета.

Не могу хотя бы в общих чертах не сказать о работе небольшой группы моих товарищей по получению военно-политической информации о деятельности американской администрации. Большая часть документов шла от нелегальной подрезидентуры, возглавлявшейся Ахмеровым, которому помогала его жена, Елена. У подрезидентуры были источники в важных правительственных учреждениях, в том числе и в Управлении стратегических служб – американской разведке. Они передавали важную информацию о военных планах Вашингтона, внешнеполитических мероприятиях, а также материалы, добытые американской разведкой о положении в фашистской Германии.

Особенно напряженно советская разведка работала накануне встреч глав правительств в Тегеране, Ялте и Потсдаме, чтобы получить сведения о позиции США и Англии по вопросам, которые намечалось обсудить на предстоящих совещаниях. В Англии с этим справлялась хорошо известная сейчас «пятерка» во главе с Кимом Филби. Удавалось добыть требуемые секретные материалы и нашей резидентуре. Вначале на встречах в верхах главными были вопросы открытия второго фронта в Западной Европе, оказания помощи СССР по ленд-лизу, а затем вопросы послевоенного устройства в мире. Перед тем как встречаться на тройственных конференциях, Черчилль за несколько дней до этого всегда имел контакт с президентом Рузвельтом, а позднее – с Трумэнном для выработки согласованных позиций. Добытые нашей разведкой секретные материалы о подготовке западных союзников к встрече со Сталиным показывали, что Черчилль очень опасался распространения влияния Советского Союза в мире и распада британской империи. Он предлагал принимать самые решительные меры, вплоть до военных, чтобы предотвратить возникновение новых социалистических государств.

Несомненно, что своевременно добытые советской разведкой секретные материалы о позициях и разногласиях руководителей США и Англии по вопросам, подлежащим рассмотрению на совещаниях в верхах, давали возможность советской делегации должным образом подготовиться к этим ответственным конференциям и облегчали Сталину проведение переговоров с Черчиллем и Рузвельтом, а позднее с Трумэнном и Эттли. Не в последнюю очередь из-за этого терпели неудачу попытки Англии и США навязать Советскому Союзу свои планы послевоенного устройства.

Думаю, что внешняя разведка органов государственной безопасности СССР, и в частности нью-йоркская резидентура, во время Великой Отечественной войны внесла свою лепту в разгром фашизма, способствовала выработке правильной политической линии в отношениях с США и Англией, помогла нашим ученым и инженерно-техническим специалистам в кратчайшие сроки создать мощный военно-экономический потенциал нашей Родины.

Таких результатов наша точка в Нью-Йорке добилась прежде всего благодаря самоотверженной борьбе Красной Армии и всего советского народа против фашистской Германии и ее сателлитов. Честные американцы понимали, что в этой небывало кровопролитной войне советские люди защищали от гитлеровской тирании не только свою Родину, но и народы Европы и США, всех свободолюбивых стран. Кроме того, многие американские граждане искренне верили тогда в социализм и симпатизировали ему. Самые мужественные из них считали своим благородным долгом принимать предложения советских разведчиков об оказании помощи СССР путем тайной передачи секретных материалов о военно-политических планах Вашингтона и Лондона и новейших видах вооружений их армий.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

В мае 1946 года Центр уведомил резидента, что через три месяца я буду отозван в Москву и что моему сменщику уже оформляют выездные документы. Жена и я были очень рады этому. Мы заблаговременно начали собираться, заботясь прежде всего о шестимесячной Наташке, нашей дочурке.

В то время никакой техники с собой наши сотрудники домой не привозили: телевизоров и магнитофонов еще не было, холодильники только появились и были нам не по карману, об автомашинах никто и не думал. Брли с собой главным образом продукты – муку, сахар, крупы, сливочное масло, консервы, а также отрезы на костюмы и платье, обувь для себя и на подарки.

Ради экономии валюты советское правительство не разрешало проезд своим командированным гражданам на иностранных трансатлантических лайнерах, а предлагало пользоваться советскими торговыми судами. В середине августа в Нью-Йорк прибыл пароход «Старый большевик». Через день в генконсульство пришел капитан – мой старый знакомый – Иван Иванович Афанасьев.

Когда он узнал, что я собираюсь домой, то предложил мне место на «Старом большевике»,

который будет первым судном, направляющимся в Ленинград. До этого суда в город на Неве не ходили, так как Финский залив очищали от мин.

Наступил час отплытия. Буксиры вывели «Старый большевик» в океан. Пароход имел водоизмещение не более десяти тысяч тонн. Он вез трубы для первого в СССР большого газопровода Саратов – Москва. Трубами были забиты трюмы, они лежали пирамидами на палубе.

Целую неделю плавание шло нормально, все чувствовали себя хорошо. Мы с женой обо многом говорили, прежде всего о том, как хорошо, если бы нам дали жилую комнату: у моих родителей в трехкомнатной квартире, площадью всего двадцать четыре квадратных метра, размещались семь двух братьев, две сестры, мама и бабушка. Такое же положение было и у родителей жены. Иметь комнату со всеми удобствами стало нашей голубой мечтой: получить такой жилье в послевоенной Москве было чрезвычайно трудно.

Неожиданно наше спокойное плавание кончилось. После обеда я обратил внимание на необычно торопливую работу моряков на палубе. Они в который раз тщательно проверяли крепление труб, лебедок, шлюпок. Я спросил боцмана Петра Тимофеевича, чем вызван аврал?

– Разве тебе не сказали? Приближается сильный шторм, он ожидается в нашем районе часа в двадцать два-двадцать три. Иди в каюту и закрепляй свои вещи, – ответил боцман.

Перед ужином жена и я с дочкой на руках вышли на палубу. Темнело. Океан по-прежнему оставался спокойным. Небо покрыли темно-серые тучи. Лишь далеко на западе светила оранжевым мутным светом нижняя половина диска солнца, верхнюю затянули облака. Создавалось впечатление, будто в небе висела большая матовая полусферическая люстра, от которой на гладь океана падали лучи желтого цвета. Было сумрачно. Стояла зловещая тишина.

Во время ужина все говорили мало и негромко. Неожиданно в иллюминатор влетел порыв ветра и обдал всех мелкими брызгами. Кто-то сказал:

– Начинается.

И действительно, началась схватка «Старого большевика» со свирепой стихией. Временами судно, используя мощь своих машин, натруженно карабкалось вверх на набегавшую волну. В эти секунды корпус его дрожал от перегрузки. Что-то потрескивало, передвигалось по палубе, в каютах. Порой казалось, что судно не выдержит и развалится на части. Потом, забравшись на вершину «девятого вала», судно на мгновение как бы останавливалось, облегченно вздыхая, а затем, сорвавшись с гребня, падало в морскую пучину.

Самочувствие было скверное. Мучила морская болезнь. В течение ночи, держась за поручни, мы несколько раз выходили, чтобы привести себя в порядок и умыться. И только малышка Наталья спала беспробудно. Качка измотала нас основательно. Около шести утра забрезжил свет, и мы в иллюминатор могли увидеть, что творится в океане.

Пришла официантка, пригласила на завтрак, сказав, что в бурю обязательно надо есть. Шторм продолжался, он стал как-то меньше на нас действовать: то ли затихал, то ли мы к нему привыкли.

Обед прошел в нормальной обстановке. Первое подавали в алюминиевых кружках. У моряков было спокойное, деловое настроение. Я зашел к капитану, и Иван Иванович рассказал:

– Ночь была кошмарная. Боялся, что газовые трубы разорвут тросы, которыми их закрепили, и снесут все надпалубные постройки, в том числе штурвальную рубку, а уж тогда – пиши пропало. Но, кажется, пронесло, – и капитан плюнул через левое плечо.

Дальнейшее плавание проходило без каких-либо приключений, однако путь судна был очень долгим. Оказалось, что из-за большого числа плавучих мин в Северном море корабль шел мимо западного побережья Ирландии, к югу от Англии, через Ла-Манш, вдоль северного побережья Франции, через Кильский канал.

При входе в Кильский канал мы с удивлением наблюдали, как на «Старый большевик» поднялись два немецких пожилых лоцмана. Мы все еще видели в немцах врагов. Лоцманы отдали честь первому помощнику и направились с ним к капитану. Через некоторое время они прошли к штурвальной рубке, и наше судно двинулось вперед на Ленинград.

Завидев советский флаг на нашем корабле, некоторые молодые немцы на берегу – парни и девушки – подбегали к краю воды, выкрикивали ругательства и грозили нам кулаками. Один из лоцманов что-то говорил и видимо, урезонивая. После того как лоцманы, выполнив свои обязанности, собрались покинуть корабль, капитан угостил их обедом с вином и дал им по блоку американских сигарет.

В первых числах октября 1946 года на девятнадцатый день плавания «Старый большевик» прибыл в Ленинградский порт. Мы молча стояли на палубе и смотрели на родную землю. Дул холодный, пронизывающий ветер. Я с палубы видел портовых рабочих, которые подгоняли подъемные краны, опускали трап. На судно поднялись пограничники. На рабочих были надеты телогрейки и стеганые ватные брюки, сапоги, шапки-ушанки – атрибуты военного времени. Я сразу подумал: «Вот эти герои, которые, рискуя жизнью, преодолевая невероятные трудности, разбили врага, защитили Ленинград, Родину, честь и достоинство советских людей, в том числе и меня».

Меня охватило сложное чувство: с одной стороны, беспредельная благодарность к этим людям, а с другой – чувство вины: ведь я не был на полях сражений. Это чувство не покидало меня долгие годы. Не знаю, от холодного ветра или от чего другого на мои глаза навернулись слезы.

В Москву поезд прибыл в десять утра. Встреча была очень волнующей. Я не видел своих родных почти шесть долгих, трудных, а временами и страшных лет. За это время умер отец, брат Геннадий

потерял на войне ногу» сестра Аня тяжело заболела – туберкулез. На платформе меня встречали мать, брат Борис и сестры Тася и Аня. Все худые, с ввалившимися глазами, в сильно поношенной одежде. Встречали нас также мать и брат жены, которых я увидел впервые, а также товарищ из нашей службы.

После недолгого разговора на вокзале нас отвезли на служебной полуторке на Малую Лубянку, где мы стали ждать номера в гостинице. Почти весь день просидели мы в кабине грузовика. Все гостиницы оказались забиты, достать номер не представлялось возможным. Часам к восьми вечера нам дали ключи от чужой бронированной комнаты (хозяева – сотрудники нашего управления – были в длительной командировке) в доме у Калужской заставы, и мы направились туда. Комната оказалась теплой и довольно большой. В трехкомнатной коммунальной квартире со всеми удобствами кроме нас жили еще две семьи.

Через неделю мне выдали служебное удостоверение личности, и я вышел на работу. В первый же день со мной обстоятельно беседовал об обстановке в США и оперативных делах начальник вновь созданного отдела научно-технической разведки Л. П. Василевский. Его заместителями были хорошо известные мне Л. Р. Квасников и А. И. Раина.

Начальник отдела поинтересовался, как я устроился, предложил мне подготовить рапорт о предоставлении жилплощади. Отдельных квартир сотрудники тогда не просили, это была сказочная роскошь!

На другой день вечером Василевский повел меня на доклад к начальнику Первого управления Фитину, принимавшему меня перед отъездом в США. Беседа носила скорее протокольный характер, так как, видимо, он в деталях был уже проинформирован о моих командировочных делах. Начальник разведки поблагодарил меня за работу, пожелал хорошо отдохнуть, а после возвращения из отпуска обещал определить, как использовать меня в дальнейшем. Когда генерал спросил, есть ли у меня какие-либо вопросы, я обратился к нему с рапортом о жилплощади. Он наложил положительную резолюцию.

По указанию начальника отдела я написал небольшой отчет о проделанной работе за пять лет и девять месяцев в долгосрочной командировке. Этот документ в основном содержал ответы на подготовленные сотрудниками отдела вопросы. Кроме того, я изложил в нем свои соображения о том, на что прежде всего обратить внимание при восстановлении связи с агентурой, которую я законсервировал перед отъездом.

Командование высоко оценило мою деятельность в нью-йоркской резидентуре. После этого я пошел в отпуск.

МОСКВА ПОСЛЕВОЕННАЯ

По возвращении домой в октябре 1946 года я надеялся прожить в Москве два-три года, прежде чем меня направят в другую командировку. Мы мечтали получить комнату, обставить ее и начать жить, как другие мои товарищи. Главное, хотелось помочь моим родным – матери, брату-инвалиду Геннадию и сестрам, которые за время войны порядком наголодались и обносились.

Я часто приезжал в родные пенаты. Привозил продукты, носильные вещи, которые родственники могли продать на рынке и купить себе необходимую одежду и обувь, давал деньги. Расспрашивал их, как они прожили военные годы. В первые же дни войны братья Борис и Геннадий были призваны в армию. 3 июля 1941 г. сестры Тася и семнадцатилетняя Аня были мобилизованы на трудовой фронт и севернее Брянска работали на земляных оборонительных укреплениях. В связи с приближением гитлеровских войск они в сентябре возвратились в Москву. Но через месяц мать и сестры были эвакуированы в совхоз под Свердловском, в котором стали работать. В наших пенатах остались лишь бабушка и отец, отказавшиеся эвакуироваться. В декабре 1941 года умер дедушка. В 1942 году в боях под Старой Руссой брат Геннадий потерял ногу и был ранен в правую лопатку. По выходе из госпиталя он стал инвалидом первой группы и возвратился в наш родной деревянный домик. Для ухода за инвалидами – отцом и братом – в апреле сорок второго из эвакуации возвратилась мать. В сентябре 1942 года умер больной отец.

В апреле 1943 года возвратились из эвакуации сестры, и обе по трудовой мобилизации сразу же были направлены работать на заводы.

В Министерстве иностранных дел я продолжал числиться по прикрытию. Меня назначили третьим секретарем во вновь создаваемый отдел по делам Организации Объединенных Наций, который возглавлял опытный дипломат С. А. Виноградов, работавший до этого долгое время советским послом в Турции. В одной комнате со мной сидели молодые дипломаты Капустин, Попов и Фомин, с которыми у меня сложились хорошие отношения. Зарплаты ребятам не хватало, и они по материалам агентства ТАСС писали заметки, статьи по международным проблемам, которые иногда удавалось опубликовать в советских газетах или журналах.

Запомнилась весна 1947 года. Большинству москвичей выделили одну-две сотки земли в Подмосковье. Посадочный материал частично давали, но больше приобретали сами. В начале мая, когда наступили теплые дни, москвичи, вооружившись лопатами и граблями, захватив еду, в первый выходной день выехали на перекопку участков, а через неделю на посадку картофеля.

Помню, целые картофелины мы разрезали на три-четыре части, так чтобы в каждой был прорастаемый глазок, и сажали их. Стояла сухая погода, и вскоре мы отправлялись поливать посадки.

Потом ездили окучивать их.

В середине мая меня вызвали в отдел кадров МИД, где представили нашему послу в Англии Г. Н. Зарубину. Он расспросил меня о семье, какую работу я выполнял в Нью-Йорке, знаю ли я английский язык. Находившийся с ним сотрудник английского отдела министерства заговорил со мной по-английски. После пятиминутного разговора он сказал послу, что я свободно владею языком. Посол посмотрел мое дело и еще раз удостоверился, что я недавно сдал экзамен по английскому на «отлично». В конце беседы он предложил мне должность второго секретаря посольства в Англии. Я сказал, что не могу дать положительного ответа, не поговорив с женой. Когда посол услышал, что жена окончила языковой институт, затем изучала английский в Колумбийском университете и знает язык лучше меня, он сказал, что в посольстве, если жена пожелает, найдется работа и для нее.

В тот же вечер о состоявшейся беседе с Зарубиным я доложил начальнику своего отдела. Руководство разведки сразу же дало мне указание, чтобы я согласился на командировку в Англию. Позднее мне начальник отдела сказал, что сделанное послом предложение пришлось очень кстати, так как наше руководство само хотело через месяц начать оформлять меня в долгосрочную командировку в Англию. На следующий день я нашел Зарубина и сказал, что согласен поехать к нему. Он поблагодарил меня:

– Молодец. Об этой поездке не пожалеешь. Если будешь серьезно относиться к делу, я дам возможность приобрести опыт настоящей дипломатической работы.

Затем он сказал, что сейчас же даст команду отделу кадров срочно начать мое оформление. А прощаясь, посоветовал, чтобы перед отъездом я обязательно побывал в отпуске и отдохнул.

К себе в разведслужбу я приходил обычно в восемь вечера, после окончания работы в МИД и ужина. Из довоенного Иностранного отдела разведка выросла в Первое управление. Но это управление было совсем небольшим по сравнению с Управлением стратегической службы США, в котором работало свыше тридцати тысяч человек. Уже в конце войны деятельность УСС стала переориентироваться с Германии и Японии на Советский Союз. После войны разведка Вашингтона создала в Западной Германии мощную разведывательную организацию во главе с бывшим гитлеровским генералом Райнхардом Геленом. Ее укомплектовали кадровыми сотрудниками нацистских спецслужб. Перед геленовской организацией была поставлена задача вести разведку против советской зоны оккупации Германии, восточноевропейских стран народной демократии и, конечно, против СССР.

Не могу сказать точно, сколько человек тогда было в нашем Первом управлении. Судя по количеству присутствующих на общих собраниях сотрудников разведки, в центральном аппарате вместе с канцелярским персоналом было занято не более шестисот человек.

В Отделе научно-технической разведки, который действовал во всех развитых капиталистических странах, насчитывалось не более тридцати оперативных работников. Примерно половина из них была занята на американском и английском направлениях. Сначала меня зачислили в американское, которое размещалось в одной большой комнате. Каких-то конкретных оперативных дел за мной не закрепили. Руководство привлекало меня к выполнению отдельных разовых поручений. По указанию начальника я провел для сотрудников отдела три часовые беседы о своем опыте разведывательной работы в США. Две из них были интересными, коллеги меня внимательно слушали и задавали много вопросов. Третья получилась неудачной. Мне просто пороку не хватило: я не имел достаточных теоретических знаний разведывательного дела.

В мае меня перевели на английское направление. Там я стал изучать агентурно-оперативную обстановку на «туманном Альбионе». Читал книги по истории, государственному устройству Англии, о политических партиях и, конечно, о развитии английской техники и науки. Ознакомился с отчетами о работе лондонской резидентуры за последние два года, а также с делами на действующую и законсервированную агентуру.

В середине июля 1947 года я поехал с женой в дом отдыха в Махинджаури, около Батуми. Туда добирались трое суток в переполненном плацкартном вагоне. Заведение оказалось никудышным. Оно скорее напоминало общежитие. Я спал в комнате на шесть человек, где стояли железные кровати с провисшими сетками. Точно такие же условия были для женщин. Кормили неважно. Жена и я много времени проводили на хорошем песчаном пляже, иногда ездили гулять в знаменитый Ботанический сад на Зеленом мысу. Побывали в Батуми, столице Аджарии. Иногда принимали участие в волейбольных сражениях. После двенадцати дней отдыха меня вызвали в горотдел НКВД в Батуми и показали телеграмму, где указывалось, что мне нужно срочно возвращаться в Москву.

В столицу прибыли 9 августа. Начальник отдела сообщил: вызвали меня в связи с тем, что мне необходимо 30 августа на пароходе «Белоостров» отплыть в Лондон. Билеты уже заказаны. Срочный вызов объясняется тем, что в Лондоне через двенадцать дней после прибытия нужно провести явку с очень важным агентом, источником ценной информации по атомной проблеме. Я направлялся в Англию в качестве заместителя резидента по научно-технической разведке.

Отдел уже составил план моей предотъездной подготовки. Со следующего дня я приступил к его выполнению. Кроме изучения сугубо оперативных дел и проблем в нем предусматривались беседы с ученым (фамилию называть не буду), специалистом по атомной проблеме. Он ознакомил меня с принципиальной схемой устройства атомной бомбы, с терминологией, употребляемой в научных учреждениях Англии, которые разрабатывают ядерную проблему. С ним я досконально изучил задание и вопросы, которые мне предстояло обсудить на первой встрече с агентом. Его звали Клаус Фукс.

Решали вопрос, где и каким образом следует проводить личные встречи с агентом, с тем чтобы их не зафиксировала английская служба контршпионажа.

Другие оперативные дела на источников лондонской резидентуры я изучал с начальником английского направления. Три недели выделялось на оперативную подготовку и устройство личных дел.

Ночным поездом я с семьей выехал в Ленинград. Сутки мы прожили в гостинице «Астория», а затем сели на «Белоостров»...

Прежде чем перейти к рассказу о моем пребывании и работе в Великобритании, я хочу кратко охарактеризовать международную обстановку в первые послевоенные годы. Именно с учетом этого строилась деятельность нашей резидентуры в Лондоне.

Что скажу прежде всего? Пожалуй, вот что. В этот период правящие круги Соединенных Штатов – у власти тогда находилась администрация, возглавлявшаяся президентом Гарри Трумэном, – опираясь на огромную экономическую мощь, созданную за годы второй мировой войны, и монопольное обладание атомной бомбой, поставили перед собой цель создать единый фронт капиталистических государств для борьбы против СССР и его союзников.

Пусть простит мне читатель, если я повторю старые истины. Но ведь речь идет о времени почти полувековой давности, и многое стерлось в людской памяти. А «зеленая» молодежь вообще о том, можно сказать, не слыхивала.

И все же это исторический факт, который не вычеркнешь, что Уинстон Черчилль 5 марта 1946 г. выступил в американском городе Фултоне с речью, в которой объявил «крестовый поход против коммунизма» (замечу, что слова, взятые в кавычки, можно было прочитать на следующий день в газете «Нью-Йорк таймс»). И от него, этого факта, никуда не денешься. На Востоке говорили, что в своей речи лидер британских консерваторов провозгласил, если не официально, то по существу, начало «холодной войны». Правда, на Западе утверждали, что растянувшийся на сорок лет конфликт первым начал Советский Союз. Не берусь сейчас судить, кто здесь прав, а кто виноват. Главное, что сейчас обе стороны, понеся, к сожалению, огромные потери – по меньшей мере от двух до трех миллионов человеческих жизней унесли «локальные конфликты» за время «холодной войны», – набрались уму-разуму и решили: так жить нельзя. Они, кажется, перешли на деле, а не на словах к мирному сосуществованию на принципах взаимовыгодного партнерства и добрососедства.

Но тогда, в середине 40-х годов, наши бывшие союзники по антигитлеровской коалиции выдвинули программу американско-английского господства в мире, рассчитанную не на ближайшие годы, а на многие десятилетия. Были разработаны доктрины «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма, в которых доказывалось: Вашингтон и его союзники должны проводить в отношении СССР и дружественных к нему государств только политику с позиции силы. Москва, мол, признаёт лишь «кулачное право». Поэтому разработчики доктрин рекомендовали ограничить или вообще приостановить экономические, торговые и культурные отношения с советским блоком. Прекратить предоставление Советам кредитов, запретить туда ввоз современной технологии, в которой мы так нуждались после войны. Ведь нашему народу долгое время пришлось отказывать себе во всем, чтобы одержать победу над общим врагом – фашистской Германией и ее сателлитами.

По этим доктринам Соединенные Штаты должны были проводить неограниченную гонку атомного и обычного вооружений, вынуждая Советский Союз тратить большие, даже непомерные, средства на оборону, вместо того чтобы расходовать их на восстановление промышленности и сельского хозяйства, на строительство и другие жизненно необходимые нужды. Такая политика, по замыслу творцов доктрин «сдерживания» и «отбрасывания», должна была поставить Сталина на колени. Для ее практической реализации во второй половине 1947 года в США провели реорганизацию высшего государственного руководства. Был учрежден Совет национальной безопасности (СНБ) во главе с президентом – структура, где решались вопросы войны и мира. Кроме того, были созданы министерство обороны и комитет начальников штабов четырех родов войск – армии (сухопутных сил), ВВС, ВМС и морской пехоты – для руководства и координации всех военных усилий. В прямое подчинение СНБ вошло Центральное разведывательное управление, учрежденное для координации деятельности дюжины специальных служб – гражданских и военных; ведения самостоятельных разведывательных операций всеми средствами во всем мире; подготовки президенту и другим руководителям государства национальных разведывательных оценок и иной разведывательной информации.

Исходя из директивы, что само существование Советского Союза представляет угрозу Соединенным Штатам, созданные центральные органы управления в 1948–1950 годах разработали ряд планов по свержению существующего строя в СССР и в странах Восточной Европы.

Впрочем, первый план атомного нападения на СССР, как свидетельствуют не так давно опубликованные архивные документы, был подготовлен еще в конце 1945 года. Он известен под кодовым названием «Тоталити». Через три года президенту Трумэну представили новые планы – «Чариотир» и «Флитвуд». А в 1949 году еще один, более совершенный план «Дропшот».

Главное во всех этих планах превентивной войны, их сердцевина – нанесение внезапного удара атомными бомбами по главным административным, промышленным и стратегическим центрам Советского Союза. В Вашингтоне ставку на молниеносную атаку делали еще и потому, что в Пентагоне считали: она нанесет непоправимый ущерб военно-экономическому потенциалу Советов, поскольку, по данным американской разведки, руководители Кремля не ожидали внезапного нападения США на СССР.

План «Тоталити» намечал разрушение двадцати самых важных советских городов атомными и

обычными бомбами, сброшенными с самолетов, которые вылетят с баз в Англии и других западноевропейских стран. Планы «Чариотир» и «Флитвуд» исходили из того, что в первые тридцать дней войны будут сброшены сто тридцать три атомных заряда уже на семьдесят пунктов. Из них восемь на Москву и семь на Ленинград. Войну намечалось начать 1 апреля 1949 г. По плану «Дропшот» наносился еще более мощный бомбовый удар. Начало военных действий назначалось на 1 января 1950 г. В течение трех месяцев планировалось сбросить триста атомных и двадцать тысяч тонн обычных бомб на объекты в ста городах.

Все эти планы предусматривали, что за атомными бомбардировками последует оккупация американскими войсками Советского Союза. По секретной директиве Совета национальной безопасности № 20/1 от 18 августа 1948 г. там должен быть установлен новый режим, который:

- а) не располагал бы большой военной мощью;
- б) в экономическом отношении сильно зависел бы от США и западного мира;
- в) не имел бы большой власти над главными национальными меньшинствами, населяющими СССР;
- г) не создавал бы «железный занавес» или нечто похожее на него на своих границах.

Вдумайтесь: речь тут шла не о чем ином, как о ликвидации существовавшей власти в СССР и о его уничтожении как великой державы.

Почему же правящие круги США отказались от своих намерений в конце 40 – начале 50-х годов? Как сейчас стало известно, планы превентивной войны против СССР вызвали крупные споры в Вашингтоне. Там нашлись здравомыслящие политики, которые доказывали: одержать победу над Советским Союзом с помощью массированных бомбовых ударов, даже атомных, – дело нереальное. Соединенные Штаты вполне могут проиграть войну. Приводились при этом такие доводы:

- 1) прирожденные мужество, терпение, стойкость и патриотизм подавляющей части населения СССР;
- 2) отлаженный и четкий механизм, с помощью которого Кремль централизованно управляет Советским Союзом и всем социалистическим блоком;
- 3) идейная привлекательность теоретического коммунизма;
- 4) способность советского режима мобилизовывать население в поддержку военных усилий, что было доказано в войне против фашистской Германии;
- 5) удивительное упорство Советской Армии вести боевые действия в труднейших условиях, как это продемонстрировали первые два года Великой Отечественной войны.

Противники третьей мировой войны в Вашингтоне отмечали также, что, по их оценке, несмотря на большие потери от атомных бомбардировок в первые дни, СССР сможет в течение двадцати суток занять Западную Европу, а через шестьдесят с помощью интенсивных бомбардировок вывести из строя главного американского союзника – Англию с ее базами, имеющими первостепенное значение для американской бомбардировочной авиации. К исходу шести месяцев боевых действий Советы оккупируют северное побережье Средиземного моря от Пиренеев до Сирии, станут контролировать Гибралтарский пролив и захватят нефтяные районы на Ближнем Востоке...

Даже из этого беглого обзора политической и военной обстановки в тогдашнем мире непредубежденный читатель наверняка может сделать вывод: существовала реальная опасность новой войны. А раз так, он поймет, почему главными задачами советской разведки и, естественно, ее лондонской резидентуры были:

- выявление секретных планов Вашингтона и Лондона о подготовке войны против СССР и
- получение достоверной информации о ходе работ в США и Англии по созданию и совершенствованию ядерного оружия.

Мы – в Англии

«Белоостров» в караване других судов входил в Темзу во время прилива, когда вода в реке течет вспять, из океана в ее верховье. Уровень воды поднялся на несколько метров, и наш пароход с помощью буксира зашел в док, и за ним закрылись шлюзы.

Нас встретил представитель советского консульства и отвез в гостиницу. Это был страшно обшарпанный, грязный, старый отель, частично разрушенный бомбой при налете немецкой авиации во время войны. Нас привели в мрачную комнату с пожелтевшими обоями, давно нестиранными занавесками. Кругом – пыль и грязь. Сотрудник консульства объяснил, что в Лондоне много жилых домов и гостиниц разрушено бомбардировками. Жилья не хватает. Все отели переполнены. Они целую неделю искали для нас номер и ничего не могли подыскать, кроме этого. Пришлось покориться судьбе.

На следующий день я пришел на прием к послу Г. Н. Зарубину. Георгий Николаевич определил мой участок работы в группе по внутренней политике Англии, а потом я затронул вопрос о жилье. Посол подтвердил, что это очень трудная проблема, но сказал, что дал указание консульским работникам найти для моей семьи в ближайшие дни что-нибудь получше.

Через неделю я переехал в другое место, так как в отеле были не только плохие условия, но и высокая плата за проживание. Нам предоставили новое жилье – большую комнату в двухэтажном деревянном доме, который во время войны был также разрушен и около двух лет пустовал. Полгода назад предприимчивое руководство нашего торгпредства купило его, сделало косметический ремонт и

стало селить там советских командированных. Но и в этом доме мы прожили всего два месяца. В нем было каминное отопление и затхлый воздух с запахом гнили и пыли. Утром мы всегда вставали с большой головой.

Затем по объявлению в газете мы нашли хороший пятиэтажный кирпичный дом, в котором пожилая пара англичан, проживавшая в трехкомнатной квартире, сдавала две просторные меблированные комнаты за 33 фунта стерлингов в месяц. Хотя это было дорого для нас (моя зарплата составляла девяносто фунтов в месяц), комнаты, чистые и уютные, так нам понравились и так захотелось пожить в приличных условиях, что мы перебрались сюда. Однако на этом наши переезды не кончились. Жена скоро начала жаловаться, что ей не хватает денег на покупку новых носильных вещей, необходимых во влажном английском климате. И через полгода мы решили найти квартиру подешевле. Нам повезло. Один из наших дипломатов возвращался в Москву и освобождал двухкомнатную квартиру в муниципальном доме, квартплата за которую была всего десять фунтов стерлингов. По дешевке мы у них купили и мебель.

Дом был трехэтажный, кирпичный, старый, не очень благоустроенный, но зато по нашему карману. В этой квартире стояла старенькая ванна, а вода подогревалась газовой колонкой. Чтобы колонка заработала, нужно было в особое приспособление опустить монету в один шиллинг и нажать рычажок. Приходилось запасаться полдюжиной монет, чтобы помыться как следует. Но в общем мы остались довольны квартирой и прожили в ней до конца командировки.

Наше материальное положение улучшилось, когда жену пригласили работать на полставки в торгпредство. Двухлетнюю дочку отдавали на целый день в частный английский детский сад. Жена была довольна своим новым положением, работа ей нравилась: она принимала посетителей, печатала письма по-английски. Лучшей практики для закрепления английского языка и не придумаешь. Кроме того, у нее каждый день оставалось четыре часа свободного времени для хозяйственных нужд. В детском саду Наташка быстро научилась болтать по-английски. Поэтому между собой мы стали говорить только на этом языке. Дочка часто в субботу и воскресенье с английской подружкой или одна играла с куклами в углу большого крыльца дома, а мы из окна второго этажа присматривали за ней.

В 1947–1948 годах на основные продукты в Англии выдавались карточки, но больших очередей мы не видели. Мне запомнились две детали. В лондонских магазинах продавали мясо двух сортов: импортное – из Аргентины – и местное. Аргентинское мясо из-за долгого хранения в замороженном виде на пароходах-рефрижераторах, когда оттаивало, становилось серо-синим. Но по цене было доступно всем. Местное, английское мясо отличалось высоким качеством, но стоило в четыре раза дороже, и его покупали только состоятельные семьи. Сахар и чай продавали также по карточкам. Норма чая считалась весьма приличной, а сахара – маленькой. Англичанам же, которые пьют очень крепкий чай четыре-пять раз в день, наоборот, не хватало чая, а сахар оставался. Поэтому жена каждый месяц производила обмен с соседкой-англичанкой излишков нашего чая на их излишки сахара.

В те годы жизненный уровень англичан, как они говорили, резко упал. Средняя семья тогда жила очень скромно. По сравнению с американцами британцы хуже питались, хуже одевались и очень мало могли себе позволить тратить на культурные нужды.

В 1947–1950 годах, хотя у власти находилось лейбористское правительство, оно в своей внешнеполитической деятельности покорно следовало за антисоветской политикой правящих кругов Соединенных Штатов, которые в это время стали военным, политическим и экономическим центром капиталистического мира. Роль Великобритании, особенно в области мировой экономики, сильно уменьшилась в результате второй мировой войны. Поэтому она стала младшим партнером в американо-английском альянсе, хотя это больно ущемляло гордых британцев. Но положение обязывает, и консерваторы полностью поддерживали внешнюю политику лейбористов.

Под давлением Вашингтона лейбористское правительство проводило политику «сдерживания» коммунизма. Вопреки интересам английского народа власти резко сокращали традиционные экономические и торговые связи с Советским Союзом.

Каждые два-три месяца министерство торговли по договоренности с Америкой публиковало постановление на нескольких страницах с длинными списками машин, приборов, отдельных изделий машиностроительной промышленности, которые запрещалось продавать СССР. Все это было направлено на замедление процесса восстановления советской экономики.

А теперь небольшой экскурс в историю наших взаимоотношений с Англией. На протяжении столетий, боясь, как бы Россия не стала сильной в политическом и военном отношении, Лондон в своей внешней политике преследовал цель, во-первых, по возможности добиваться, чтобы народы России были разъединены, а во-вторых, замедлить ход ее экономического развития. Еще в середине XVI века, когда Иван Грозный провозгласил себя царем всея Руси и стал вести борьбу за национальное объединение, Англия долгое время продолжала свою торговлю с отдельными княжествами.

Во время поездки в Голландию и Англию в 1697–1698 годах Петр I нанял более тысячи голландских и английских корабельных мастеров и моряков, помощь которых была нужна ему при создании русского флота. Царь договорился, что правительства этих двух стран будут принимать русских моряков на практику в их флотах. Вскоре, однако, Голландия и Англия увидели в этих действиях русского царя угрозу их владычеству на морях и приняли меры, чтобы не выполнить достигнутые соглашения.

В 1703 году русский посол в Голландии Матвеев, донося об отказе местных властей принять на

морскую практику четыре тысячи русских солдат и матросов, писал, что «им то дело ненадобно, чтобы наш народ морской науке обучен был». В эти же годы англичане обрабатывали русских моряков, чтобы они не возвращались на Родину, а парламент Англии принял закон, запрещающий принимать на практику во флот русских. В 1719 году английский король приказал всем своим подданным, находившимся на морской службе в России, немедленно вернуться домой.

Еще более жесткую политику в отношении нашей Родины Англия совместно со своим заокеанским партнером стала проводить со времени Октябрьской революции. Они были вдохновителями иностранной интервенции. Черчилль и Трумэн в 1946 году провозгласили начало «холодной войны».

Хозяева средств массовой информации Великобритании в 1947–1949 годах постоянно вели клеветническую кампанию, лживо утверждая, что СССР вынашивает планы агрессии против стран Западной Европы. В действительности же они хорошо знали, что это не так и что усиленными темпами к развязыванию атомной войны против Советского Союза готовятся руководящие круги США при согласии Англии.

Острая политическая борьба между советскими и западными представителями развернулась на 5-й сессии Совета министров иностранных дел четырех держав – СССР, США, Англии и Франции, проходившей с 2 ноября по 15 декабря 1947 г. в Лондоне. Советскую делегацию возглавлял В. М. Молотов, а его заместителем был А. Я. Вышинский.

На заседаниях рассматривали главным образом вопрос о заключении мирного договора с Германией. Советская делегация предложила безотлагательно создать общегерманское демократическое правительство. Западные делегации, возглавляемые госсекретарем США Дж. Маршаллом, министрами иностранных дел Англии Э. Бевином и Франции Д. Бидо, противились этому.

Советская делегация добивалась, чтобы Германия как можно быстрее выплатила репарации, причитающиеся СССР в соответствии с решениями Ялтинской и Потсдамской конференций. Однако западные державы преднамеренно ставили палки в колеса, заявляя, что Германия должна вначале восстановить свою промышленность, выплатить недавно предоставленные ей кредиты западными странами и лишь затем решать вопрос о репарациях Москве.

Заседания сессии проходили в напряженной атмосфере взаимных обвинений. Иногда Молотов закуривал и молча слушал выступавших, что, по словам людей, хорошо знавших его, означало, что он нервничает. В такие моменты от советской делегации остро, едко говорил Вышинский. Помню был случай, когда английский министр Э. Бевин, хваставший своим «пролетарским происхождением», отвечая Вышинскому, уколол его:

– Вы не имеете права выступать от имени советского трудового народа. Вы меньшевик. Вы выходец из буржуазии.

Вышинский немного подумал, а затем изрек:

– Да, господин Бевин, мы оба с вами предатели. Я предал буржуазию, чтобы защищать дело советских трудящихся, а вы предали английский рабочий класс и стали защищать буржуазию.

Во время сессии все сотрудники советского посольства работали почти круглые сутки. В первый же день посол поручил мне ежедневно обеспечивать телефонную связь между посольством и Москвой. Я заблаговременно связался с Парижем, который дал мне линию на Западный Берлин. Далее меня подключили к Восточному Берлину. Там военный телефонист ответил, что он не может без разрешения своего капитана дать Москву. В разговоре с офицером выяснилось, что он тоже должен вначале переговорить с вышестоящим начальником и так далее. Кончилось все это тем, что я в шестнадцать часов не получил Москву. Меня вызвал Зарубин. Когда я вошел в его кабинет, он, сидя на диване, разговаривал с Молотовым. Посол спросил, где Москва? Я рассказал, почему не мог получить телефонную линию. Слушавший мои объяснения Молотов заметил:

– Молодой человек, когда вы будете вновь связываться с нашим представителем в Берлине, скажите, что это Молотов должен разговаривать с Кремлем.

Выйдя из кабинета, я по телефону помощника посла стал снова добиваться связи с Москвой. Через две минуты Кремль был на проводе. В последующие дни наши представители в Берлине давали кремлевскую телефонную линию через десять – пятнадцать секунд, и Молотов докладывал Сталину о только что закончившемся заседании.

Через неделю Зарубин поручил мне в двадцать четыре часа подготовить справку об английском обществе пилигримов, которое пригласило выступить с речами министров иностранных дел Англии, Франции, США и СССР на их торжественном собрании. В тот же день я попросил знакомого журналиста посетить это общество и по имеющимся материалам составить справку на две-три страницы, отразив в ней структуру, состав, политическую направленность этой организации. В девять утра я получил от него текст и на его основании составил справку на одну страницу, из которой следовало, что во главе общества пилигримов стоят богатые люди, консерваторы, ратующие за прочный союз Англии и США и проводящие антисоветскую политику.

В назначенное время я вручил справку помощнику посла, который тут же зашел в кабинет и передал ее. Зарубин попросил меня подождать, пока он ее прочтет. Минут через пятнадцать помощник попросил меня зайти к послу. Как только я открыл дверь, я увидел стоявшего Молотова со справкой в руках. Он сказал, что прочитал, она составлена хорошо, но в ней нет главного.

– В справке вы не сделали предложения, принимать мне приглашение или нет, – пояснил министр. – Скажите мне об этом прямо сейчас.

Я, конечно, разволновался – ситуация была для меня крайне необычной, – но призвав на помощь все свое самообладание, спокойно ответил, что не советовал бы принимать приглашение, и изложил свои мотивы. Молотов обратился к послу:

– Ну как, Георгий Николаевич, согласимся с мнением молодого дипломата?

В ответ посол лишь улыбнулся и ничего не сказал. А нарком закончил разговор словами:

– Хорошо, принимаем ваше предложение. Общество пилигримов – компания не для нас. Только в следующий раз в материалах, подготавливаемых для руководства, всегда делайте инициативно свои рекомендации по затрагиваемому вопросу.

«Зачем Молотов разговаривал со мной?» – задавал я потом себе вопрос. То ли хотел преподать мне урок, как надо писать справку, то ли хотел дать понять послу, как надо давать поручения подчиненным. Скорее всего, и то и другое.

Лондонская сессия Совета министров иностранных дел закончилась безрезультатно. По настоянию западных делегаций ее работа была прекращена, не была даже назначена дата созыва следующей сессии.

Следует отметить, что в годы «холодной войны» большая часть населения западных стран не поддерживала враждебную политику правительств США и Великобритании против СССР. Английский народ, испытавший ужасы войны, разделял цели движения сторонников мира. Профсоюзные организации крупных промышленных центров Великобритании стали инициаторами движения породненных городов. Наладились взаимные поездки друг к другу делегаций рабочих и профсоюзных деятелей. Это имело важное политическое значение, ибо возвращавшиеся из СССР в Англию члены делегаций выступали на многочисленных собраниях и правдиво рассказывали о положении в СССР, об упорном труде советских людей по восстановлению разрушенной экономики, а главное – о желании жить в мире и дружбе с народами всех стран.

В эти же годы происходил взаимный обмен делегациями деятелей культуры и науки. Здесь большую работу проделали Общество англо-советской дружбы, Общества «Шотландия – СССР», и Общество культурных связей с СССР. Во главе последнего тридцать четыре года стоял известный юрист, член парламента Д. Н. Притт, а также известный ученый и общественный деятель, иностранный член Академии наук СССР профессор Д. Д. Бернал, который в 1959–1965 годах был президентом Всемирного Совета Мира.

Следует отметить, что они вели свою деятельность в крайне неблагоприятной обстановке, когда лейбористское правительство Эттли, поддерживая установку Вашингтона на разжигание «холодной войны», запретило членам своей партии принимать участие в деятельности Общества англо-советской дружбы и Общества культурной связи с СССР.

ВСТРЕЧА С БЕРНАРДОМ ШОУ

В силу своего служебного положения мне довелось встречаться и беседовать на различных приемах и собраниях с некоторыми членами парламента, политическими деятелями, учеными, писателями, артистами и другими деятелями культуры. Многие из них критиковали лейбористское правительство за проводившуюся антисоветскую политику, поддержку атомного шантажа Вашингтона и положительно отзывались о миролюбивой политике нашей страны. Думаю, что для читателей будет интересен рассказ о двух моих встречах со всемирно известным английским писателем Бернардом Шоу.

Первая встреча состоялась в конце 1948 года на кинопросмотре советских фильмов в нашем посольстве, устроенном для деятелей английской культуры. Мы обычно посылали Б. Шоу приглашение на все важные приемы. Однако, как правило, он не приходил. Никто не ожидал, что он явится на этот раз. Но писатель неожиданно пришел вместе со своим секретарем за несколько минут до начала кинопросмотра.

Вначале Шоу с группой англичан уединился в углу фойе. Они о чем-то тихо разговаривали. Мэри Притт, активная деятельница многих прогрессивных организаций Великобритании, жена Д. Н. Притта, представила меня Шоу как сотрудника посольства, занимающегося культурными вопросами.

Как только мы обменялись приветствиями, Б. Шоу заметил:

– Вот вы-то мне и нужны.

Выразив готовность быть ему полезным, я высказал свое удовлетворение по поводу встречи со знаменитым писателем. Затем начал рассказывать, какой большой популярностью его произведения пользуются в Советском Союзе, что его книги неоднократно издавались в СССР, а его пьеса «Пигмалион» не сходит с подмостков советских театров. Особенно с большим успехом идет она на сцене Малого театра, где роль Элизы Дулитл блестяще играет Д. Зеркалова.

Выслушав меня, Б. Шоу суровым тоном заметил: – О том, что мои книги популярны и издаются большим тиражом, а пьесы непрерывно ставятся в театрах Советского Союза, я неоднократно слышал и от других. Но почему СССР не платит мне гонорара?

От такого заявления я опешил и ничего не мог ему ответить. Все стоявшие вокруг рассмеялись. Смехом наполнились и глаза Шоу, который, опершись на палку, упор смотрел на меня, от чего мое смущение только увеличивалось.

Справившись с замешательством, я сказал, что это объясняется тем, что Советский Союз не является членом всемирной организации по защите авторских прав и поэтому, когда произведения

советских писателей выходят за границу, иностранные издательства тоже не переводят в СССР положенные гонорары. Кто-то из присутствовавших в подтверждение моей мысли заметил:

– Если бы английские радиостанции и музыкальные коллективы выплачивали гонорар только за исполнение произведений Прокофьева, Шостаковича и Хачатуряна, то они должны были бы ежегодно переводить Советскому Союзу многие десятки тысяч фунтов стерлингов.

После этого Шоу рассказал, что он сегодня был в Лондоне у своего издателя и что в советское посольство он заехал на минутку по делу. По словам писателя, в Англии готовится издание его полного собрания сочинений. На титульном листе каждого тома планируют поместить его портрет. Но ему не нравятся портреты, сделанные английскими художниками. Он желал бы поместить портрет, написанный известным советским художником-графиком М. И. Пиковым. Две недели назад он написал об этом художнику с просьбой прислать ему гравюру на дереве для того, чтобы здесь, в Лондоне, литографы смогли сделать оттиск. В конце своего рассказа Шоу попросил меня посодействовать тому, чтобы ускорить получение этого портрета.

Я обещал это сделать. Распровавшись с нами, писатель пошел к выходу. Мы проводили его до машины.

На другой день утром я доложил послу о состоявшемся разговоре с Б. Шоу. Выслушав, посол дал указание подготовить проект телеграфного сообщения в Москву по этому вопросу.

Вскоре был получен ответ, в котором говорилось, что принято решение выдать Б. Шоу в качестве первоначального гонорара двадцать тысяч фунтов стерлингов. Сообщалось также, что диппочтой в адрес посольства художник М. И. Пиков направил портрет.

Когда он был получен, я, позвонив предварительно по телефону, поехал к Шоу. Его дом находился в семидесяти пяти километрах к северу от Лондона, в деревне Эйот Сейнт Лоренс, в графстве Хертфорд. Я поехал один на маленьком «воксхолле». На сиденье рядом со мною лежала дорожная карта, на которой я карандашом пометил предстоящий маршрут.

День выдался солнечным, теплым. Самой трудной была дорога по дымным, промышленным предместьям Лондона. После получасовой езды по столице и ее окрестностям «воксхолл» выбрался на шоссе. Далее мой путь пролегал по проселочным дорогам среди полей, на которых тарахтели тракторы, среди лугов, где паслись знаменитые английские коровы и овцы.

Однако проплывавший мимо пейзаж почти не привлекал мое внимание. Все мысли вертелись вокруг предстоящей встречи с великим писателем. Готовясь к ней, я прочитал о Шоу и его творчестве всю имевшуюся в посольстве литературу. Хотелось провести беседу так, чтобы у него осталось хорошее впечатление о советском дипломате. Поэтому я тщательно обдумывал, как лучше по существу и форме изложить те проблемы, с которыми ехал. Я опасался, что знаменитый острослов может опять поставить меня в тупик неожиданным высказыванием. Поэтому мысленно старался представить себе, какие каверзные вопросы он может преподнести в беседе.

Чем ближе я подъезжал к месту, где проживал мудрый старец, тем дороги становились все более узкими, а их покрытие хуже и хуже. Дом Шоу стоял на холме у въезда в деревню. Двор был огорожен высоким зеленым забором. Грунтовая дорога, поросшая травой, вела прямо к воротам. Выйдя из машины, я подошел к калитке и дернул ручку звонка. Дверь открыла женщина лет сорока пяти в простой крестьянской одежде, на голове у нее был белый платок, из-под которого выбивались светло-рыжие пушистые волосы. В то время как я объяснял женщине цель моего приезда, появился хозяин и поздоровался со мной. Увидев на улице мой «воксхолл», он резко сказал:

– Загоняй машину во двор! И пошел открывать ворота.

Учитывая преклонный возраст писателя – ему был уже девяносто один год, я близко подошел к нему и сказал, что не нужно беспокоиться, пусть автомобиль постоит на улице. В ответ Шоу снова резко произнес:

– Делай, что я тебе говорю.

Не рискуя больше возражать почтенному старцу и желая ему помочь, со словами «разрешите, я помогу вам» я попытался вынуть засов. Но это вызвало еще более бурную реакцию. Он гневно крикнул на меня:

– Отойди прочь, я полон сил и сделаю все сам!

Я отошел в сторону и с опаской стал наблюдать за действиями Шоу. Он вытащил засов из скоб и, с трудом удерживая его на уровне груди, покачиваясь, словно штангист, понес его в сторону. Рыжая женщина и я молча продолжали следить за действиями старика. Затем он опустил один конец деревянного бруса на землю, а второй поднял кверху и прислонил к забору. Разделавшись с засовом, Шоу скомандовал:

– Загоняй!

Я покорно заехал во двор. Когда я доехал до указанного писателем места, он громко крикнул:

– Стоп! Глуши мотор. Поставь машину на тормоза. Выполнив все команды, я вышел из машины и стал наблюдать, как Шоу проделал в обратном порядке весь ритуал с закрытием ворот. Затем, подойдя ко мне торопливыми мелкими шажками, он левой рукой приподнял соломенную шляпу, правой вынул из кармана носовой платок и стал вытирать пот с головы, лица и шеи и молча смотрел на меня улыбающимися бледно-серыми глазами. Все его старческое лицо выражало удовлетворение и радость – вот, мол, какой подвиг он совершил. Но Шоу тяжело дышал, руки его дрожали и, судя по его виду, еле стоял на ногах. Я все еще боялся открыть рот, чувствовал себя как-то неловко, сам не понимая почему.

Наверно, мне было стыдно, что я такой молодой, полон сил... В это время к нам подошел секретарь писателя Левин, как он мне представился, и начал расспрашивать, трудно ли было найти дорогу к дому, нравятся ли мне окрестные места.

Отдышавшись, Шоу пригласил меня и своего секретаря в дом и провел в большую комнату на первом этаже. Вдоль стен от пола до потолка стояли стеллажи с книгами.

Мы уселись за большой стол. Посередине сел Шоу и положил вытянутые руки на стол. Мы сели с левой стороны от писателя. Прямо перед нами были полки с книгами современных авторов. Среди них я заметил «Тихий Дон» М. Шолохова и «Дни и ночи» К. Симонова, избранные произведения И. Эренбурга. На полках слева стояли только произведения самого Шоу, изданные во многих странах.

Женщина с рыжими волосами принесла чай и печенье.

Я передал писателю оригинал гравюры Пикова. Он посмотрел на нее, поблагодарил и обещал вскоре вернуть.

За чаем шел разговор о книгах, собранных здесь Шоу, о его пьесах. Тем временем я внимательно рассматривал хозяина дома. На нем были холщовые брюки и такая же рубашка навыпуск, перехваченная пояском – крученой веревочкой с кисточками на концах. Волосы, борода, мохнатые брови, ресницы – сплошь седые. Лицо чистое, без старческих пигментационных пятен. Вдоль тыльной стороны ладоней шли необычно широкие, сильно выступавшие вены. В своем одеянии он казался обесцвеченным, увядающим. Однако на каждый мой комплимент в его адрес Шоу делал довольно язвительные замечания, суть которых сводилась к тому, что все хорошее он делал в прошлом, а сейчас ничего не пишет, а только пачкает бумагу, ругается с домашними, с издателями, а иногда с руководителями лейбористской партии. К сожалению, газеты и журналы не всегда публикуют его критику внешней политики британского правительства.

Далее, напомним наш разговор в советском посольстве о выпуске произведений Шоу в СССР, я сказал, что советское издательство готово перевести ему в качестве первоначального гонорара двадцать тысяч фунтов стерлингов. При этих словах писатель, сидевший с полузакрытыми глазами, повернул голову и стал пристально рассматривать меня. Выражение его лица быстро менялось: то оно было серьезным, то лукавым, то загадочно улыбчивым. Видно было, что Шоу собирается сказать что-то неожиданное и парадоксальное.

Между тем Левин передал мне карточку, на которой было напечатано «Мидлбанк» и указан номер счета.

– Переведите гонорар на этот счет, – сказал секретарь.

Я пообещал это сделать и положил карточку в бумажник.

– А ведь большая часть советского гонорара попадет в руки моих врагов – министра финансов Стаффорда Криппса и министра иностранных дел Эрнста Бевина. Я не хочу этого. – неожиданно резко бросил Шоу и опять остановил взгляд на своих руках, неподвижно лежавших на столе.

Левин стал объяснять мне, что Шоу в текущем году получил значительную сумму гонорара за издание своих книг и постановку пьес в различных странах, поэтому с советского перевода английское правительство возьмет большую часть в качестве подоходного налога. Секретарь тут же попросил меня вместо денег прислать акции на двадцать тысяч фунтов стерлингов – они подоходным налогом не облагаются.

Пришлось объяснять Левину, что в Советском Союзе нет частных предприятий, что все предприятия, фабрики заводы национализированы, являются собственностью народа и поэтому у нас нет и акций. Поразмыслив немного, секретарь сделал новое предложение: тогда можно передать драгоценные камни на сумму гонорара. Я ответил, что не могу сразу решить этот вопрос, так как посол обязан сообщить в Москву, а каков будет ответ, я доведу до сведения писателя.

В течение моего разговора с секретарем о возможных вариантах передачи гонорара Шоу, облокотившись на стол и поддерживая склоненную голову ладонями рук, безмолвно слушал нашу беседу. Как только мы ее закончили, он резко поднял голову, открыл глаза и решительно заявил:

– Это не пойдет. С драгоценными камнями дело противозаконное. Мои злейшие враги Криппс и Бевин посадят меня за решетку, ведь они считают меня самым главным большевиком в Англии. Я не хочу провести свои последние годы за решеткой и умереть в тюрьме.

Несколько успокоившись, писатель снова повторил, что он не хочет, чтобы большая часть советских денег попала в казну Криппса. Повернув ко мне голову, он продолжил:

– Пусть мой гонорар пойдет на благо советского народа. Своим героизмом в борьбе против врага человечества – гитлеровской Германии – советские люди заслужили величайшее уважение всех честных мужчин и женщин на земле и мое тоже. Мы все обязаны Советскому Союзу, что сейчас мир. Передайте советскому правительству, что я отказываюсь от гонорара.

В комнате стало тихо. Все молчали. Мне показалось, что Шоу задремал, опершись подбородком о ладони.

Первым нарушил молчание я, тихо сказав секретарю, что у меня больше никаких вопросов нет и что если советское посольство может чем-либо быть полезным писателю, прошу об этом дать знать нам.

Мы неслышно вышли во двор, чтобы не нарушить покой писателя. Секретарь открыл ворота, и в это время на крыльце появился Шоу. Он улыбнулся и приветливо помахал рукой. Я подошел к нему, поблагодарил за беседу и попрощался.

О двух коротких встречах с великим английским писателем я считал необходимым рассказать, чтобы напомнить: Бернард Шоу до последних дней своей долгой жизни с уважением и любовью относился к Советскому Союзу и его народу.

ОПЕРАЦИИ НА «ТУМАННОМ АЛЬБИОНЕ»

Во время моей второй командировки за границу в 1947–1949 годах Соединенные Штаты и их партнер Англия навязали Советскому Союзу противоборство не только в военной, политической и экономической областях, но и в сфере разведки.

Созданная в США централизованная система разведки подчинялась непосредственно президенту и, имея в своем распоряжении практически неограниченные финансовые и материальные средства, развернула подрывную деятельность против СССР и дружественных ему стран в глобальных масштабах. Для этого использовались тотальные средства: шпионаж, террор, саботаж, диверсии, психологическая война, организация полувоенных акций с целью свержения неугодных режимов и так далее. Разведка Вашингтона, пользуясь экономическими трудностями многих капиталистических и развивающихся стран, заставляла их службы безопасности в обмен за материальную и техническую помощь вести по ее указке шпионаж и другие подрывные акции против Советского Союза и дружественных ему государств.

ЦРУ и ФБР установили тесное сотрудничество прежде всего с английской разведкой и контрразведкой – службами МИ-6 и МИ-5. В Лондоне дислоцировались крупные представительства спецслужб Вашингтона, сотрудники которых имели постоянный контакт с английскими коллегами. ЦРУ было очень заинтересовано в сотрудничестве с МИ-6, известной также как «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС), – одной из самых старых и опытных разведслужб в мире. ЦРУ и ФБР оказывали британским органам шпионажа и контршпионажа помощь денежными и техническими средствами, а англичане взамен передавали американцам добываемую СИС разведывательную информацию, особенно ту, которая касалась СССР и его союзников.

Созданная централизованная разведка США, по сути дела, открыто объявила СССР главным объектом своей деятельности, которая проводилась в глобальных масштабах и тотальными средствами.

Ну а советская разведка? Как профессионал, много лет руководивший ее американским направлением, могу откровенно признаться, что мы тоже рассматривали Соединенные Штаты как главный объект своей деятельности, а централизованную разведку Вашингтона – противником номер один. С той только разницей, что наша секретная служба в те годы, увы, значительно уступала американской – и по численности персонала, и особенно по финансовым и материально-техническим возможностям. Это, впрочем, легко понять каждому здравомыслящему человеку: СССР – разоренная войной страна, хотя и была великой по территории, числу жителей и природным ресурсам, – не мог в полной мере состязаться с промышленной державой, сказочно разбогатевшей ходе мирового вооруженного конфликта.

Советская разведка испытывала острую потребность в опытных кадрах. Во-первых, они нужны были для назначения на должности руководителей вновь создаваемых отделов, с тем чтобы профессионально, грамотно организовать работу на главных направлениях. Во-вторых, знающие люди требовались, чтобы возглавить резидентуры в различных странах. В-третьих, квалифицированных специалистов не хватало для работы в США и западноевропейских странах, где уже располагались многочисленные учреждения и военные объекты НАТО.

Поэтому наша резидентура в Англии, как и многие другие заграничные резидентуры, оставалась крайне малочисленной. В ней было всего два сотрудника с опытом разведывательной работы в капиталистических странах.

В посольстве мне дали участок работы по поддержанию связей с различными общественными организациями Англии, выступающими против подготовки новой мировой войны, за развитие дружественных отношений с Советским Союзом. Я приобрел достаточное количество полезных связей среди общественных и профсоюзных деятелей, видных представителей культуры и, конечно же, дипломатов, с которыми встречался по линии прикрытия на приемах, конференциях, концертах, в театрах, за ленчем в ресторанах или в домашней обстановке. Но при этом не прерывал ни на минуту своей разведывательной деятельности, подбирая подходящих кандидатов для привлечения к сотрудничеству с нами и тщательно «мотал на ус» информацию, которая могла заинтересовать Центр.

Английская служба контршпионажа постоянно вела наблюдение за советскими учреждениями и их сотрудниками. Вблизи наших учреждений плотно располагались ее постоянные скрытые посты, откуда контролировались все лица, посещающие нас. Мы, например, точно знали, что в доме через улицу, напротив входа в советское посольство, находился постоянный пост контрразведки, который фиксировал время прихода и ухода сотрудников и посетителей. Все они, конечно, скрытно фотографировались. Возле поста росло высокое дерево, ветви которого, с одной стороны, маскировали этот пост, а с другой – мешали делать фотосъемки. Контрразведчики время от времени, когда наступала темнота, подрезали разросшиеся ветви. В конце концов это занятие им надоело, и в одну прекрасную ночь они просто спилили дерево.

Разумеется, технические службы контрразведки вели подслушивание телефонных разговоров сотрудников посольства, их почтовая переписка подвергалась перлюстрации.

Очень широко английские охотники за шпионами пользовались методом вербовки местного населения и иностранцев, с которыми встречался персонал посольства по роду своей работы или по месту жительства. Таким агентам поручалось изучать характер, наклонности и уязвимые стороны советских сотрудников.

Кроме того, служба контршпионажа тесно взаимодействовала с лондонской полицией. Полицейские, несшие постовую службу на улицах города, в лицо знали советских сотрудников, имели номера их автомашин. В случае появления советских граждан и их автомобилей, особенно в отдаленных районах Лондона, полицейские немедленно сообщали по телефону или по радию в контрразведку.

Нам все это, естественно, приходилось учитывать при проведении встреч с агентурой, чтобы не попасть впросак.

Справедливости ради следует сказать, что в то время в редких случаях мы наблюдали, чтобы за сотрудниками резидентуры с утра до вечера велась непрерывная слежка. Видимо, англичане держали в поле зрения советских разведчиков с помощью агентурной и полицейской сети, а также средств оперативной техники.

Я старался ежедневно по служебным и личным делам один-два раза выходить в город, чтобы приучить охотников за шпионами к тому, что это моя рутинная работа и что за мной не обязательно посылать бригаду слежки. К тому же, выходя в город и используя различные виды транспорта, я постоянно проверялся, быстро освоившись в новых для меня условиях британской столицы.

Я несколько раз обнаруживал за собой слежку. Запомнился такой случай.

У меня было правило: ежемесячно, в один из дней вскоре после получения, я часа в четыре дня отправлялся походить по магазинам, чтобы купить хорошую книгу. В этот раз стояла сырая туманная погода. Выйдя из посольства, я дошел до близлежащей станции метро «Ноттинг хилл гейт» и на платформе обратил внимание на двух мужчин: один лет тридцати пяти, а другой – около пятидесяти. У них был какой-то неестественно блуждающий взгляд, и держались они напряженно. Мой опыт подсказал мне – это «они».

Я приехал в центр и не торопясь начал ходить по книжным магазинам, замечая, как то один, то другой из них следовал за мной. Не найдя ничего подходящего, я сел в автобус и направился в отдаленный район, где находился хорошо мне знакомый большой букинистический магазин. Один из филеров поехал со мной.

Неожиданно опустился густой туман, который англичане называют «гороховым супом». Видимость стала не более пяти метров. Водитель зажег имевшийся у него на такой случай факел и дал его кондукторше, которая пошла впереди, освещая дорогу. Автобус медленно следовал за ней. Я спрыгнул на ходу из автобуса, быстро прошел вперед и скрылся в тумане, а затем свернул на первую встретившуюся мне улицу, зашел в закусочную, заказал кофе и стал наблюдать через большое окно за появлением моего «преследователя». Я уже собирался уходить, когда увидел его: из тумана, словно привидение, появилась знакомая физиономия. Прижавшись к стеклу окна, филер всматривался в посетителей и, увидев меня, быстро отпрянул и растворился в тумане, так же неожиданно, как и появился. Все было ясно. Далее я не стал проверяться. Минут через пятнадцать дошел до станции метро и поехал спокойно домой.

Ким Филби и двое его соратников по «пятерке» имели близких друзей среди ответственных сотрудников британской контрразведки. Время от времени они передавали резидентуре информацию о совместных секретных планах спецслужб Англии по борьбе с советской службой шпионажа, извещали они и о том, кого из нас противник активнее всего разрабатывал. Эти сведения были весьма полезны и учитывались в деятельности резидентуры. Несомненно также и то, что благодаря таким сообщениям «пятерки» советская разведка долгие годы работала в Англии без провалов.

За время моего пребывания в Великобритании сотрудники резидентуры сумели привлечь к сотрудничеству несколько новых агентов. Это были люди прогрессивных взглядов, честные, с большим уважением относящиеся к Советскому Союзу. Некоторые из них прямо называли советских солдат своими спасателями. Они считали, если бы не героическая стойкость Красной Армии, гитлеровские полчища высадились бы в Англии. Многие англичане ненавидели агрессивную политику США и американскую военщину. Однажды мне пришлось стать свидетелем такого инцидента. Я сел в лондонском аэропорту на самолет, вылетающий в Глазго. Вошла средних лет хорошо одетая англичанка и, увидев свободное место, спросила мужчину в форме майора: «Место свободно?» Майор с типичным американским произношением громко развязным тоном произнес: «Шюрли»⁹ – типичное американское слово. Дама, бросив короткий презрительный взгляд, прошла еще два ряда и опустилась на кресло рядом со мной. В дороге мы разговорились, и я поинтересовался, почему она не села с майором. Англичанка сказала, что по произнесенному им слову она поняла, что он – американец.

– Мне же, как и многим англичанам, американцы не нравятся, они ведут себя высокомерно, грубо, развязно, создали здесь много авиабаз и стараются втянуть нас в войну с вашей страной, – раздраженно закончила женщина.

Среди новых агентов преобладали молодые люди, которые не имели возможности добывать

⁹ Конечно (англ.).

важную секретную информацию, но в перспективе с нашей помощью могли устроиться на работу в нужные правительственные учреждения и на военные объекты и стать ценными источниками.

Самую важную секретную информацию по политическим, военным, разведывательно-контрразведывательным вопросам, в том числе копии протоколов заседаний британского кабинета министров, резидентура получала от «пятерки». Я иногда участвовал в обработке таких документов, особенно если они касались военно-технических проблем. Например, через мои руки прошел совершенно секретный доклад англо-американской военно-штабной группы. Она должна была установить наиболее благоприятное время начала возможных военных действий против Советского Союза. В докладе приводились подробные аналитические расчеты ученых, крупных специалистов по военным вопросам. Прогнозировался по годам ход демобилизации опытных военных кадров из различных родов войск Советской Армии, а также поступления в них новобранцев. Учитывалось, сколько военных заводов будет переведено на выпуск мирной продукции. По годам приводились расчеты по изменению количества и качества самолетов, танков, артиллерии и другой военной техники и снаряжения. Учитывалась динамика физического и морального состояния населения СССР и личного состава вооруженных сил с учетом трудной жизни в ходе четырех лет войны и в послевоенные годы, при этом прогнозировалась заболеваемость населения туберкулезом, раком, нервными, психическими, кишечными и другими недугами. До сих пор я помню вывод, содержащийся в этом докладе англо-американской штабной группы: «Наиболее благоприятным временем для начала войны против Советского Союза являются 1952–1953 годы».

В 1949 году резидентура впервые получила секретные материалы НАТО, имевшие гриф «космик». Это были стратегические планы по созданию военной инфраструктуры Североатлантического пакта в европейских странах. В них указывалось, где, когда и какие должны быть построены военно-морские базы, аэродромы, бензохранилища, различного рода склады для военного снаряжения и амуниции, стратегические дороги, мосты и многие другие военные объекты.

По линии научно-технической разведки главное внимание резидентуры направлялось на получение достоверной информации о ходе секретных работ в Англии и США в области создания и совершенствования ядерного оружия. По этой линии имелось несколько источников. Некоторые здравствуют до настоящего времени, и у меня по вполне понятным причинам нет никакого права обнародовать их имена. Одним из источников был доктор Клаус Фукс, передававший Советскому Союзу самую ценную секретную информацию. Он умер пять лет тому назад – в 1988 году. Я считаю, что Фукс совершил настоящий подвиг, заслуживающий подробного рассказа, чтобы о нем узнали правду как можно больше людей.

ОН РИСКОВАЛ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ

Дед и отец Клауса Фукса были известными германскими протестантскими религиозными деятелями. Отец, Эмиль Фукс, родился в 1874 году, прожил долгую жизнь – 97 лет, был также одним из всемирно известных руководителей движения квакеров¹⁰. После окончания богословского факультета в Германии он на несколько лет перебрался в Англию. Там в заселенных бедняками районах Манчестера читал проповеди немецким эмигрантам и английским пролетариям. Затем вернулся на родину, защитил диссертацию и получил ученую степень доктора богословия. В годы первой мировой войны Э. Фукс стал убежденным пацифистом. После ее окончания одним из первых среди немецких священнослужителей вступил в члены социал-демократической партии Германии.

Клаус Фукс родился 29 декабря 1911 г. в маленьком городе Рюсельсгейме, около Дармштадта (земля Гессен, ФРГ). Кроме него в семье росли сестры Елизавета и Кристель и брат Герхард.

В дом Клаусов часто приходили профсоюзные деятели, социал-демократы, которые вели с отцом жаркие споры о социализме, обсуждали произведения Маркса, Энгельса, Гегеля. Под влиянием этих бесед дети со временем стали приверженцами коммунистической идеи.

Выдающиеся способности Клауса проявились еще на школьной скамье. Он всегда считался первым учеником. В 1928 году, окончив школу, получил медаль, которую, однако, ему передали в частном порядке, а не на общем школьном собрании, так как руководство школы не одобряло связь его отца с социал-демократами.

В 1930–1931 годах Клаус учился в Лейпцигском университете, где вступил в члены социал-демократической партии Германии. Эти годы характеризовались острой борьбой прогрессивных сил против надвигающейся опасности нацизма.

В мае 1931 года Эмиль Фукс со всей своей семьей переехал в Киль, где получил место профессора богословия в Педагогической академии. Его лекции пользовались успехом у студентов и вызывали раздражение у нацистов. В это время все его дети, разочаровавшись в социал-демократах, вступают в коммунистическую партию Германии и ведут активную политическую работу.

¹⁰ Члены религиозной христианской общины, основанной в середине XVII века в Англии. Отвергают институт священников, церковные таинства, проповедуют пацифизм, занимаются благотворительностью. Общины квакеров распространены главным образом в США, Великобритании, странах Восточной Африки.

Используя провокационный поджог рейхстага, Гитлер 27 февраля 1933 г. захватывает всю полноту власти, и первое, что он делает, – запрещает компартии. Начались аресты и убийства коммунистов. КПГ ушла в подполье. Клаус узнал, что штурмовики Кильского университета приговорили его к смертной казни. В этой обстановке дети Эмиля Фукса покинули отчий дом. Через несколько дней гестаповцы пришли к Фукам, чтобы арестовать Клауса, но тот уже перешел на нелегальное положение.

Руководство КПГ приняло решение отправить молодых, способных членов партии, среди них Клауса Фукса, в эмиграцию. Ему было сказано: «Вы – молодой коммунист и должны получить высшее образование, потому что после свержения Гитлера будут нужны люди с хорошей технической подготовкой, которые потребуются для того, чтобы воссоздать новую Германию».

В июле Клаус приехал в Париж, а через несколько месяцев с помощью друзей отца, квакеров, без каких-либо средств перебрался в Англию как антифашистский беженец.

Сестру Клауса – Елизавету – арестовали вместе с мужем, но им удалось бежать в Чехословакию. Туда же перебрался его брат Герхард с супругой. В Праге он заболел туберкулезом, а позднее переехал в Швейцарию, где проживал до своей смерти в 1951 году. Младшая сестра – Кристель – с помощью квакеров уехала на постоянное жительство в США.

Приход фашистов к власти вынудил миллионы немцев покинуть Германию. Десятки тысяч беженцев прибыли в Англию. Среди них – много членов КПГ, которые и в эмиграции продолжали партийную деятельность. Британское правительство было осведомлено об этом. В то время дальновидные английские политики с опасением наблюдали за действиями Гитлера и поэтому поддерживали эмигрантов-антифашистов.

По ходатайству квакеров К. Фукса принял на жительство в Бристол известный промышленник, друг Советского Союза Рональд Ганн. Последний убедил известного ученого-физика Невилля Мотта, преподававшего в Бристольском университете, взять молодого немца-антифашиста в свою лабораторию в качестве аспиранта. Клаус работал у Мотта и проживал в семье Ганна три года. За это время он зарекомендовал себя скромным, трудолюбивым молодым физиком с блестящими способностями. В декабре 1936 года, в возрасте двадцати пяти лет, К. Фукс защитил докторскую диссертацию.

Мотт рекомендовал Фукса на работу в лабораторию профессора Макса Борна в Эдинбурге. Тот выхлопотал у руководства университета стипендию для Клауса и в июле 1937 года пригласил его к себе. Учитывая важность работ, выполняемых молодым ученым, Борн добился для него стипендии фонда Карнеги. В Эдинбургском университете Фукс совместно с профессором написал ряд статей по результатам их исследований.

Германо-советский пакт о ненападении в августе 1939 года вызвал заметное ухудшение англо-советских отношений. Ввод советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию, война с Финляндией – все это вызвало подозрение у Лондона в отношении намерений Москвы.

Резкие расхождения в оценке пакта имелись и среди немецкой эмиграции в Великобритании. Наблюдалось некоторое колебание по этому вопросу и у Фукса. Так, позднее он признал: «Советско-германский пакт было трудно понять, но я все же пришел к выводу, что СССР сделал это, чтобы выиграть время и лучше подготовиться к войне». Нападение фашистской Германии на СССР 22 июня 1941 г. окончательно рассеяло его сомнения, и он без каких-либо колебаний стал одобрять и поддерживать внешнюю политику Советского Союза.

Опасаясь вторжения гитлеровской армий в Великобританию, английское правительство изменило свое отношение к немецким эмигрантам-антифашистам. Повсюду в Англии немцы вызывались в специальные трибуналы, которые проводили их проверку. В ноябре 1939 года вызывался в такой суд в Эдинбурге и Фукс. В мае 1940 года его интернировали и заключили в лагерь на острове Мэн. Ученые Борн и Мотт ходатайствовали перед властями об освобождении Клауса, утверждая, что он является одним из двух-трех самых одаренных физиков молодого поколения и мог бы выполнять важную работу для обороны Великобритании. Но успеха это не имело.

Затем Фукс вместе с другими немецкими эмигрантами был направлен в Канаду. В лагере, созданном в районе города Квебек, условия для заключенных были тяжелыми. Они жили в старом паровозном депо. На семьсот двадцать человек там имелось пять кранов холодной воды. Благодаря настойчивым ходатайствам друзей-ученых и промышленника Ганна в конце декабря 1940 года Фукса все же освободили и направили обратно в Англию.

В 1939 году ученые многих стран, включая СССР, теоретически знали о возможности создания атомного заряда. Они понимали, что та страна, которая первой сконструирует такой заряд в виде транспортабельной бомбы, получит неоспоримые преимущества в начавшейся второй мировой войне. Англия, Германия, США, несколько позднее Советский Союз начали лихорадочную гонку в надежде на успех.

В начале 1940 года немецкие ученые-эмигранты Отто Фриш и Рудольф Пайерлс представили Генри Тизарду, научному советнику Черчилля, меморандум «О создании супербомбы, основанной на ядерной цепной реакции в уране». В нем авторы указывали, что лучшим способом создания ядерного взрыва является соединение на большой скорости двух полушарий из урана-235.

Вскоре английское правительство образовало сверхсекретный комитет под кодовым названием МАУД по изучению возможности производства урановой бомбы. В целях зашифровки программа стала называться «Тьюб аллой».

Летом 1940 года, когда Лондон и другие города Англии подвергались массированной бомбардировке немецкой авиацией, по инициативе английского правительства начались сотрудничество и обмен секретной информацией в области науки и техники с США. Англичане передали заокеанским союзникам ряд своих важных научных разработок по атомной бомбе и электронике.

В конце 1940 года Лондон принял решение о начале строительства завода по выделению урана-235 методом газовой диффузии, а также выделил средства профессору Р. Пайерлсу для развертывания работ по атомной бомбе в Бирмингемском университете.

В поисках новых научных сотрудников Пайерлс натолкнулся на Фукса, ознакомился с его научными трудами и рекомендациями Борна и Мотта и принял молодого ученого в свою лабораторию. Профессор знал, что Клаус был активным членом социалистической студенческой группы в Бристолле. Но он прежде всего видел в нем способного, быстро растущего ученого и не обращал внимания на его левые политические взгляды, считая, что со временем это пройдет. К тому же Пайерлс тоже был антифашистом, дружелюбно относился к СССР, куда он ездил дважды, и даже женился на советской гражданке.

Работая в Бирмингеме по программе «Тьюб аллой», Фукс решил несколько кардинальных математических задач, которые оказались крайне нужны для уточнения важных параметров урановой бомбы.

В июне 1942 года Фукса приняли в английское подданство и стали привлекать к более секретным работам. Пайерлсу и ему поручили вести наблюдение за работами в Германии по атомной бомбе. Им передавались для анализа не только открытые публикации, но и совершенно секретные материалы, полученные «Сикрет интеллидженс сервис» от своих немецких агентов. Во время войны ценным английским источником был немецкий ученый Пауль Росбауд, который регулярно передавал СИС информацию о ходе работ по созданию бомбы и ракет в Германии.

Как утверждают его коллеги, Фукс, имея феноменальную память, глубокие знания ядерной проблемы и немецкой научной терминологии, являлся идеальным аналитиком. На основе представленных ему материалов он составил ясные, убедительные анализы и пришел к выводу, что работы в Германии по созданию атомного заряда ведутся в ошибочном направлении и что немцы успеха не добьются.

Выполнение секретных поручений СИС значительно укрепило доверие к Фуксу со стороны английской службы безопасности.

В Англии Фукс продолжал вращаться в кругу лево-настроенных студентов, ученых-антинацистов и друзей Советского Союза. Поздней осенью 1941 года с помощью надежного друга он по собственной инициативе установил контакт с советским разведчиком и рассказал, что участвует в сверхсекретной англо-американской программе, которая должна привести к созданию нового сверхмощного оружия. Ученый заявил, что хотел бы передать информацию об этом в Москву, поскольку западные союзники держат ее в строгом секрете от СССР. После этого с Фуксом была установлена конспиративная связь через агента советской военной разведки Урсулу Кучинскую, немку по происхождению ¹¹.

В 1942 и 1943 годах Клаус встречался с Урсулой один раз в три-четыре месяца и передавал ей секретные материалы о создании урановой бомбы в Англии.

Нужно отметить, что в это время уже существовало англо-советское соглашение, согласно которому Великобритания должна была предоставлять СССР важную секретную военную и научно-техническую информацию. Но англичане с этим не торопились и ни словом не обмолвились о их работах по созданию атомного заряда.

С конца 1940 года Англия и США начали обмен информацией по теоретическим проблемам создания ядерного оружия. Однако первое время это сотрудничество не ладилось, так как Вашингтон не хотел видеть в Лондоне равного партнера в создании первой атомной бомбы и не допускал английских ученых в ядерный центр в Лос-Аламосе.

Только 19 августа 1943 г. на встрече в Квебеке Рузвельт и Черчилль подписали секретное соглашение относительно работ по атомной энергии. Оно содержало такие пункты:

- Великобритания и США не будут использовать атомную бомбу друг против друга;
- США и Великобритания применяют атомный заряд только с обоюдного согласия;
- обе державы не будут сообщать какую-либо информацию по атомной бомбе третьим странам.

И это несмотря на то, что еще в 1942 году Великобритания и Советский Союз заключили соглашение об обмене секретной военной и технической информацией. Исключение было сделано только для Канады с явно меркантильной целью: она располагала большими запасами урановой руды, которой очень не хватало Лондону и Вашингтону.

Следует отметить, что британское правительство охотно согласилось с тем, чтобы центр по созданию атомной бомбы находился в США, учитывая, что производить ядерное оружие на ее территории было опасно, ввиду того что над островом реально нависла угроза массированных бомбардировок гитлеровскими ВВС. К тому же в то время Англия не могла выделять для создания

¹¹ В 1942–1943 годах с Фуксом работала разведка Наркомата обороны СССР. Затем связь с ним поддерживала внешняя разведка НКГБ – МГБ СССР. – Прим. авт.

атомного оружия большие материальные и людские ресурсы.

По решению правительства США атомный центр, где должна в спешном порядке создаваться бомба, был построен летом 1942 года в пустынных просторах штата Нью-Мексико в маленьком городке Лос-Аламосе.

Выдающийся американский физик Роберт Оппенгеймер, руководитель работ, высоко оценивший теоретические труды К. Фукса, просил включить его в состав английской научной миссии, выехавшей в конце 1943 года в США для оказания помощи американцам.

До отъезда переданная Клаусом информация, за некоторым исключением, была известна советским ученым по результатам их собственных исследований. Пожалуй, самое ценное в сведениях Фукса было то, что в них доказательно утверждалось: работы по этой проблеме в гитлеровской Германии зашли в тупик и что США и Англия уже строят промышленные объекты, где будут производить ядерные заряды. Тем самым весомо подкреплялись рекомендации наших крупнейших физиков и математиков Сталину о том, что СССР должен срочно приступить к созданию своей атомной бомбы.

В декабре 1943 года Фукс в составе английской миссии прибыл в США, чтобы участвовать в проекте «Манхэттен» (кодированное название американской программы по созданию атомной бомбы).

Руководство советской разведки понимало, что прибытие агента в Лос-Аламос значительно расширит его возможности по добыче самых важных секретных материалов о ходе создания атомного оружия. Но было также ясно и то, что поддержание конспиративной связи с источником, занятым на сверхтайных работах, будет сопряжено со значительными трудностями.

Поэтому Центр принял решение поручить связь с Фуксом агенту «Раймонду», американскому гражданину Гарри Голду. В таком случае кадровые разведчики – советские граждане, действовавшие в США под прикрытием консульства и других советских учреждений и постоянно находившихся под наблюдением службы контршпионажа Вашингтона, – отводились от поддержания непосредственных личных контактов с ценнейшим источником.

Проживая в Нью-Йорке, Фукс работал по заданию корпорации «Кэллекс», которая считалась главным подрядчиком по строительству завода в Окридже, на котором предполагалось производить методом газовой диффузии уран-235. Он был участником важных совещаний американских и английских ученых, на которых обсуждались различные проблемы создания «бэйби» или «штучки» – так называли между собой ученые атомную бомбу. Он также получил пропуск на объекты проекта «Манхэттен».

В первых числах февраля 1944 года «Раймонд» установил связь с Фуксом и стал получать от него информацию о ходе строительства завода в Окридже и материалы о научно-исследовательских работах, подготовленных членами английской миссии. Агент в течение пяти месяцев регулярно встречался с Клаусом в различных районах Нью-Йорка. Полученные от источника материалы он передавал Яцкову.

Затем Фукс перестал выходить на обусловленные встречи. Естественно, внезапный перерыв в связи с таким ценным источником вызвал большое беспокойство за его судьбу в резидентуре и в Центре. Мы передумали обо всем – болезнь, несчастный случай, длительная командировка, а может быть, и, не дай Бог, провал и арест.

Много времени ушло на то, чтобы установить, что Фукс уехал из Нью-Йорка, причем внезапно и неизвестно куда. Было решено поручить «Раймонду» посетить сестру источника Кристель, проживавшую в Кембридже, около Бостона, и выяснить хоть что-то у нее. Первый приезд агента оказался неудачным – Кристель он не застал. Однако в разговоре с хозяйкой дома выяснил: квартирантка отправилась с семьей отдыхать.

Во второй приезд Голд побеседовал с Кристель и узнал, что ее брат уехал куда-то на юго-запад, но его адреса она не имеет. Тогда, как было заранее предусмотрено, Голд передал Кристель запечатанный конверт и просил передать его Клаусу, если он приедет к ней. В конверте находилась записка, в которой была просьба, чтобы Клаус позвонил по указанному там телефону в определенное время. Такой звонок означал, что на следующий день к нему приедет «Раймонд».

Кристель сообщила, что, по ее мнению, брат должен навестить ее на Рождество, так как очень любит ее детей и ему доставляет удовольствие делать им подарки.

В рождественские дни сигнала от Фукса не поступило. Он дал знать о себе только в январе 1945 года.

Мы разыскивали своего бесценного источника, а он с середины августа сорок четвертого находился в самом (Секретном атомном центре в Лос-Аламосе, строжайше охраняемом двумя службами контршпионажа – военной контрразведкой и ФБР. В центре насчитывалось сорок пять тысяч гражданских лиц и несколько тысяч военнослужащих.

Проникнуть в святую святых американских секретных работ периода второй мировой войны было сокровенной мечтой советской разведки. Теперь эта заветная цель могла стать реальностью.

Два фактора позволили Фуксу попасть в Лос-Аламос. Это безукоризненное поведение и его гениальные способности. Он не давал контрразведчикам, постоянно следившим за ним, какого-либо повода заподозрить его в чем-либо предосудительном.

В Лос-Аламосе над созданием атомного оружия трудились двенадцать нобелевских лауреатов из США и западноевропейских стран. Даже в сравнении с ними Фукса считали выдающимся ученым и ему поручали решение важных физико-математических задач. Ханс Бете, глава теоретического отдела в Лос-Аламосе, так характеризовал своего земляка: «Он один из наиболее ценных людей моего отдела.

Скромный, способный, трудолюбивый, блестящий ученый, внесший большой вклад в успех программы „Манхэттен“».

Встреча с «Раймондом» состоялась в январе 1945 года на квартире Кристель, в ее отсутствие. Дверь агенту открыла прислуга, но сразу подошел Фукс и пригласил гостя в комнату. Они беседовали около двадцати минут.

Клаус рассказал о содержании своей работы. Подчеркнул, что руководители и коллеги относятся к нему хорошо. Сообщил, что создание урановой бомбы близится к завершению и одновременно успешно идут работы по созданию плутониевой бомбы. По всем этим вопросам он передал обстоятельную письменную информацию с необходимыми математическими расчетами, чертежами и указанием размеров «штучки».

Голд вручил Фуксу рождественский подарок, а также в вежливой форме спросил ученого, не нуждается ли он или его сестра в средствах. У Голда для этой цели были подготовлены в конверте полторы тысячи долларов. Клаус решительно отказался от денег и просил не продолжать об этом разговор.

При обсуждении условий очередной встречи выяснилось, что в течение года Фукс не сможет выехать из района атомного центра. Условились, что следующее randevu состоится в июне в городе Санта-Фе, недалеко от Лос-Аламоса. Ученый взял свой план, указал на нем рекомендуемое место встречи и вместе с ним передал Голду расписание движения местных автобусов.

На состоявшейся встрече в июне Фукс прежде всего выразил радость по поводу разгрома фашизма, который принес так много горя народам многих стран, особенно народам Советского Союза. Он заверил, что будет продолжать свою помощь СССР, перед которым человечество находится в неоплатном долгу, и передал письменную информацию о завершающейся стадии работ по созданию урановой и плутониевой бомб и взрывным устройствам к ним. Очень важным было сообщение о предстоящем испытании на полигоне в Аламогордо плутониевой бомбы в середине июня. Ожидалось, что мощность взрыва составит около десяти тысяч тонн тринитротолуола.

В то время как Красная Армия с боями продвигалась к Берлину, а американские и английские войска вели наступательные действия в Западной Германии, политики и руководители Пентагона торопили ядерщиков закончить создание атомных бомб, с тем чтобы испытать их, пока еще не кончилась война. С самого начала планировалось применить атомные бомбы против Японии, что и было сделано в августе 1945 года.

Вторая встреча в Санта-Фе состоялась 19 сентября 1945 г., когда вторая мировая война была уже закончена. Германия и Япония капитулировали, Хиросима и Нагасаки лежали в руинах после взрывов ядерных зарядов. Учитывая сложную обстановку в небольшом городке Санта-Фе, где многие жители знали друг друга в лицо и где активно действовали службы контршпионажа, беседа Фукса и Голда проходила в автомашине ученого во время езды по известным ему окраинным дорогам и была непродолжительной.

Фукс рассказал, что 16 июня присутствовал при испытании первой атомной бомбы. После яркой ослепительной вспышки и взрыва, по его словам, небо над полигоном покрылось бело-багровым клубящимся пламенем.

От источника были получены письменное сообщение о дальнейших работах по совершенствованию производства плутониевой бомбы, а также данные о том, что США ежемесячно получают сто килограммов урана-235 и двадцать килограммов плутония. Цифры давали возможность советским ученым определить, сколько атомных бомб Соединенные Штаты могли производить в год. Однако на сей раз он не смог, как и прежде, ничего сообщить о технологии производства плутония.

В связи с тем, что вскоре ожидалось возвращение Фукса в Англию, ему передали условия явки с представителем советской разведки в Лондоне.

Это была последняя встреча с Фуксом в США.

Еще когда создание первой атомной бомбы не было завершено, некоторые ученые в Лос-Аламосе предлагали поделиться атомными секретами с Советским Союзом. В частности, с таким предложением к Рузвельту и Черчиллю письменно обратился лауреат Нобелевской премии Нильс Бор. Но его резко отчитали. Возможно, что такие настроения среди атомщиков еще больше побуждали мужественного Клауса Фукса тайно оказывать СССР как можно большую помощь.

Под давлением существовавшего среди ученых мнения об установлении международного контроля над атомным оружием в 1944 году американское правительство сочло необходимым подготовить и опубликовать отдельной книгой доклад о создании атомной бомбы в США. Часть этого доклада писали ученые Лос-Аламоса. Однако Пентагон подверг ее суровой редакции, и многое из написанного не увидело свет под предлогом секретности. В предисловии сообщалось: «В этом докладе не раскрываются военные секреты, касающиеся производства атомного оружия».

Доклад представили на одобрение Р. Оппенгеймеру, но он отказался поставить свою подпись под ним. По его мнению, документ носил «однобокий и вводящий в заблуждение» характер. Иными словами, в нем содержалась дезинформация, чтобы направить ученых других стран, и конечно в первую очередь СССР, при создании атомной бомбы по ложному пути.

Тем не менее 12 августа 1945 г. доклад был опубликован под названием «Атомная энергия для военных целей. Официальный доклад о создании атомной бомбы под руководством правительства Соединенных Штатов, 1940–1945 годы». Осенью директора атомного центра в Лос-Аламосе Р.

Оппенгеймера заменил Норис Брэдбери. Многие американские и английские ученые ушли из Лос-Аламоса и возвратились на службу в частные компании.

По просьбе нового директора Фукс продолжал работать в атомном центре. Он занимался анализом взрывов атомных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, писал подробный отчет о том, как создавались первые ядерные заряды. В Лос-Аламосе тогда регулярно проводились семинары и коллоквиумы по вопросам возможного создания нового ядерного оружия, водородной бомбы. Фукс принимал участие почти во всех научных дискуссиях. Он планировал закончить свои дела в атомном центре и в феврале 1946 года возвратиться в Англию. Но новый директор Лос-Аламоса попросил главу английской научной миссии лорда Чадвика, чтобы ученый продолжил у него работу до июня. Чадвик согласился. Фукс был нужен американцам, чтобы помочь им составить программу исследований при проведении взрывов атомных бомб против военных кораблей в районе атолла Бикини (Маршалловы острова в Тихом океане).

Н. Брэдбери писал лорду Чадвику, что американцы нуждаются в услугах Фукса до завершения военно-морских испытаний, в частности им необходимы его советы по теории создания новых образцов ядерного оружия и другим вопросам, по которым им не хватает специалистов-теоретиков.

Фукс покинул Лос-Аламос в середине июня 1946 года и направился в Вашингтон для беседы с лордом Чадвиком. Он навестил сестру Кристель в Кембридже, затем вылетел на военном бомбардировщике из Монреаля в Англию.

Английское правительство за несколько месяцев до окончания войны решило приступить к созданию своего атомного оружия. Летом 1945 года премьер-министр Клемент Эттли создал сверхсекретный комитет «ГЕН-75» по планированию и строительству объектов для производства атомных бомб. Эттли считал, что если бы Англия отказалась от производства собственного ядерного оружия, то попала бы целиком в зависимость от Вашингтона.

Программа Эттли носила весьма широкий характер. На ее реализацию он выделил сто миллионов фунтов стерлингов, не поставив в известность парламент. Предусматривалось создание научно-исследовательского атомного центра в Харуэлле, реакторов и химического завода по производству плутония в Уиндсейле, завода по получению урана-235 в Капенхерсте, арсенала в Алдермастоне, предназначавшегося для конструирования и сборки атомного оружия. Харуэлл, находящийся недалеко от Оксфорда, замышлялся как главный научный и административный центр всей атомной программы Великобритании.

Английское правительство поставило конкретную цель – изготовить плутониевую бомбу в 1952 году.

Следует отметить, что США, как только у них появилось атомное оружие, добивались монопольного права обладать им и лишить другие страны, в первую очередь СССР, возможности использовать атомную энергию по своему усмотрению. С этой целью они стали продвигать через ООН принятие «плана Баруха», закреплявшего за Вашингтоном единоличное владение атомным оружием.

США оказывали давление и на Англию, чтобы она отказалась от производства своей атомной бомбы. Первоначально американцы отказывались передать Лондону даже документацию о результатах научно-исследовательских работ, выполненных английскими учеными в Лос-Аламосе. Вашингтон добивался также пересмотра Квебекского соглашения 1943 года. Некоторые члены конгресса США были потрясены, когда узнали, что согласно этому секретному документу «Соединенные Штаты не могли сбросить атомную бомбу на Москву без разрешения Англии».

В 1946–1947 годах сотрудничество между США и Англией в области атомных дел никак нельзя было назвать плодотворным. С целью выработки приемлемого соглашения в тот период несколько раз проводились переговоры между делегациями Вашингтона и Лондона, в работе которых обычно принимал участие Фукс. Только 7 января 1948 г., наконец, было подписано краткосрочное соглашение, которое заменило Квебекское. По нему Англия отказывалась от права вето на американское применение атомных бомб, разрешила США приобретать до двух третей урана, добываемого в Бельгийском Конго и Южной Африке в 1948–1949 годах. В обмен США обязались предоставить Англии дополнительную информацию по реакторам, производству плутония и методам обнаружения ядерных взрывов.

В 1949 году начались очередные переговоры об англо-американском сотрудничестве, ибо временное соглашение истекло 31 декабря 1948 г.

Администрация президента Трумэна под абсурдно надуманным предлогом, что Советский Союз может оккупировать Англию и захватить атомные секреты, возвратилась к идее, по которой атомное оружие должно производиться только в США. Взамен Соединенные Штаты предлагали для защиты Англии от угрозы со стороны СССР разместить на ее территории несколько готовых атомных бомб и самолетов для их доставки и сбрасывания на советские города.

Осенью 1949 года позиции сторон на переговорах оказались следующими. Великобритания будет продолжать работы по созданию своей атомной бомбы, сотрудничать в проведении испытаний ядерного оружия, поставлять плутоний для производства боевых головок в США и позволит разместить около двадцати американских атомных бомб на территории Великобритании. Американцы, со своей стороны, хотели контролировать производство плутония и всей атомной программы Великобритании.

Но произошло событие, которое прервало переговоры.

В Англии Фукса назначили главой отдела теоретической физики Научно-исследовательского атомного центра в Харуэлле. Роберт Оппенгеймер, в то время директор Принстонского университета

фундаментальных исследований, приглашал его к себе на должность члена совета по научно-исследовательской работе, но Клаус отказался. В начале 1948 года профессор Р. Пайерлс писал директору центра в Харуэлле Дж. Кокрофту: «К. Фукс, вероятно, является первым кандидатом на должность заведующего кафедрой университета по математической физике, если откроется такая вакансия, ибо он один из немногих ученых, кто способен создать сильную школу по теоретической физике». Вскоре Пайерлс предложил кандидатуру Фукса для избрания в члены Королевского научного общества (Академии наук Великобритании). Дж. Кокрофт поддержал это предложение.

Прибыв в Англию, Фукс приступил к розыскам своего отца. Через общего знакомого, известного английского квакера К. Кэтчула, он направил письмо отцу. Сообщив, что жив-здоров, Клаус написал, что принимает меры, чтобы тот приехал к нему. Одновременно ученый обратился к английским властям разрешить отцу приехать в Англию. Власти задержали приезд Фукса-старшего на целый год.

Вскоре, правда, Клаусу удалось самому приехать в Германию в составе группы английских ученых, которые участвовали в допросе известного немецкого физика Отто Гана, интернированного оккупационными властями. Ган участвовал в работах по созданию атомной бомбы, которые велись в гитлеровской Германии. К. Фукса послали с этой группой еще и потому, что ранее по заданию «Сикрет интеллидженс сервис» он анализировал работу немцев по атомной проблеме.

Во время командировки Клаус впервые за десять лет встретился с отцом.

Осенью 1947 года Эмиль Фукс наконец получил британскую визу для поездки к сыну. Отец остановился в городе Абингдоне, недалеко от Харуэлла. Он прожил там около месяца. Изредка встречался с Клаусом, а большую часть времени посвящал чтению проповедей на собраниях квакеров в различных городах Англии. Затем возвратился в Западную Германию.

Руководство разведки МГБ СССР поручило проводить встречи с Клаусом Фуксом в Лондоне автору этих строк. Однако в атомных делах, к сожалению, я разбираюсь слабо. Для устранения этого пробела, который мог помешать работе с агентом, мой шеф прикрепил ко мне ученого-атомщика, под руководством которого я изучал устройство и технологию производства атомной бомбы, а также разобрал задания, по которым от Фукса планировалось получить информацию на первых встречах.

Еще перед поездкой в Англию меня принял начальник разведки генерал-лейтенант Савченко Сергей Романович. В обстоятельной беседе генерал особо подчеркнул чрезвычайную ценность К. Фукса, так как создание отечественной атомной бомбы является первоочередной задачей нашего государства. Поэтому все получаемые от него секретные материалы весьма важны для наших ученых. Вся работа с Фуксом глава разведслужбы рекомендовал строить с учетом пожеланий ученого, быть внимательным к нему и всегда помнить, что он является нашим идейным соратником. Превыше всего генерал ставил заботу о безопасности источника. Он строго наказал мне вступать в контакт с агентом только при полной уверенности, что ни за мной, ни за ним нет слежки противника. Не вдаваясь в детали, наш главный шеф предложил присутствовавшему на беседе начальнику отдела Л. Р. Квасникову и мне подойти с максимальной ответственностью к предстоящей работе с Фуксом, творчески разработать нешаблонные надежные способы взаимодействия с ним. Возобновление связи с Фуксом проходило в период, когда «холодная война» достигла максимальной интенсивности. В прессе, по радио и в кино проводилась разнузданная кампания шпиономании с целью прекращения контактов местных граждан с советскими представителями. Увеличивался численный состав служб контршпионажа в Англии и США, усиливались наблюдение за советскими учреждениями, слежка за их персоналом. Контрразведчики в Лондоне и Вашингтоне приступили к углубленной разработке своих граждан, на которых имелись хотя бы небольшие компрометирующие данные – зацепки.

В такое сложное, опасное время только беспредельная преданность Фукса, его огромное мужество и крепкие нервы позволили продолжить тайные встречи с представителем советской разведки и передачу секретных материалов.

В 1947–1949 годах я встречался с Клаусом раз в три-четыре месяца. Встречам предшествовала тщательная подготовка, а план каждой явки утверждался в Центре. Контакты по форме имели много общего: главное состояло в том, чтобы убедиться, что партнеры пришли на свидание без «хвоста». Во время беседы требовалось:

- обсудить обстановку вокруг ученого, чтобы выяснить его возможности и не упустить подозрительные моменты;
- получить от него устную информацию;
- дать задание по подготовке нужных материалов;
- побеседовать о международной обстановке и ответить на вопросы ученого;
- назначить очередную встречу и повторить условия запасных вариантов;
- принять принесенные материалы.

Однако по своему содержанию каждая встреча была не похожа одна на другую. У всех своя специфика – разные места и районы, методы проверки и так далее.

Из проведенных явок мне особенно запомнилась первая. Она планировалась в пивном баре в отдаленном от центра районе Лондона. Хотя район и место встречи были мною тщательно подобраны заблаговременно, я пришел туда за пятнадцать минут до назначенного часа, чтобы еще раз изучить обстановку. Ничего подозрительного не обнаружил. С противоположной стороны улицы стал ожидать появление Фукса. Он прибыл без опоздания и зашел в бар. Я понаблюдал три минуты, не последует ли кто за ним. Нет, никого. Тогда я сам зашел в бар и сразу увидел сидящего за стойкой человека,

читающего обусловленную газету. Перед ним стоял наполовину опорожненный стакан с пивом. Этот человек полностью соответствовал имевшимся внешнему описанию и фотографии Фукса. Я сел за стойку, заказал пиво и положил на стойку зафиксированный в условиях явки журнал так, чтобы его мог увидеть агент. В то же самое время я наблюдал за входной дверью. Ничего подозрительного не было. Правда, в бар вошли двое пожилых мужчин, видимо, здешние пенсионеры. Они поздоровались, как старые знакомые, с барменом, взяли пиво и пошли в другой зал, предназначенный для местных жителей.

Как было условлено, Фукс, держа в руке стакан с пивом, подошел к щиту с фотографиями известных английских боксеров. Там уже стояло несколько человек, обсуждавших достоинства спортсменов. Через несколько секунд к этой группе присоединился и я. В обсуждение вступил Фукс и согласно паролю произнес фразу:

– Брюс Вудкок самый лучший боксер Великобритании за все времена.

На это я заметил:

– Томми Фарр значительно лучше Брюса Вудкока. Это был отзыв.

Начались споры. Оставив беседовавших у щита, Фукс поставил стакан на стойку, поблагодарил бармена и вышел на улицу. За ним никто не последовал. Через минуту то же самое сделал я. Увидев на улице агента, двинулся за ним, догнал и, поздоровавшись, назвал его по имени. Затем представился ему «Юджином».

Деловая беседа прошла во время прогулки по малолюдным улицам. Выяснилось, что по своей инициативе Фукс принес важные материалы по технологии производства плутония, которые он не мог достать в США. Он рассказал, что в Харуэлле его приняли хорошо. Руководство с ним считается, и он в курсе всех работ по созданию английской «штучки».

Я попросил ученого ответить на несколько вопросов, что он охотно сделал. Выслушав, передал ему задание на листке бумаги с вопросами, по которым просил его подготовить информацию к следующей встрече. Клаус внимательно прочитал записку и возвратил ее, сказав, что сможет это выполнить.

Далее мы обусловили очередную встречу и систему запасных явок на случай, если агент не сможет прийти. Я опасался, что он перепутает время, дни, места обусловленных встреч, поэтому попросил его условными знаками пометить их в своей записной книжке. Однако Клаус ответил, что не хотел бы этого делать, он все хорошо запомнил. Чтобы убедиться в этом, я предложил повторить обусловленную систему встреч. Улыбнувшись, он повторил все без единой ошибки.

Выполняя наказ генерала Савченко, я рассказал агенту, каким образом ему следует проверяться, чтобы выяснить, ведется ли за ним слежка. Рекомендовал ему также не приходиться на встречу в случае малейшего подозрения, что за ним есть «хвост». Клаус ответил, что он полностью понимает необходимость рекомендации, и просил, чтобы я приходил на встречу тоже только «чистым». Здесь же мы договорились о способах взаимной проверки перед тем, как вступать в личный контакт.

– Я рад нашему разговору, – заметил Клаус, внимательно посмотрел мне в глаза и после небольшой паузы, улыбнувшись, спросил:

– Неужели ваш «бэйби» скоро появится на свет?

– О каком «бэйби» идет речь? – ответил я вопросом на вопрос.

– Я имею в виду советскую атомную бомбу. Судя по вашим устным и письменным вопросам, я понимаю, что через года два в СССР взорвут «штучку».

Я отказался комментировать высказывание Клауса, сославшись на свою некомпетентность и неосведомленность в этих вопросах.

Но он с заметной радостью продолжил:

– Я-то вижу, что дела у советских коллег продвигаются успешно. Никто из американских и английских ученых не ожидает, что Советский Союз создаст свою «штучку» ранее чем через шесть-восемь лет. Для этого у СССР, считают они, нет достаточного научного, технического и промышленного потенциала. Я очень рад, что они ошибаются.

Прощаясь, я взял у Фукса довольно пухлый пакет с материалами и поблагодарил его за помощь.

– Не нужно об этом говорить, – сказал Клаус, – ваш вечный должник.

Пожелав друг другу всего самого доброго, мы расстались.

Через полтора месяца Центр прислал оценку материалов Фукса о промышленном объекте в Уиндскейле по производству плутония. Полученные материалы, говорилось в ней, были очень ценны и позволяли сэкономить двести – двести пятьдесят миллионов рублей и сократить сроки освоения проблемы.

Последующие встречи с Клаусом проходили также напряженно, но спокойнее, чем первая. Это объяснялось тем, что мы уже достаточно познакомились друг с другом, тщательно проверялись перед тем, как вступать в контакт, надеялись один на другого.

Но «холодная война» разгоралась все сильнее, и, как однажды сказал Клаус, ее пламя уже проникло на территорию Харуэлла: оттуда уволили трех молодых сотрудников за прогрессивные взгляды. В беседах ученые избегали говорить что-либо одобрительное о Советском Союзе. В связи с этим я всегда подчеркивал, что на усиление активности контрразведывательных служб мы должны отвечать проявлением большей бдительности и конспиративности в работе. Вновь и вновь подчеркивал: когда у ученого возникает подозрение, что за ним ведется слежка, он ни в коем случае не должен

выходить на встречу.

Дважды Клаус пропускал очередную явку. Тогда все дни в ожидании запасной встречи превращались для меня в сплошные мучения. В голову лезли мысли о том, что с ним могли случиться самые невероятные вещи. А главное, меня не покидала мысль, что ученый за три-четыре месяца мог забыть или перепутать время, день и место нашего randevu. Появлялись сомнения, куда идти на свидание с ним, – по условиям запасной или основной встречи? Я всегда исходил из того, что у Клауса отличная память, он все запомнит правильно и отправится на место запасной встречи. И действительно, в точно назначенное время ученый приходил на явку.

К своей деятельности по оказанию помощи Советскому Союзу Фукс относился серьезно, с душой, проявлял инициативу. Он всегда старался полностью выполнять наши задания. Передавая информацию, часто говорил:

– Здесь то, что вы просили, и еще кое-что дополнительно, по-моему, нужное для ваших друзей.

Начиная с января 1948 года материалы Клауса получали в Центре самые высокие оценки.

Однажды, узнав об этом, агент сказал, что рад слышать такое мнение, а затем добавил:

– Я уверен, что советские товарищи, конечно же, смогут сделать атомную бомбу без посторонней помощи. Но передавая материалы, я хочу, чтобы мои московские коллеги не пошли по неверному пути и не потеряли драгоценное время. Я хочу, чтобы советское правительство сэкономило материальные средства и сократило срок создания ядерного оружия.

Запомнилась мне беседа с Фуксом на встрече в феврале 1949 года. Получив от источника материалы, я быстро передал их товарищу для дальнейшей доставки по назначению. Освободившись от секретных материалов, я, как было условлено, направился в небольшой парк, где планировалось провести беседу.

Был субботний полдень, стояла типичная для Лондона прохладная, пасмурная погода. Я и Клаус сели на лавочку и начали разговор. Перед нами на площадке бегали и играли дети, а их родители сидели на скамейках, разговаривали или читали газеты. Как обычно, я выяснил у агента обстановку в Харуэлле, отношение к нему руководителей; спросил, не замечает ли он за собой чего-либо подозрительного. Затем получил устную информацию от ученого по присланным из Москвы вопросам, дал задание по подготовке материалов к следующей встрече.

Когда обсуждение сугубо деловых вопросов было закончено, Клаус радостно произнес:

– Команда Курчатова на всех парах идет к цели. Это очень хорошо!

А затем взволнованно добавил:

– Из ваших вопросов совершенно ясно, что скоро советский «бэйби» подаст свой голос и его услышит весь мир. Это будет самой большой радостью в моей жизни. И не только в моей. Это станет радостным событием для всех прогрессивных людей. Политике атомного шантажа, проводимой американской администрацией, придет конец.

Голос его звучал громко, хотя обычно его речь была сдержанной и бесстрастной.

После краткого молчания я спросил Клауса: – Вам не надоело оставаться холостяком? Может быть, пора жениться, создать семью. Нам кажется, что тогда к вам будет больше доверия на службе. Вы сможете войти в самые уважаемые научные и светские круги, что, несомненно, будет способствовать дальнейшей карьере...

Серьезно, как бы выдавая свои сокровенные замыслы, ученый ответил:

– Я не один раз думал об этом. Отдаю себе ясный отчет, что, помогая Советскому Союзу, встречаясь с вами, я подвергаю себя большой опасности. Можно сказать, что я хожу по полю, усеянному минами. Один неверный шаг, малейшая ошибка в нашей с вами работе будут иметь для меня роковые последствия. Сам лично я готов к этому. Но, честно говоря, не хочу, чтобы из-за меня страдали жена, дети.

Наступило молчание, затем Клаус продолжил:

– Главное же, в мои планы не входит создание семьи в Англии.

– Что это за планы? – поинтересовался я. Ученый твердо ответил:

– Я хотел бы помогать Советскому Союзу до тех пор, пока он не создаст и не испытает свою атомную бомбу. После этого возвращусь домой, в Восточную Германию. У меня там есть друзья. Там я женюсь и буду спокойно работать. Это моя самая заветная мечта.

Я заметил, что это очень благородное намерение, выразил надежду и уверенность, что так оно и будет.

Далее Клаус рассказал, что отец его проживает в Западной Германии и сам зарабатывает себе на жизнь. Его брат Герхард болен и лечится в Швейцарии. Ему он иногда помогает.

Руководство разведки давно дало разрешение, что если возникнет необходимость, то Фуксу можно выдать вознаграждение. Оно предупреждало, что это нужно сделать деликатно, чтобы не обидеть ученого.

Чувствуя, что между нами состоялся дружеский и откровенный разговор, я попросил Клауса принять от меня конверт. Не как ценность, а как символ благодарности и уважения к нему.

Взглянув мельком на меня и взяв пакет, он заметил:

– Хотя я в этом не нуждаюсь, но принимаю его в знак благодарности и любви к героическому советскому народу. Я сегодня же перешлю часть денег моему больному брату, который во время войны сидел в нацистском концлагере.

На этом наша беседа закончилась. Мы дошли до выхода из парка, пожелали друг другу всего хорошего в жизни и расстались.

После этого у меня состоялась еще одна короткая, как обычно продуктивная, встреча с Фуксом, а потом он перестал выходить на связь.

С осени 1947 года по май 1949-го агент передал нам объемную и весьма подробную письменную информацию. Вот наименования только некоторых из этих материалов:

- детальные данные о реакторах и химическом заводе по производству плутония в Уидскейле;
- сравнительный анализ работы урановых котлов с воздушным и водяным охлаждением;
- планы строительства завода по разделению изотопов;
- принципиальная схема водородной бомбы и теоретические данные по ее созданию, которые были разработаны учеными США и Англии в сорок восьмом году;
- результат испытаний американцами ураново-плутониевой бомбы в районе атолла Эниветок;
- справка о состоянии англо-американского сотрудничества в области производства атомного оружия.

Взрыв советской плутониевой бомбы 29 августа 1949 г. потряс весь мир, в котором и без того происходили большие политические катаклизмы. В Китае победоносно завершилась народно-освободительная война. Рушилась британская империя. Усиление военно-экономического потенциала Советского Союза с появлением у него атомного оружия придавало еще большую уверенность прогрессивным силам во многих странах. Ведь взрыв советского атомного заряда означал конец монополии США на ядерное оружие и расстраивал их планы превентивной войны против СССР.

Академик Игорь Васильевич Курчатов, руководивший всеми работами по созданию и испытанию первой бомбы, прислал начальнику разведки письмо, в котором, в частности, писал: «Разведка оказала неоценимую помощь в создании советского атомного оружия». О том, что разведслужбы МГБ и Министерства обороны внесли свой вклад в создание атомной бомбы, советские ученые начали говорить только в последние три-четыре года. При этом они отмечали, что информация поступала от нескольких источников, но секретные материалы Клауса Фукса были наиболее ценными, так как отличались научностью, содержательностью, убедительностью и систематичностью. Кроме того, они прошли апробацию на практике. Добавим: академик Ю. Б. Харитон в декабре 1992 года публично заявил, что советский народ должен благодарить Фукса за ценнейшую информацию, с учетом которой и была создана в СССР первая атомная бомба.

После взрыва советского ядерного заряда состоялись экстренные секретные заседания кабинетов Трумэна в США и Эттли в Англии, на которых обсуждались военно-политические аспекты этого события, а также то, какие коррективы необходимо внести во внешнеполитическую деятельность Вашингтона и Лондона. На этих заседаниях обсуждались вопросы, каким образом Советский Союз, истощенный войной, так быстро создал атомное оружие и почему о его предстоящем испытании американские и английские лидеры заблаговременно не получили сведений от своих разведок.

Неожиданно быстрое появление советской атомной бомбы вызвало в правительственных кругах США и Англии предположение, что советские агенты выкрали у них ядерные секреты. Исходя из того, что первый заряд готовили в Лос-Аламосе, они пришли к выводу, что секреты Советам могли передать лица, работавшие там.

Чувствуя свою вину за утечку атомных секретов, спецслужбы США развернули бешеную деятельность по выявлению советских шпионов. Активной проверке подверглись подозреваемые лица из числа работавших в Лос-Аламосе или приезжавших туда. Тщательному повторному анализу подвергались старые дела и материалы на лиц, подозревавшихся в шпионаже в пользу СССР.

В ФБР тщательно проанализировали и материалы дела на Фукса, которое было заведено во время его нахождения в США. Следует признать, что за ним у служб контршпионажа Лондона и Вашингтона к тому времени накопилось немало «грехов». В частности, им было известно, что:

- Фукс был человеком левых убеждений и в студенческие годы состоял в компартии Германии;
- во время работы в Бристоле и Бирмингеме в 1940–1941 годах он в кругу своих друзей доброжелательно высказывался об СССР;
- в архивах гестапо, захваченных спецслужбами США и Англии после разгрома гитлеровской Германии, в списке под № 210 числился Клаус Фукс. Эти списки направлялись в подразделения СС на советском фронте. Около фамилии Фукса имелась пометка: «Доставить в Германию, если он будет найден в Советском Союзе»;
- в сентябре 1945 года шифровальщик советского военного атташе в Оттаве И. Гузенко стал предателем, перебежал к канадцам и передал им секретные документы; в одном из документов упоминались Клаус Фукс и его сестра Кристель, проживавшая в Кембридже, около Бостона;
- в американской прессе сообщалось, что некоторые советские представители в Комиссии ООН по атомной энергии, обсуждавшей вопрос запрещения атомной бомбы, в неофициальных беседах со своими коллегами, к удивлению последних, использовали специальные термины, которые могли быть известны только из секретных американских документов; по мнению контрразведчиков Вашингтона, утечка информации могла исходить от ряда ученых, работавших в Лос-Аламосе; среди них значился и Фукс.

После предательства Гузенко ФБР в 1946 году начало разработку Кристель, контрразведчикам удалось установить, что к ней в сорок пятом году три раза приходил неизвестный американец. В первом

случае Кристель на месте не оказалось, и американец интересовался у владелицы дома, когда к Кристель придет ее брат. В другой раз дверь незнакомцу открывала домработница. Сотрудники ФБР получили от нее описание наружности приходившего к Кристель американца, который интересовался Фуксом. Им, как читатель, вероятно, помнит, был советский агент «Раймонд».

В 1947 году, когда с «Раймондом» не было связи, Елизавета Бентли, работавшая также на советскую разведку и изменившая ей, дала показания о том, что Голд был «шпионом Москвы». Его привлекали к суду по обвинению в шпионаже по делу, не относящемуся к Фуксу. Ввиду отсутствия достаточных улик он был освобожден. Тем не менее ФБР продолжало держать его в поле зрения. В 1948 году Голд снова вызывался на беседу в контрразведку.

После взрыва советской бомбы сотрудники ФБР в поисках лиц, причастных к утечке атомных секретов, снова стали изучать дело Голда. Они обратили внимание на то, что внешние черты Голда схожи с описанием личности неизвестного американца, трижды приходившего в сорок пятом году к сестре Фукса.

Контрразведчики снова вызвали Голда. Они спрашивали его, почему он приезжал к Кристель и знает ли ее брата – Клауса Фукса, не встречался ли он с ним. Голд на все эти вопросы дал отрицательные ответы.

Продолжая расследование, сотрудники ФБР провели негласный обыск его квартиры и в числе прочих вещей нашли план Санта-Фе, на котором карандашом было помечено место встречи. Тот самый план, который Фукс передал Голду на квартире своей сестры Кристель. Остальное было делом техники: на плане обнаружили отпечатки пальцев Голда и Фукса.

На очередном допросе, используя неопровержимые улики, сотрудники ФБР усилили нажим на Голда. Он растерялся и, вообразив, что контрразведка уже все знает о нем, дал полные показания о его работе на советскую разведку, в том числе и встречах с Клаусом Фуксом в Нью-Йорке и Санта-Фе.

После десятилетнего заключения Голд мог ходатайствовать о помиловании и выйти на свободу. Однако он отказался это сделать. Вместо этого по его просьбе ему были предоставлены жилье и работа на территории тюрьмы. Голд боялся за свою жизнь на свободе, опасаясь, что советская разведка уничтожит его за предательство. Это свидетельствует, что сама судьба рассчиталась с ним, лишив его разума.

Директор ФБР Э. Гувер доложил президенту Трумэну, что его сотрудники выявили источник утечки атомных секретов в Москву: им являлся английский ученый Клаус Фукс, который во время его работы в США передавал секретные материалы Советскому Союзу.

Э. Гувер затем сообщил начальнику английской контрразведки МИ-5 полученные данные о шпионаже Клауса Фукса в пользу СССР.

По получении данных от ФБР в первых числах сентября 1949 года английская контрразведка взяла Фукса в интенсивную разработку, которую он почувствовал, и решил не выходить на встречи со мною. Ученого перестали включать в состав английской делегации по переговорам с американцами о сотрудничестве в области атомной энергии.

Директор атомного центра в Харуэлле Дж. Кокрофт был потрясен, когда узнал, что Фукс подозревается в шпионаже. В сентябре премьер-министр Эттли дал указание приступить к допросу Фукса.

Продолжая вести пристальное наблюдение за ученым, МИ-5 запросила от ФБР материалы, которые можно было бы предъявить Фуксу во время допроса как доказательство его шпионажа в пользу СССР. Через некоторое время американцы представили своим британским коллегам:

– расшифрованную телеграмму, отправленную в Москву советским генеральным консульством в Нью-Йорке, в которой сообщалось о встрече Голда с Фуксом на квартире Кристель в январе 1945 года¹² ;

– план Санта-Фе с пометкой места встречи и отпечатками пальцев Фукса и Голда;
– несколько фотографий Голда;
– короткометражный фильм, на котором заснят Голд под различным ракурсом во время прогулок по улицам.

Начало допроса Фукса было ускорено еще одним непредвиденным событием. В первых числах октября Клаус узнал, что его отец переехал из Западной Германии на постоянное жительство в Лейпциг (Восточная Германия), где ему предложили должность профессора в университете. После недолгого размышления Фукс-младший доложил об этом начальнику службы безопасности атомного центра в Харуэлле Г. Арнольду и спросил, что, может быть, в связи с этим ему следует подать заявление об уходе с работы. При этом Клаус полагал, что такой шаг приведет к исполнению его мечты – переезду в Восточную Германию. К сожалению, все случилось по-другому. Бдительный страж безопасности сообщил о своем разговоре с ученым руководству МИ-5. Шефы контрразведки не упустили благоприятный случай и приступили к беседам – а это были настоящие допросы – с Фуксом. Их вел

¹² На самом деле телеграмма была фальшивкой. Ее составили в ФБР, чтобы скрыть истинного виновника провала Фукса, то есть Голда. В действительности американцы так и не смогли читать советские дипломатические шифртелеграммы. – Прим. авт.

руководящий сотрудник, известный специалист по работе против Советского Союза Уильям Скардон.

На первой же беседе Скардон заявил Фуксу: он подозревается в передаче секретной информации Советскому Союзу. Фукс отрицал это. Скардон предъявлял обвинения ученому в передаче секретных материалов СССР и на последующих встречах. Фукс продолжал все отрицать и поднимал вопрос о том, что, может быть, ему следует из-за своего отца уйти с работы в Харуэлле.

Тогда на дальнейших допросах Клаусу Фуксу предъявили уличающие его вещественные доказательства, полученные от ФБР: расшифрованную телеграмму о его встрече с Голдом, план Санта-Фе, фотографии Голда и фильм. При этом Скардон настойчиво утверждал, что человек, изображенный на фотографиях, был тем лицом, которому Фукс передавал секретные материалы в США. Но Клаус продолжал все отрицать.

Во время допросов Фукс не отстранялся от работы в Харуэлле. Видимо, это делалось преднамеренно, чтобы окружающие его коллеги давили на его психику. Многие сотрудники Харуэллы тогда уже знали, что глава отдела теоретической физики подозревается в шпионаже и его допрашивают контрразведчики.

Надо признать, расчет опытных английских следователей оказался правильным. Позднее, уже находясь в ГДР, сам Фукс скажет: он сделал роковую ошибку, когда на прямой вопрос своего друга, заместителя директора атомного центра Скиннера, дал невразумительный ответ, из которого можно было сделать вывод о его, Фукса, сотрудничестве с советской разведкой.

Свою ошибку агент объяснил тем, что под влиянием допросов и предъявляемых улик он находился в шоковом состоянии. Кроме того, как рассказал сам Фукс, в ходе допросов он пришел к выводу, что Голд выдал его. Об этом свидетельствовал не только предъявленный план Санта-Фе, который он передал Голду, но и показанные ему фотографии и фильм. На некоторых снимках Голд был сосредоточенным, напряженно думающим. По мнению Фукса, эти фото сделаны до предательства. На других же фотографиях он выглядел расслабленным, спокойным, довольным, что, по мнению ученого, означало, что эти снимки появились уже после того, как он во всем признался ФБР.

Находясь в крайне тяжелом психическом состоянии и твердо считая, что Голд его выдал, Фукс после мучительных колебаний решил признаться.

На встрече со Скардоном 13 января 1950 г. Фукс заявил, что он передавал Советскому Союзу секретные материалы по атомной бомбе. Затем он рассказал, каким образом и что именно за материалы вручил советской разведке в 1942–1943 годах в Англии, 1944–1945 годах в США и в 1947–1949 годах снова в Англии. Фукс показал, что секретную информацию он передавал лицам, подлинные имена которых ему были неизвестны. В Соединенных Штатах он вручал материалы человеку, которого опознал на одной из показанных ему фотографий. Называл его «Раймондом». По внешнему описанию, сообщенному Фуксом, английская контрразведка определила, что в 1942–1943 годах он передавал секретные материалы Урсуле Кучинской. Кто с ним поддерживал контакт в 1947–1949 годах, МИ-5 установить не удалось.

После письменного признания 2 февраля 1950 г. Клауса Фукса арестовали.

3 февраля в лондонском городском суде в присутствии нескольких человек прокурор Хэмфрис предъявил Фуксу обвинение в том, что между 1943 и 1947 годами он по крайней мере четыре раза передал неизвестному лицу информацию, касающуюся секретных атомных исследований, которая могла быть полезной противнику. В своей речи служитель закона сделал обзор жизненной деятельности ученого. Он отметил, что Фукс был одним из самых блестящих физиков-теоретиков нашего времени и в силу этого привлекался к самым секретным работам по созданию атомной бомбы. На своих руководителей производил впечатление тем, что строго соблюдал все правила безопасности. Но оказалось, что в душе он был безраздельно предан коммунизму. Он систематически в течение долгого времени передавал Советскому Союзу секретную информацию самой высокой ценности. По словам прокурора, преднамеренное предательство Фукс совершал не ради денег, а потому, что был предан идеям коммунизма.

Прокуратура передала дело Фукса в суд.

Дело Фукса, словно атомная бомба, со страшным шумом взорвалось на страницах мировой печати. Заголовки об аресте К. Фукса буквально кричали: «Фукс – один из трех ведущих ученых Харуэллы – арестован», «Фукс – самый опасный шпион века», «Фукс передал красным данные о водородной бомбе». В сенсационных статьях подчеркивалось, что Фукс выдал Москве все ядерные секреты Соединенных Штатов и Великобритании. Сообщалось, что Вашингтон потребовал, чтобы Фукса для судебного разбирательства передали в США, где бы его неминуемо приговорили к смертной казни. Однако английское правительство ответило отказом, считая, что он как британский подданный должен быть судим в Англии.

Суд над Фуксом состоялся 1 марта 1950 г. в Центральном уголовном суде Олд Бейли. Директор ФБР Э. Гувер предложил начальнику английской контрразведки П. Силитоу помощь в проведении судебного процесса и попросил, чтобы на разбирательстве присутствовал его официальный представитель. Английские власти от помощи отказались. Они хотели провести суд очень быстро, чтобы не раскрыть конкретных подробностей. Без перекрестных допросов и многочисленных свидетелей и никаких присяжных заседателей. Это им удалось. На суде был лишь один свидетель обвинения – сотрудник МИ-5 В. Скардон, проводивший допросы Фукса.

Судебные заседания вели самые высокие чины английского правосудия. Председательствовал

лорд Годдард, верховный судья Англии, главным обвинителем был генеральный прокурор Англии Хартли Шоукросс. В качестве защитника выделили известного адвоката Д. К. Беннетта.

Фуксу предъявили краткое обвинение, в котором указывалось, что:

- 1) однажды в Бирмингеме, Англия;
- 2) однажды между 31 декабря 1943 г. и 7 августа 1944 г.;
- 3) однажды в феврале 1945 года в Бостоне, США;
- 4) однажды в 1947 году в Англии

он передал неизвестным лицам информацию, касающуюся атомных исследований, которая предназначалась враждебному государству.

Как отметили присутствовавшие на суде корреспонденты, обвинение, предъявленное Фуксу, было знаменательно не тем, что в нем содержалось, а тем, что в нем отсутствовало.

Шоукросс в своей речи обвинил Фукса в том, что, по его собственному признанию, он передавал секретную информацию Советскому Союзу, который вначале был союзником, а затем стал врагом Англии.

Защитник Беннетт отметил, что Фукс являлся антифашистом, активно боролся против Гитлера и что Англия использовала его незаурядный талант в своих целях.

Судья Годдард в своей речи заявил, что обвиняемый в шпионаже нанес непоправимый ущерб как Англии, так и Соединенным Штатам и что его преступление очень мало отличается от государственной измены.

На этом необычном суде не было предоставлено слово обвиняемому, а лишь зачитаны краткие выдержки из письменного признания Фукса.

В последнем слове Фукс полностью признал свою вину и выразил надежду, что его признание уменьшит меру наказания.

Затем суд удалился на совещание. К Фуксу подошел его защитник Беннетт и спросил, какое наказание он ожидает.

– Смертный приговор, – тихо ответил Фукс. Защитник сказал:

– Нет, четырнадцать лет тюремного заключения. Ученый этому не поверил, так как за время нахождения в тюрьме он уже приготовил себя к смерти.

Вскоре судьи вернулись и председательствующий огласил приговор – четырнадцать лет заключения. Защитник оказался прав.

Фукса не приговорили к смертной казни только потому, что Советский Союз, которому он передавал секретные материалы, во время войны был союзником Англии, а не врагом.

Все судебное разбирательство продолжалось всего полтора часа.

8 марта 1950 г. было опубликовано заявление ТАСС:

«Агентство Рейтер сообщило о состоявшемся на днях в Лондоне судебном процессе над английским ученым-атомщиком Фуксом, который был приговорен за нарушение государственной тайны к 14 годам тюремного заключения. Выступавший на этом процессе в качестве обвинителя генеральный прокурор Великобритании Шоукросс заявил, будто бы Фукс передал атомные секреты „агентам советского правительства“. ТАСС уполномочен сообщить, что это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие „агенты“ Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

Наверно, в тот период жестокой «холодной войны» ожидать другого заявления было нельзя. Тем более что его, как говорят, написал собственноручно тогдашний министр иностранных дел Вышинский.

После окончания суда над Фуксом комиссия Конгресса США по атомной энергии затребовала от директора Лос-Аламоса Н. Брэдбери доклад о всех секретных документах, к которым имел доступ советский агент. Директору ФБР Э. Гуверу поручили представить в комиссию полные тексты признаний, которые сделал Фукс в Англии. Документы тщательно проанализировали и установили, что в Москву попали не только результаты научно-исследовательских работ, но и подробные сведения по практическому созданию урановой и плутониевой бомб.

Особенно тщательно выяснялось, что Фукс знал и передал СССР о водородной бомбе. Председатель комиссии Конгресса США по атомной энергии Льюис Страус твердо заявил: «В 1947 году Фукс передал русским информацию по водородной бомбе».

В прессе сообщалось, что, по оценке американских ученых и политических деятелей, информация, переданная Фуксом, дала возможность Советскому Союзу значительно сократить сроки создания атомного оружия. Хорошо информированный научный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» писал, что Фукс помог СССР сократить срок создания атомного оружия от десяти до трех лет. Что касается термоядерной бомбы, то его сведения позволили СССР начать работы по ее созданию значительно раньше, чем в США.

Вашингтон особенно беспокоило то, что Советский Союз получил изрядную фору для создания своей водородной бомбы. Этот вопрос обсуждался 9 марта 1950 г. в специальной подкомиссии Совета национальной безопасности, которая рекомендовала президенту США, чтобы производство водородной бомбы считалось делом чрезвычайной срочности. На следующий день президент Трумэн принял решение о всемерном развертывании работ по термоядерной бомбе.

А у Лондона в это время возникли другие заботы.

Известно, что сведения о том, что работавший в Харуэлле Фукс – советский агент, англичане

получили от ФБР. Это же после суда над Фуком 6 марта сказал в своем заявлении в палате общин премьер-министр К. Эттли: «За Фуком время от времени велось наблюдение. Только осенью 1949 года англичане узнали от американцев, что во время войны имелась утечка секретных материалов из Лос-Аламоса. МИ-5 сразу установила, что Фукус был источником утечки. Служба безопасности действовала быстро и эффективно и арестовала его».

Однако американцы были не согласны, что английская служба контршпионажа действовала эффективно. ФБР было недовольно тем, что МИ-5 не могла поймать Фука с поличным, когда он передавал материалы представителю советской разведки. Американцы спрашивали: почему английская контрразведка так благодушно относилась к опасному советскому агенту в течение долгого времени? Почему она позволила Фуку с самого начала работать над атомной бомбой?

В прессе высказывалось предположение, что в руководстве МИ-5 тоже есть советские шпионы, которые прикрывали деятельность Фука и разрешали ему работать на самых секретных объектах. Такая версия крепла, и дело дошло до того, что начали подозревать самого начальника советского отдела английской контрразведки Роджера Холлиса. Все это осложняло сотрудничество не только между американскими и английскими спецслужбами, но и партнерство Вашингтона и Лондона в области атомной энергии.

В мировой прессе появились статьи, инспирированные, судя по всему, спецслужбами США, которые преследовали цель вызвать у советских властей отрицательное отношение к Фуку. В них утверждалось, что ученый в последние годы идейно переродился и критически относился к политике СССР. Авторы других материалов старались, наоборот, настроить Клауса против советских товарищей. В них утверждалось, что руководители разведцентра в Москве обозлены на Фука за то, что он во всем признался на следствии, и считают его предателем. Не останавливались спецслужбы США и перед такой грубой клеветой: советская разведка, мол, сознательно пожертвовала Фуком, возможности которого уже были будто бы полностью использованы, ради того, чтобы ухудшить англо-американские отношения и тем самым ослабить их военно-экономический нажим на СССР.

По этическим соображениям в беседах с Фуком после его освобождения не затрагивался вопрос о том, почему он во время допросов говорил о своих идейных колебаниях, не одобрял внешнюю политику СССР в последние годы. Почему он это делал? Здесь напрашивается двойное объяснение.

Во-первых, за время сотрудничества с советской разведкой вплоть до ареста, то есть в течение восьми лет, жизнь Клауса Фука проходила под воздействием двух диаметрально противоположных политических сил. С одной стороны, на него давила все возрастающая антисоветская пропаганда, резко обострившаяся в период «холодной войны». С другой – сильно влияли прочные социалистические и антифашистские убеждения. С 1942 года Фукус по соображениям конспирации не читал левую прессу, тщательно скрывал свои социалистические взгляды и симпатии к СССР. Поэтому его, так сказать, идеологический заряд постепенно убывал, и у агента, вполне вероятно, могли возникнуть идейные колебания.

Во-вторых, над Фуком постоянно висела угроза смерти. Высказывая свои сомнения, признавая свою вину, чистосердечно раскаиваясь, он спасал свою жизнь... И его можно понять.

Первые месяцы тюрьмы оказались для Фука тяжелыми. Стояла зима. Давила холодная камера-одиночка. Вначале тюремная администрация и заключенные считали его предателем, и Фукус опасался, что его могут убить. Он работал вместе с уголовниками, шил мешки, в свободное время много читал: журналы по физике, книги по философии и классическую художественную литературу. Это спасало от мрачных мыслей.

Когда заключенные поняли, что Фукус является добрым, умным человеком, они стали обращаться к нему за советами. Позднее он организовал курсы по повышению грамотности. Вел уроки по всем предметам. Хорошо к Фуку стал относиться и тюремный персонал, который видел, что своей рассудительностью и хорошим поведением ученый способствует поддержанию дисциплины и порядка в тюрьме.

Зимой 1957/58 года по нашей просьбе в Лондон приезжал отец Клауса – Эмиль Фукус. Он несколько раз навестил сына. Они обсудили возможность возвращения Клауса в ГДР после отбытия заключения в Англии.

Девять с половиной лет провел Фукус за решеткой. 24 июня 1959 г. он был досрочно освобожден за примерное поведение.

За два-три месяца до этого в лондонских газетах появились сообщения о том, что английское правительство хотело, чтобы Фукус, выйдя из тюрьмы, продолжал заниматься научно-исследовательской работой в одном из университетов Англии или Канады. Как вариант обсуждалась также возможность послать его в Западную Германию.

Но Фукус настоял на том, чтобы из тюрьмы его отвезли в лондонский аэропорт. На рейсовом польском самолете он отправился в Восточный Берлин – столицу ГДР. Своим решением ученый перечеркнул все сплетни англо-американских средств массовой информации о его идейном перерождении.

Фуку было сорок восемь лет, и он начал новую жизнь.

Руководство КГБ СССР обратилось с просьбой к верховным властям ГДР выяснить у Фука, не согласился бы он жить и работать в Советском Союзе. Но ученый отклонил просьбу, сославшись на то, что среди соотечественников чувствует себя спокойнее и увереннее.

В ГДР Фукса приняли очень хорошо. Он быстро получил гражданство. Его назначили заместителем директора Института ядерной физики. Это дало ему возможность заниматься любимым делом. Он стал также профессором Высшей технической школы. Включился и в общественную жизнь республики: часто выступал в печати, по телевидению и радио не только по научно-техническим проблемам, но и на политические темы – как активный борец за мир и запрещение ядерных испытаний. В 1972 году Фукса избрали членом Академии наук ГДР и Центрального Комитета СЕПГ. За достижения в области науки в 1975 году он получил Государственную премию первой степени, а в 1979 году его наградили орденом Карла Маркса.

Вскоре после прибытия в ГДР Фукс женился. Спутницей его жизни стала Маргарита Кейлсон. Супруги поселились в Дрездене.

Вначале советские ученые вели исследования по урановой проблеме разрозненно, каждый в своей лаборатории. В 1943 году была организована центральная лаборатория при Академии наук СССР по урановой проблеме во главе с И. В. Курчатовым. К нему стали поступать все работы по атомным исследованиям, включая секретную разведывательную информацию из Великобритании и США. В своей лаборатории И. В. Курчатов собрал всех выдающихся советских физиков.

Ю. Б. Харитону было поручено возглавить научное руководство разработкой атомной бомбы.

После того как США взорвали в 1945 году атомные заряды над Хиросимой и Нагасаки, советское руководство приняло решение о начале строительства промышленных объектов для создания атомной бомбы.

Решением Государственного Комитета Обороны СССР от 20 августа 1945 г. был создан Специальный комитет при ГКО. Образовали также Научно-технический совет по урановому проекту при Совнарком СССР во главе с Б. Л. Ванниковым; его заместителем стал И. В. Курчатов.

С этого времени разведслужбы Кремля начали получать более конкретные задания, отвечающие потребностям развернутой программы научно-технических работ по созданию советской бомбы. Фукс фактически стал выполнять те же задачи, которые ставились перед нашими учеными. С той только разницей, что он напряженно трудился в опаснейших условиях, каждодневно рискуя своей жизнью – дамоклов меч провала все время висел над ним.

Информация, передаваемая К. Фуксом, всегда получала высокую оценку. Но она стала просто бесценной для советского государства, когда он служил в Лос-Аламосе и Харуэлле, так как в ней наши ученые находили нужные им теоретические и научно-практические сведения.

После успешного испытания первой советской атомной бомбы ее создателям были присвоены – и конечно же, вполне заслуженно – звания Героев Социалистического Труда и лауреатов Государственной премии. Большой группе советских ученых, специалистов, в том числе сотрудникам разведки, были вручены высокие советские награды. Автора этих строк, например, наградили орденом Трудового Красного Знамени. И лишь Клаус Фукс, к великому сожалению, не получил ничего. Ничего, кроме четырнадцати лет тюремного заключения.

В 1964 году я обратился с письменным рапортом на имя начальника разведки КГБ, в котором просил его ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета СССР о награждении Фукса высокой правительственной наградой или же рекомендовать его кандидатуру для избрания иностранным членом Академии наук СССР. Узнал о хлопотах и тогдашний президент высокого научного учреждения М. В. Келдыш. Его реакция оказалась, мягко говоря, несколько странной.

– Делать это нецелесообразно, – заявил он, – ибо ослабит заслуги советских ученых в создании ядерного оружия.

Летом 1968 года Фукс в составе делегации ученых-атомщиков ГДР приезжал в Москву, посетил ряд советских научно-исследовательских институтов, встречался с нашими учеными. Будучи по характеру деликатным, застенчивым человеком, он в беседах ни разу не обмолвился о том, что восемь лет оказывал помощь советской науке в создании ядерного оружия.

Незадолго до отъезда из Москвы с ним встречался руководящий сотрудник разведки КГБ Л. Р. Квасников. Из-за ограниченного времени беседа, к сожалению, оказалась скомканной, откровенного разговора не получилось. Наш представитель предложил ученому вместе с женой полечиться в одном из южных санаториев. Поблагодарив, Фукс сказал, что в этом году он не сможет воспользоваться предложением, и попросил вернуться к этому вопросу в будущем. Однако Квасников вскоре ушел на пенсию, произошел и ряд других изменений в руководстве разведки. Повторить приглашение Фуксу просто забыли.

Впервые советская общественность узнала о Фуксе в июле 1988 года, когда по Центральному телевидению показали фильм «РИСК-II», где говорилось, что ученый добровольно передавал СССР секретные материалы об американской атомной бомбе. Реакция ведущих советских ученых на фильм была более чем сдержанной. Газета «Известия» тогда же опубликовала интервью с бывшим президентом АН СССР А. П. Александровым под заголовком «Как делали бомбу». Корреспондент спросил: «После „РИСКА-II“ многие наши читатели спрашивают, действительно ли Клаус Фукс помогал СССР?» Академик невнятно, с явной неохотой ответил: «Было что-то. Но в общем это не играло существенную роль».

В январе 1988 г. по телевидению в связи с 85-летием со дня рождения И. В. Курчатова передавалась беседа с видными советскими учеными-атомщиками. О великом советском физике делились воспоминаниями Александров А. П., Харитон Ю. Б., Флеров Г. Н., Славский Е. П. и другие.

Участники беседы, в частности, отмечали:

- при создании атомной бомбы Курчатов не сделал больших ошибок;
- имея только несколько тысячных долей грамма искусственно полученного плутония, Курчатов стал смело строить промышленные объекты по получению плутония для атомных бомб;
- первая советская бомба была создана в более короткие сроки, чем американская, – за три года.

У телезрителей, естественно, возникли вопросы, и среди них главный: Соединенные Штаты вместе с Англией и Канадой, используя выдающихся ученых Европы, не испытав ужасов войны на своей территории, имея огромный научно-технический потенциал, создали атомную бомбу за четыре года, затратив на это пять миллиардов долларов. Советский Союз же, понеся огромные людские и материальные потери, построил свою атомную бомбу за три года!¹³ Почему это произошло?

Безусловно, советская атомная бомба была создана так быстро прежде всего благодаря самоотверженному труду десятков тысяч наших ученых, организаторов производства, инженеров, рабочих. Однако в немалой степени этому способствовала и успешная работа советской разведки. Вот одно из самых достоверных подтверждений сказанного. 8 декабря 1992 г. в газете «Известия» выступил академик Юрий Борисович Харитон. Он впервые публично признал то, что можно было сделать значительно раньше: первый советский атомный заряд изготовлен по американскому образцу, с помощью подробных сведений, полученных от Фукса. Чтобы подчеркнуть, сколь важно было для советского государства как можно быстрее получить свою бомбу, ученый ссылается на следующий эпизод, о котором ему рассказал академик И. В. Курчатов. Когда вручались правительственные награды участникам советского атомного проекта, Сталин, весьма довольный, что была ликвидирована монополия Вашингтона на ядерное оружие, заметил: «Если бы мы опоздали на один-полтора года, то, наверное, испробовали этот заряд на себе». И Ю. Б. Харитон, который был одним из ближайших помощников ныне покойного И. В. Курчатова, резюмировал: «За обширную информацию, которую передавал для советских физиков Клаус Фукс, весь советский народ должен быть ему глубоко благодарен».

Клаус Фукс в течение почти тридцати лет ждал, что Советский Союз признает его заслуги. Но так и не дождался.

В ГДР кинорежиссер И. Хельвиг делал фильм о К. Фуксе. Он встречался со многими людьми, которые работали вместе с ученым или знали его. Режиссер пригласил приехать к нему меня в июле 1989 года. Я принял приглашение.

По приезду в Берлин сразу направился на кладбище, где похоронен Фукс. Со мной пришли немецкие друзья. Я возложил к мраморному надгробию цветы и трижды поклонился праху Клауса. Один из сопровождавших спросил, почему я сделал три поклона? Я ответил:

– Первый поклон в знак благодарности за то, что мне выпало счастье встречаться с этим благородным человеком. Второй – от имени советского народа, которому Клаус Фукс оказал бесценную помощь в тяжелые для СССР дни. Третий – от имени всего прогрессивного человечества, которому своей самоотверженной деятельностью ученый старался обеспечить мирную жизнь.

На следующий день я поехал в Дрезден к вдове Клауса Фукса.

Маргарита Фукс знала Клауса со студенческих лет по совместной антинацистской деятельности. Всю войну она жила в Советском Союзе. Вела активную работу среди немецких военнопленных, принимала участие в создании национального комитета «Свободная Германия», участвовала в антинацистских радиопередачах.

Вдова Фукса приветливо встретила меня. Я ей преподнес цветы и вручил памятный подарок. Меня представили как советского товарища, встречавшегося с Клаусом в 1947–1949 годах в Англии.

Маргарита спросила:

– Что же вы так поздно пришли? Клаус двадцать пять лет ждал вас. В последние годы он высказывал мысль, что никого из советских товарищей, кто знал его, уже нет в живых.

Что я мог ей ответить?

Конечно, я пытался найти объяснение бездушному отношению нашей службы к преданному помощнику. Говорил что-то о трудной обстановке в Советском Союзе, о засилье бюрократизма в застойный период, о том, что перестройка только началась и мы на многое стали смотреть другими глазами, мыслить по-новому... Но понимал, что нет нам оправдания...

Трижды я встречался с кинорежиссером И. Хельвигом. Он десять лет работал над созданием документального фильма о Клаусе Фуксе. Лента «Отцы тысячи солнц» была уже почти готова. Мастер взял интервью у известных физиков и математиков, исследователей-ядерщиков в ФРГ, США, Англии, СССР и других странах, которые лично знали Фукса. Все они отзывались о нем как об ученом редких дарований, скромном, трудолюбивом человеке. А кое-кто из них после долгих лет раздумий изменил отношение к факту его секретной связи с советской разведкой: Теперь эти ученые говорили: разведывательная деятельность Фукса, возможно, помешала Вашингтону принять решение об

¹³ В «Литературной газете» за 6 июня 1990 г. опубликовано интервью с профессором Л. В. Альтшулером, работавшим вместе с академиком Ю. Б. Харитоновым над созданием первой советской атомной бомбы. Альтшулер утверждает, что бомба была создана даже за два года – Прим. Авт

использовании атомных зарядов в корейской войне 1950–1953 годов. И самое главное, заставила Пентагон отказаться от планов применить ядерное оружие против СССР.

Режиссер планировал выпустить фильм на экран в 1990 году, но события в ГДР помешали этому.

В довоенные годы и после войны, когда руководство нашей разведки получало сообщение о провале своего агента, оно обычно немедленно отзывало в Москву сотрудника резидентуры, который поддерживал связь с арестованным источником, во избежание возможных провокаций со стороны местной службы контршпионажа.

Такой же была первая реакция моих шефов на арест Фукса. Центр считал, что английские контрразведчики, чтобы смягчить свою вину перед британским правительством – они просмотрели Фукса и не смогли раскрыть его связь с советской разведслужбой, – не остановятся перед задержанием поддерживавшего контакт с ученым оперативного сотрудника. Не исключено, что лондонские охотники за шпионами уже имеют на него кое-какие данные или же Фукс, не выдержав пытки допросами, сообщит следствию сведения о нем. Исходя из этого, Центр посчитал целесообразным немедленно отозвать меня в Москву и для окончательного решения запросил мнение резидента.

Мой многоопытный лондонский шеф Борис Николаевич Родин направил в Москву мудрый ответ. Нужно исходить из того, писал он, что МИ-5 ведет усиленное наблюдение за советскими сотрудниками и наверняка ожидает: разведчик, работавший с Фуксом, поспешит убраться из Англии. Таким образом, мой отъезд означал бы, что именно я был связан с Фуксом, и меня, возможно, задержали бы, когда я садился в самолет, на теплоход или в поезд. Поэтому Родин предлагал не торопиться с принятием решения о срочном отзыве.

После взвешивания всех доводов «за» и «против» в Центре решили повременить с моим отъездом, пока не будут получены более подробные агентурные сведения о причинах провала Фукса и о том, что он рассказал о своих встречах с советскими разведчиками на допросах.

Весь февраль и март я, как и прежде, усердно исполнял свои обязанности по прикрытию, встречался с английскими знакомыми и ни в малейшей степени не изменил своего обычного поведения. Разумеется, по указанию Центра мои встречи с другими агентами были прекращены.

1 марта закончился суд над Фуксом. Никаких данных о том, что он выдал меня, резидентура не получила. Через три-четыре недели средства массовой информации прекратили публиковать материалы по этому делу. Оно перестало быть сенсацией. Вполне возможно, что британские контрразведчики пришли к выводу, что с Клаусом поддерживал связь не советский разведчик, работавший под официальным прикрытием, а нелегал.

Когда все успокоилось, Центр дал команду, чтобы я вернулся в Москву.

В начале апреля 1950 года я был уже дома, проведя на «туманном Альбионе» без отпуска два года и девять месяцев.

Руководители разведки отнеслись ко мне благосклонно. Каких-либо претензий мне не предъявляли. В беседах со мною больше обсуждался вопрос не о моих ошибках, а о том, что следует сделать, чтобы морально поддержать Фукса и дать ему понять: мы его по-прежнему ценим и заботимся о нем. Нашли надежных людей, которые вели переписку с ним, иногда посещали его в тюрьме, со временем организовали поездку к нему его отца.

Мне выделили комнату, правда, в коммунальной квартире, но в новом доме на Песчаной улице. Жена и я были этому безмерно рады: это был наш первый собственный угол в жизни. Наконец-то мы смогли свезти все наши вещи, хранившиеся до сих пор у родственников.

Летом 1950 года я получил повышение по службе – стал заместителем начальника отдела и настроился на длительную работу в Москве.

С ХРУЩЕВЫМ В АМЕРИКЕ

Когда в апреле я возвратился в Москву, то обнаружил, что в организации разведки произошли большие изменения. Первое управление (разведывательное) по решению Политбюро ЦК ВКП(б) выделилось в 1947 году из Министерства государственной безопасности СССР и объединилось с Главным разведывательным управлением Генштаба Вооруженных Сил. Образовалось самостоятельное ведомство – Комитет информации (КИ) при Совете Министров СССР. Его председателем был назначен второй человек в кремлевской иерархии – В. М. Молотов, первый заместитель председателя союзного Совета Министров (премьер-министром тогда был Сталин) и министр иностранных дел. Разместился КИ в отдаленном от центра Москвы районе Ростокино, заняв два здания, где раньше помещалась штаб-квартира ликвидированного в годы войны Коминтерна. Кроме того, для нескольких подразделений комитета отвели изолированные особняки в разных концах столицы. Управление нелегальной разведки, например, находилось в Лопухинском переулке, рядом с улицей Кропоткина, а отдел кадров – на Гоголевском бульваре.

Советское руководство пошло на кардинальную реорганизацию своих разведслужб, несомненно, потому, что в том же году в Соединенных Штатах была создана система центральной разведки во главе с ЦРУ, которая фактически подчинялась президенту США.

Правда, по числу сотрудников КИ в несколько раз оказался меньше ЦРУ. Вскоре, однако,

выяснилось, что Генштаб не может эффективно выполнять свои функции без разведывательной службы, непосредственно подчиненной ему. Маршалы запротестовали, и через десять месяцев военная разведка была возвращена на старое место.

Оставшийся персонал бывшей внешней разведки МГБ продолжал действовать в Ростокино в Комитете информации, только уже при Министерстве иностранных дел СССР. Был понижен, так сказать, в ранге. Председателем стал один из заместителей министра иностранных дел, в 1950 году им был Валерий Николаевич Зорин. Он много уделял внимания разведке, неплохо организовал работу комитета. Сам занимался главным образом административными делами: поддерживал контакты с Политбюро и Секретариатом ЦК ВКП(б), Советом Министров, МИД, МГБ, МО и другими министерствами и ведомствами СССР. Он регулярно проводил заседания коллегии КИ, на которых обсуждались и решались вопросы совершенствования структуры, определялись главные направления и задачи разведки, методы ее деятельности, проводились кадровые коррективы. Разведывательный ареопаг систематически заслушивал отчеты о работе отдельных подразделений комитета и резидентур, принимал решения по усилению и улучшению их деятельности. Большая заслуга в организации отлаженного механизма работы коллегии, несомненно, принадлежала ее ответственному секретарю, весьма эрудированному, трудолюбивому Ивану Ивановичу Тугаринову, который позднее перешел на работу в МИД СССР, стал членом его коллегии, имел ранг посла.

Текущей оперативной работой руководил заместитель Зорина генерал-лейтенант С. Р. Савченко. Справедливый, требовательный, мужественный человек, самостоятельно принимавший решения по важным вопросам разведывательной деятельности центрального аппарата и резидентур.

Разведка под руководством МИД СССР просуществовала три года. За это время выявились как положительные, так и отрицательные стороны такого подчинения. К положительным можно было отнести то, что, во-первых, в этот период значительно быстрее решались вопросы получения разведчиками дополнительных дипломатических прикрытий как для долгосрочных, так и краткосрочных командировок; во-вторых, руководство МИД и загранучреждений больше заботилось о маскировке оперативного состава резидентур; и, наконец, перед разведкой гораздо быстрее ставили задачи по получению внешнеполитической информации и давали оценку добытым агентурным материалам.

А отрицательные стороны? Прежде всего КИ значительно ослабил деятельность в области обеспечения государственной безопасности. Возникли немалые затруднения в поддержании тесного сотрудничества комитета с контрразведывательными подразделениями МГБ. КИ стал меньше уделять внимания самому трудному участку – проникновению в контрразведывательные и разведывательные службы противника, антисоветские эмигрантские и другие организации за рубежом. Осложнились передача заграничных агентов комитета, приезжающих в СССР на работу в иностранных представительствах, контрразведке МГБ и, наоборот, использование комитетом агентуры контрразведки из числа иностранцев, возвращающихся на родину. Затруднился взаимопользительный обмен кадрами между разведкой и контрразведкой. Отрицательные стороны перевесили, и в начале 1953 года КИ ликвидировали, а разведчики вернулись в МГБ.

После смерти Сталина среднее руководящее звено разведки почувствовало, что Берия и его заместитель Кобулов стали уделять повышенное внимание Первому управлению. На документах разведслужбы появились резолюции вроде таких как: «Это не разведчик, а дырявая шляпа». И это в адрес нашего умного, опытного резидента в одном из крупных капиталистических государств.

Берия и Кобулов уволили из разведки или понизили в должности сотрудников, которые осуждали диктаторские замашки новых руководителей МВД, и на их места расставили своих людей,

Через несколько недель после смерти Сталина скончался Клемент Готвальд, первый секретарь компартии и президент Чехословакии. В ряде стран народной демократии начались волнения. Западная радиопропаганда призывала население Советского Союза и стран народной демократии подняться против своих правительств. Я невольно вспоминал добытые нашей лондонской резидентурой в 1949 году совершенно секретные планы англо-американского штабного комитета, в которых говорилось, что наилучшее время для начала войны против СССР – это 1952–1953 годы.

Для оказания помощи недавно созданным в странах народной демократии органам безопасности, по просьбе их руководства, туда направлялось из СССР дополнительное число опытных контрразведчиков и разведчиков.

25 июня Кобулов вызвал меня и приказал на следующий день прибыть в Прагу. Мгновенно было оформлено мое назначение в качестве заместителя главного советника МГБ по разведке.

В Чехословакии я пробыл два с половиной года. Моя задача состояла в том, чтобы оказать помощь Министерству внутренних дел ЧССР в создании разведывательной службы, которая могла бы вести эффективную работу в западноевропейских странах, прежде всего в соседних – ФРГ и Австрии, с территории которых спецслужбы США, Англии, Франции и ФРГ вели активную шпионскую деятельность против еще неокрепшего режима народной демократии. Работать с чешскими и словацкими товарищами было легко и приятно. Большинство из них были новичками в разведке. Но к порученному делу они относились серьезно, и через три-четыре года разведка Чехословакии добилась несомненных успехов, приобрела ценных агентов в подрывных организациях и на военных объектах НАТО в Западной Европе. В целом это было полезное, продуктивное и взаимовыгодное сотрудничество двух союзных разведывательных служб.

С 1956 года до отъезда в США в 1960 году я работал начальником американского отдела, который

вел разведывательную работу с легальных позиций во всех странах Западного полушария. В штат отдела входило двадцать четыре сотрудника, включая технического секретаря и машинистку.

В этот период в связи с дальнейшим расширением деятельности нашей разведки в мире ощущался, впрочем, как и прежде, большой недостаток кадров с жизненным опытом, знанием иностранного языка и умением работать с людьми, не говоря уже о наличии профессиональной квалификации. Сотрудники отдела кадров искали кандидатов для разведслужбы в министерствах и ведомствах, в партийных, комсомольских, профсоюзных и других организациях. Однако поскольку СССР стал великой державой, а это, в свою очередь, повлекло за собой расширение его международных контактов, буквально все правительственные структуры нуждались в таких же людях. В нашем отделе без какой-либо специальной разведывательной подготовки работали, например, инженер, занимавшийся ранее в Министерстве морского флота обеспечением углем пароходов, и референт из Всесоюзного профцентра – ВЦСПС. Оба слабо владели английским языком.

Оперативная работа нашего отдела осложнялась еще тем, что приходилось каждый год большую часть сотрудников направлять в резидентуры взамен возвращающихся работников после трех-четырёхгодичного пребывания за границей. Поэтому в отделе задерживались лишь единицы, которые работали в нем лет пять и хорошо знали дела и оперативную специфику работы центрального аппарата.

Когда же начальники подразделений на совещаниях Уставили вопрос о том, что для повышения эффективности разведки следует расширить штаты, начальник главка Александр Михайлович Сахаровский в ответ приводил завет великого российского полководца Суворова: «Побеждать противника не числом, а умением».

Но жизнь делала свое дело. В конце 50-х годов расширение штатов все же состоялось. Практически оно произошло путем разделения нашего отдела на два – на американский и латиноамериканский. Я остался начальником американского.

С приходом к власти Н. С. Хрущева началась «оттепель» – смягчение внутреннего режима в СССР, связанное с разоблачением культа личности Сталина. Появились первые признаки поворота советского общества к свободе личности, гласности, уважению прав человека, демократии.

Советский Союз стал более активно, а главное – более творчески, проводить внешнюю политику, предлагая решать международные проблемы в духе мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем. Сформулированные XX съездом КПСС выводы о реальной возможности предотвращения мировой войны, об отсутствии ее фатальной неизбежности были благожелательно встречены широкой общественностью во всем мире. Москва упорно добивалась разоружения, углубления экономического и культурного сотрудничества со всеми странами, особенно со своим антагонистом – США.

По инициативе Советского Союза в Женеве 18–23 июля 1955 г. состоялась встреча глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции. Хотя ни совещания не были решены какие-либо конкретные проблемы мировой политики, но «дух Женевы» оказал благое воздействие на весь мир, способствовал ослаблению международной напряженности и установлению более тесных контактов между Востоком и Западом, между СССР и США.

Вскоре был развязан и сложный международный узел – заключен Государственный договор о восстановлении независимой, демократической и нейтральной Австрии. В конце 1955 года из дунайской республики четыре державы вывели свои оккупационные войска.

Многолетние торосы «холодной войны» размягчились.

ветры перемен стали рассеивать густые тучи недоберия и вражды, окутавшие нашу планету.

Вынуждены были пойти на изменение своей агрессивной внешней политики и правящие круги США. И сделали они это не только под воздействием хрущевской «оттепели», но и под влиянием не совсем приятных для них событий. 4 октября 1957 г. был запущен первый искусственный спутник Земли – советский спутник! Реальная угроза – Москва может теперь, когда потребуется, запустить межконтинентальную баллистическую ракету – нависла над Соединенными Штатами. Сторонники превентивной войны против Советского Союза в Вашингтоне поняли: «возмездие» может обрушиться и на американские города. Это охладило горячие головы в администрации США и Пентагоне. Идея мирного сосуществования, хотя и медленно, начала пробивать себе дорогу на берегах Потомака.

Важное значение в преодолении антисоветской предубежденности в умах американцев имела поездка в Соединенные Штаты с официальным визитом в сентябре 1959 года Н. С. Хрущева. Это был первый за всю историю визит главы нашего государства за океан. К нему тщательно готовились все министерства и ведомства.

В Комитете госбезопасности его председатель А. Н. Шелепин создал специальную группу из руководящих работников и специалистов, которая должна была подготовить план мероприятий по обеспечению безопасности Хрущева. В эту группу был включен и я как начальник американского отдела, специалист, знающий не только политическую, но и агентурно-оперативную обстановку в США. Совещания группы «чекист № 1» проводил лично три-четыре раза в неделю. К подготовке плана мероприятий он относился очень серьезно и не раз нам говорил:

– Товарищи, обеспечение безопасности Никиты Сергеевича и содействие успеху его визита в США – это самая важная задача, когда-либо стоявшая перед органами госбезопасности.

В распоряжении группы имелась программа пребывания Хрущева в США, разработанная

государственным департаментом, в которой были учтены пожелания советской стороны о посещении конкретных городов, заводов, ферм, институтов. Мероприятия предусматривали круглосуточную личную охрану хозяина Кремля, действия сотрудников КГБ в самых различных ситуациях: авария самолета, поломка автомобиля, дорожно-транспортные происшествия, нападения террористов, антисоветские демонстрации...

Вначале собирались составить план мероприятий и передать его как нашу рекомендацию службе охраны президента США, которая должна обеспечивать безопасность советского лидера. Некоторые члены группы предлагали попросить американцев выставить шпалеры вооруженных американских солдат по пути следования Хрущева с военного аэродрома Эндрюс по улицам Вашингтона в отведенную резиденцию. Другие возражали, приводя разные доводы, в том числе и такой: а вдруг среди вооруженных солдат найдется какой-нибудь ненормальный, и тогда беда неизбежна. В конце концов решили: надо все же положиться на богатый опыт американской секретной службы, охраняющей президента. Попросить в общих чертах ознакомить нашу сторону с их планами и в случае необходимости поинтересоваться, почему они реализуют то или иное мероприятие таким образом, а не иначе. Моему отделу поручили провести беседы с сотрудниками охраны Хрущева и обслуживающим персоналом.

Вопросов оказалось тьма. Ведь многие из охранников и obsługi впервые попали в США и ничего не знали об обстановке в стране, быте и нравах населения.

За неделю до отъезда за океан план мероприятий КГБ был готов. Шелепин поручил начальнику Управления охраны правительства генерал-лейтенанту Н. С. Захарову, вылетавшему в США, доложить его лично Хрущеву.

Советский лидер в те дни все время находился на загородной даче, где вместе со своими советниками готовился к поездке. Захаров прибыл на дачу и долго прождал – Хрущев принял его только в полночь. Главный охранник доложил о цели своего визита и собирался передать документ в собственные руки хозяина Кремля для ознакомления. Усталым голосом тот сказал:

– Вам поручено обеспечить мою безопасность. Хорошо, что вы составили план мероприятий. Выполняйте его. Я же к этому никакого отношения не имею. У меня свои заботы.

После этого Хрущев, хорошо знавший Захарова, пожал ему руку и сказал:

– Николай Степанович, время позднее, давай спать.

Захаров, ответственный работник КГБ В. П. Бурдин, начальник Протокольного отдела МИД Ф. Ф. Молочков и автор этих строк в качестве его заместителя прибыли в Вашингтон за неделю до начала визита, чтобы еще раз обсудить с нашим послом Михаилом Алексеевичем Меньшиковым программу пребывания. Затем Захаров и хорошо знающий английский язык Бурдин согласовывали наш план совместных действий с руководителем секретной службы – охраной президента США. Молочков и я посещали начальника Протокольного отдела госдепартамента и его заместителя, с которыми еще раз обсудили программу визита, перед тем как она была отдана в типографию. Опытный Молочков детально разобрался в каждом мероприятии, проследил, чтобы точно соблюдался протокол при движении автомашин, рассадке членов делегаций на совместных обсуждениях и официальных приемах и так далее. Договорились, что американская сторона берет на себя все расходы по содержанию советской делегации. Когда же президент Эйзенхауэр нанесет ответный визит в СССР, то советская сторона оплатит издержки по пребыванию американской делегации. Хотя визит носил официальный характер, сошлись на том, что в ходе его между главами государств состоятся не переговоры, а неофициальные беседы.

Как же встречала Америка приезд Хрущева? По-разному. В основном – настороженно. Большая часть правящих кругов, религиозная и профсоюзная бюрократия через принадлежащие им средства массовой информации развязно выступали с критикой внешней и внутренней политики Советского Союза. Простой люд, не сбитый с толку антисоветской пропагандой, приветствовал визит, так как понимал: улучшение отношений между США и СССР несет для всех мир и развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества.

19 сентября 1959 г. я проснулся рано. В шесть утра включил телевизор, самый популярный канал Эн-би-си. Епископ начал читать проповедь. Его первые слова помню до сих пор: «По библии сегодня день шести печалей. Но в этот день нам добавилась еще седьмая печаль – приезд в нашу страну антихриста Хрущева...» И дальше пошли антисоветские назидания, суть которых сводилась к тому, что все, что будет говорить советский лидер, – это ложь, фарисейство, обман. Закончил епископ призывом к американцам молить бога о спасении их от страшного коммунистического искушения.

Хрущев прилетел в Вашингтон на лайнере Ту-114. По взаимной договоренности сторон его встречали как главу государства, хотя официально, по протоколу, он значился вторым лицом, занимая пост председателя Совета Министров. На аэродром прибыл президент Эйзенхауэр. Прозвучали приветственные речи. Прогремел двадцать один залп артиллерийского салюта. Затем Эйзенхауэр и Хрущев в открытой машине направились в Блэйер-Хаус – резиденцию высокого гостя.

Вместе с Хрущевым прибыли его жена, две дочери с мужьями, сын, министры, ученые, советники, консультанты, писатель Михаил Шолохов с женой, журналисты, несколько десятков сотрудников охраны и обслуживающего персонала. Всего около девяноста человек.

За несколько часов до въезда Хрущева в Вашингтон по маршруту проехал автомобиль с плакатом, на котором было написано: «Никаких приветствий, никаких аплодисментов – будьте вежливы и

молчаливы». Тем не менее встречать советского лидера вышло на улицы небывалое число жителей – около трехсот тысяч. Некоторые из них держали приветственные плакаты, но были и недоброжелательные. Многие американцы ждали и надеялись, что визит будет способствовать тому, чтобы направить американо-советские отношения в русло взаимовыгодного сотрудничества.

В Вашингтоне Хрущев пробыл два дня. Программа его была крайне насыщена: полет на вертолете над Вашингтоном, встреча с президентом Эйзенхауэром, обед в Белом доме, встреча с журналистами в Национальном клубе печати, беседа с лидерами американского конгресса, обед в советском посольстве в честь президента Эйзенхауэра. Во время этих продолжительных мероприятий Хрущев произносил речи, часто отклоняясь от заранее подготовленного текста, пространно отвечал на многочисленные вопросы присутствовавших. Весьма напряженной была встреча с журналистами. К ней «гангстеры пера» специально готовились и заранее в письменном виде передали каверзные вопросы для Хрущева через председателя клуба У. Лоуренса, который никогда не скрывал своего неприязненного отношения к Советскому Союзу. Одним словом, готовилась «психическая атака» на лидера коммунистов, чтобы вывести его из равновесия. Я присутствовал на этой встрече в Национальном клубе печати от начала до конца и откровенно скажу: заранее спланированная атака, по моему мнению, до некоторой степени удалась. Когда Хрущеву задавали провокационные по форме вопросы, связанные с культом личности Сталина, вмешательством СССР в события в Венгрии или с «закапыванием капитализма»¹⁴, наш председатель Совета Министров немедленно взрывался, терял хладнокровие, повышал голос, лихорадочно жестикулировал, сжимал пальцы в кулаки и употреблял неподобающие главе государства выражения, вроде: «Вы опять мне дохлую крысу подбрасываете. Если хотите нашу беседу направить в это русло, я вам не дохлую крысу, а дохлую кошку могу подбросить». В зале часто раздавался смех, но смеялись чаще не над развязными журналистами, а, к сожалению, над советским лидером.

Справедливости ради надо сказать, что нередко Хрущев выступал с мудрыми речами и толково проводил беседы с высокопоставленными представителями США. В частности, мне понравились его краткие, убедительные ответы на вопросы конгрессменов во время встречи 16 сентября в Капитолии.

Но эмоциональные взрывы часто портили положительное впечатление.

Из Вашингтона Хрущев с делегацией в сопровождении шумной ватаги американских и иностранных журналистов, вооруженных всевозможной телевизионной, фото– и звукозаписывающей техникой, отправился в одиннадцатидневную поездку по различным городам и районам США: Нью-Йорк – Лос-Анджелес – Сан-Франциско – Де Мойн – Питтсбург, откуда возвратился в Вашингтон для заключительных бесед с президентом Эйзенхауэром. В каждом из названных городов устраивались официальные приемы, посещение промышленных предприятий, научно-исследовательских институтов, университетов, школ, ферм... Американцы удивлялись крепкому здоровью, выносливости и энергии шестидесятипятилетнего советского лидера, его способности выдерживать большие физические и психологические нагрузки.

Однажды мы долго колесили на автомобилях по сельским дорогам, чтобы попасть на ферму Гарста. Я ехал в машине вместе с министром высшего образования Вячеславом Петровичем Елютиным и помощником Хрущева Лебедевым. Хозяин Кремля несколько раз останавливался возле полей, чтобы осмотреть кукурузу и пшеницу. Замирал и весь караван автомашин со свитой, обслугой и корреспондентами, растянувшийся на три-четыре километра. Теле– и кинооператоры стремглав неслись со своей техникой, чтобы запечатлеть Хрущева. Бегал с ними и я – как бы чего не случилось.

Возвращаясь как-то после очередной пробежки, я разговорился с двумя кинооператорами. Один из них воскликнул:

– О, Боже мой! Когда это все кончится. Я уже не могу больше бегать. Попросите Хрущева, чтобы он не останавливался в пути.

Далее выяснилось, что хозяева их компаний дали указание снимать советского лидера всюду, где только можно, и что кинооператоры уже использовали в тридцать раз больше киноплёнки, чем обычно они тратят на визит главы великой державы.

Во время пребывания в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, крупнейших городах богатейшего штата Калифорния, было заметно, что мэры заранее подготовились к тому, чтобы дать политическое сражение Хрущеву в ходе запланированных встреч. В Лос-Анджелесе после встречи с киноактерами в Голливуде и осмотра достопримечательностей города вечером в большом зале отеля «Амбассадор» состоялся прием в честь Хрущева, устроенный местными властями. Начался раут, как принято в США, с ужина. Играла спокойная мелодичная музыка. Присутствовавшие пили вино, ели, мирно разговаривали друг с другом. За столом президиума сидели почетные лица во главе с Хрущевым и мэром Паулсоном. После

¹⁴ В одном из своих выступлений Н. С. Хрущев неловко, как это с ним случалось в полемическом запале, перефразировал известную марксистскую формулу: «Пролетариат – могильщик капитализма», заявив, что капиталисты грозятся-де уничтожить коммунизм, но на самом деле коммунисты закопают капитализм в могилу. Этот пропагандистский пассаж был подхвачен средствами массовой информации Запада, которые использовали его как доказательство двуличия внешней политики Кремля, который на словах проповедует мирное сосуществование стран с различными общественными системами, а на деле стремится «закопать в землю», т. е. похоронить, уничтожить капитализм.

окончания трапезы городской Голова произнес приветственную речь, в которой допустил грубый политический выпад в адрес высокого советского гостя. «Вам не удастся нас похоронить, господин Хрущев, – угрожающе произнес он, – и не стремитесь к этому. Если нужно, мы будем сражаться насмерть».

Ответное слово Хрущев начал, читая подготовленный текст, в котором говорилось о необходимости для наших народов разоружаться, жить в мире и дружбе. Затем, отложив в сторону подготовленную речь, обращаясь к мэру Паулсону, сказал:

– Зачем вы возвращаетесь к тому, что я предельно ясно объяснил в первых выступлениях по прибытии в Вашингтон? Мы протягиваем вам руку дружбы. Не хотите принимать – скажите прямо. Если вы не готовы к разоружению и хотите продолжать гонку вооружений, у нас не останется другого выхода, кроме продолжения производства ракет, которые мы производим сейчас на конвейере.

Далее Хрущев заявил, что если американская сторона не готова к серьезному, спокойному обмену мнениями, он может прекратить поездку по США.

На другой день американские газеты писали о неуместном выступлении мэра, о «недружественном приеме» и отмечали, что общественное мнение не на стороне тех, кто намерен столь холодно встречать советского лидера.

Из Лос-Анджелеса Хрущев поездом прибыл в Сан-Франциско. Городские власти и население его хорошо встречали. Но чувствовалось, что наш премьер тяжело переживал перепалку с Паулсоном. Во время прогулки на корабле береговой охраны по красивейшему заливу Сан-Франциско корреспонденты плотным кольцом окружили стоявших на палубе Хрущева, Лоджа¹⁵ и капитана корабля. Посыпалось множество вопросов. «Прессмены» прикрепляли микрофоны звукозаписывающих аппаратов на концы удочек и держали их на расстоянии каких-нибудь полсотни сантиметров от лица высокого гостя. С помощью такого самодельного устройства им удавалось ловить каждое слово. Когда Хрущев показали на американский авианосец, стоявший вдали, наш премьер затронул тему разоружения, сказав, что эти морские махины пора пустить на металлолом. На вопрос корреспондентов, что Советский Союз намерен делать со своими подводными лодками, Хрущев ответил:

– Сейчас мы начинаем приспособливать их для лова селедки.

Все кругом захохотали. Под несмолкающий смех советский премьер в шуточной форме стал излагать возможные методы ловли селедки с субмарин.

Внезапно Хрущев сказал Лоджу, что он хочет сообщить только ему очень важные секретные сведения. Охрана оттеснила корреспондентов с их удочками на несколько метров от Хрущева. Все умолкло. Хрущев тихо говорил на ухо переводчику, а тот шептал в ухо Лоджу. Лица у всех посерьезнели. И тут Лодж, Хрущев и стоявшие рядом несколько человек разразились смехом. Корреспонденты переполошились – переведите, что сказал советский премьер?! Хрущев опять подчеркнул, что это совершенно секретные сведения, не подлежащие оглашению. А «секрет» состоял вот в чем:

– Этот мэр Лос-Анджелеса, этот Паулсон, в общем неплохой мужик, – сообщил хозяин Кремля Лоджу. – Но вчера он оскандалился на приеме: хотел немножко испортить атмосферу, однако перестарался и наложил полные штаны.

Хрущев ушел в каюту, а толпившиеся на палубе корреспонденты еще долго смеялись и обсуждали «секретное сообщение» советского премьера.

В Сан-Франциско состоялась закрытая встреча руководителей деятелей профсоюзного движения США с высоким гостем. Большинство руководителей профсоюзов – люди, настроенные крайне антисоветски, – долгие годы отказывались от контактов с советскими профсоюзами. Как и следовало ожидать, они задавали много каверзных вопросов о культе личности, о событиях в Венгрии, об отсутствии свободы и демократии в нашей стране... Такие вопросы действовали на Хрущева, как красная тряпка на быка. Он пришел в ярость. Началась горячая словесная перепалка, перешедшая в ругань. Это длилось часа три. Потом высокие спорящие стороны все же успокоились и пришли к согласию: рабочим всех стран нужно налаживать сотрудничество, чтобы лучше обеспечить свои коренные интересы – сохранить мир на Земле и улучшить условия жизни.

24 сентября Хрущев возвратился в Вашингтон, дал прием в советском посольстве, повстречался с представителями деловых кругов, побывал на приеме у государственного секретаря Кристиана Гертера, провел беседы с Эйзенхауэром в загородной резиденции президента Кэмп-Дэвиде. В последний день визита он провел пресс-конференцию, выступил по телевидению и вечером 29 сентября вылетел в Москву.

Не претендуя на истину в последней инстанции, я хочу кратко рассказать о впечатлении, которое произвел на меня Хрущев во время пребывания в США.

В заранее написанных речах наш лидер мотивированно излагал основные принципы советской политики: необходимость мирного сосуществования, прекращения гонки вооружений и начала процесса разоружения, развития сотрудничества между СССР и США в области экономики, политики, культуры. Следует отметить, что эти идеи, высказывавшиеся советским премьером, падали на не очень

¹⁵ Генри Кэбот Лодж – американский политический деятель и дипломат. В 1953–1960 годах был постоянным представителем США при ООН. Сопровождал Н. С. Хрущева в поездке по Соединенным Штатам.

благоприятную почву. Руководящие круги США все еще по инерции придерживались доктрины завоевания силой господствующего положения в мире. Поэтому им была нужна гонка вооружений. Американцы, подвергавшиеся в течение почти полутора десятка лет усиленной антисоветской обработке, опасавшиеся безработицы в случае проведения программы разоружения, относились к выступлениям Хрущева с недоверием. В Вашингтоне не желали развивать сотрудничество между нашими странами, особенно в области экономики, науки и торговли, так как считали, что это было более выгодно СССР, чем США.

В силу этого никаких важных соглашений в результате визита подписано не было.

Визит Хрущева проходил в сложной обстановке. Хотя на улицах его встречали в основном доброжелательно, все же находились и враждебно настроенные люди с антисоветскими транспарантами, выкрикивавшие бранные фразы в адрес хозяина Кремля и политики Москвы. Большая часть печатных изданий, радио и телевидение мгновенно подвергали резкой критике все конструктивные предложения, высказываемые Хрущевым.

В такой сложной обстановке советскому лидеру, конечно, было нелегко.

За время моего пребывания в США и Англии я слушал многих государственных деятелей, в том числе Ф. Рузвельта, Г. Трумэна, У. Черчилля, К. Эттли, Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди. Ни на кого из них даже отдаленно Хрущев не походил. Бросалось в глаза, что в своих выступлениях он часто не в меру превозносил достижения Советского Союза, подчеркивал, что СССР первым запустил спутник, первым доставил вымпел на Луну, копию которого с многозначительной улыбкой в первый же день визита подарил президенту Эйзенхауэру. Говорил, что мы первыми построили атомный ледокол, хвалил Ту-114, хотя «Боинг-707», на котором он сам летал, был более совершенной и комфортабельной машиной. Все это раздражало правительственное и многочисленные круги в США, которые болезненно воспринимали известия о том, что они уступили в той или иной области науки и техники. Хрущев, правда, признавал, что американцы тогда жили богаче, но тут же добавлял, что в 1980 году мы построим коммунизм и советские люди будут жить лучше, чем американцы. Здравомыслящие люди в США понимали, что подобные заявления несерьезны и представляют собой сущее бахвальство.

Хрущев проявил себя упрямым, капризным, болтливым, вспыльчивым, властолюбивым человеком. Ему не хватало хладнокровия, выдержки, умения терпеливо ждать, наконец, немногословия – этих неотъемлемых качеств государственного деятеля. Порой у него отсутствовала элементарная воспитанность. К тому же Хрущев был несдержан в употреблении вина и яств на приемах, которые обычно предшествовали его выступлению с главной речью.

В ходе политических разговоров, пресс-конференций Хрущев нередко переходил на резкости и просто грубости. В Лос-Анджелесе он так обиделся на речь мэра, что пригрозил прервать визит и покинуть Соединенные Штаты. На встрече с лидерами американских профсоюзов, когда было особенно важно показать государственную рассудительность, чтобы способствовать установлению контактов между профцентрами СССР и США, Хрущев, потеряв голову от ярости, разразился такой руганью, которую не решились предать гласности даже самые падкие на сенсацию газеты.

Наш премьер был очень словоохотливым. Он любил находиться в центре внимания, чтобы все слушали только его. При этом старался показаться неординарным, приводил всякие пословицы и поговорки, рассказывал байки и анекдоты, чтобы рассмешить публику. В такие моменты он, к сожалению, забывал о своем высоком положении и походил больше на скомороха. И стоило кому-либо из окружающих хоть чуть-чуть задеть его самолюбие, Хрущев тотчас взрывался. Американские репортеры дали ему прозвище «Хрущев непредсказуемый». И надо признаться, что в общем оно было удачным. Приведу несколько примеров.

Однажды во время поездки в автомобиле вместе с сопровождавшими его К. Лоджем, послом СССР в США М. А. Меньшиковым и послом США в СССР Ф. Коллером Хрущев, неожиданно обратившись к американцам, заявил:

– Ваш директор ЦРУ Аллен Даллес считает себя сверхшпионом. – И покрутив пальцем у виска, продолжил: – Но «сельсовет» у него не всегда хорошо работает. Он передает арабским антисоветским организациям десятки тысяч долларов, шифры, радиостанции, но все это попадает к нам.

Лодж и Коллер были поражены, но, вежливо улыбнувшись, воздержались от комментариев.

Накануне отлета из Вашингтона мы рано пришли в Блейер-Хаус, резиденцию Хрущева. Пока премьер завтракал, представитель нашей военной разведки и я, как обычно, устно сообщили Захарову разведывательную информацию, с которой он по своему усмотрению мог ознакомить Хрущева. На этот раз мы доложили, что пока наш лидер находится в США, американская разведслужба намерена послать свой самолет в международное пространство вдоль Черноморского побережья Кавказа. Цель полета – спровоцировать работу советских радиолокационных установок ПВО, чтобы их местонахождение могли засечь американские пеленгаторные станции, находившиеся в Турции и Иране.

Через несколько минут Хрущев спустился в вестибюль, где собралось много американских и иностранных журналистов, и заявил:

– Я получил информацию, что США собираются направить разведывательный самолет в район Черноморского побережья Кавказа. Я дал указание сбить этот самолет.

Все остолбенели. Помимо всего прочего, это непродуманное заявление могло явиться причиной провала нашего источника.

Хочу добавить от себя, если бы Хрущев был мудрым и сдержанным государственным деятелем,

то за время двенадцатидневного визита сумел бы более достойно представить СССР, произвести на американскую общественность благоприятное впечатление и добиться ощутимых сдвигов в развитии сотрудничества между нашими странами. Но прорыва, как сказали бы в наши дни, не получилось.

Вскоре после отлета Хрущева правительство Эйзенхауэра своей практической внешнеполитической деятельностью показало, что оно не намерено отказываться от политики «с позиции силы» и гонки ракетно-ядерного вооружения. В начале 1960 года Вашингтон возобновил атомные испытания и дал ясно понять: он не заинтересован в достижении соглашений по разоружению и контролю над вооружениями. К назначенному на 15 мая совещанию в верхах в Париже США подготовили пакет предложений, который заведомо был неприемлем для СССР. Американское правительство продолжало посылать шпионские самолеты «У-2» в воздушное пространство Советского Союза. Один из них, как известно, был сбит ракетой под Свердловском.

Накануне открытия совещания Вашингтон объявил состояние тревоги в своих вооруженных силах как в США, так и за границей.

По прибытии в Париж Хрущев заявил, что он начнет переговоры только при условии, если Эйзенхауэр принесет извинения Советскому Союзу и даст заверения о прекращении полетов «У-2» над СССР. Президент США отказался принять эти требования. Совещание было сорвано.

«Холодная война» стала еще «холоднее».

ОПЯТЬ КОМАНДИРОВКА ЗА ОКЕАН

Весной 1960 года руководство предупредило меня, что я назначен резидентом в одну из важных стран. И спросило, нет ли возражений. Я согласился, но высказал пожелание, что не хотел бы снова ехать в США. Руководство вроде бы это приняло.

В июне начальник разведки А. М. Сахаровский вызвал меня и сказал:

– Мне понятно ваше нежелание ехать снова в США. Там очень сложная обстановка и трудно работать. Но у нас нет сейчас другого опытного сотрудника, которого мы могли бы направить резидентом в такую важную точку, как Вашингтон.

Свое решение Сахаровский мотивировал тем, что я как начальник американского отдела хорошо знаю Соединенные Штаты и все наши разведывательные проблемы в этой стране. Деваться было некуда – я согласился.

В конце августа я прибыл в Вашингтон на должность советника нашего посольства. Посол М. А. Меньшиков хорошо меня принял, ввел в курс последних событий внутренней и внешней политики администрации США и особенно советско-американских отношений. Он поручил посланнику М. Н. Смирновскому при первой возможности взять меня в госдепартамент и представить там руководству советского отдела. Посоветовал, как лучше приобрести связи в дипломатических кругах Вашингтона.

Около двух месяцев я наносил визиты вежливости своим коллегам – советникам в различных посольствах, со странами которых СССР поддерживал дипломатические отношения. Посетил редакцию влиятельной газеты «Вашингтон пост», которая размещалась в соседнем здании с посольством. Заместитель главного редактора газеты рассказал мне, как делается газета, и познакомил с корреспондентами, освещающими внешнеполитические проблемы, деятельность Белого дома, госдепартамента, Пентагона.

После этого меня стали приглашать на приемы в различные посольства, где я приобрел новые знакомства среди дипломатов, корреспондентов, сотрудников правительственных учреждений, которые располагали важной информацией, интересующей нашу разведку.

В то время главной темой разговоров в вашингтонских кругах был ход президентской избирательной кампании. Всех интересовало, кто победит – республиканцы или демократы. Республиканское правительство и сам президент по инерции доживали свой срок и никаких важных государственных задач решать не собирались. Об этом, в частности, свидетельствует такой случай.

В конце сентября Эйзенхауэр проводил очередную пресс-конференцию в Белом доме. Его пресс-секретарь Джеймс Хегерти, как обычно, позаботился о том, чтобы заранее выяснить, какие вопросы будут заданы президенту, и подготовил для него соответствующие ответы. Пресс-конференция в Белом доме – это во многом своего рода хорошо подготовленный спектакль, неожиданно корреспондент ТАСС Михаил Сагателян, сидевший во втором ряду напротив Эйзенхауэра, стал настойчиво тянуть руку, прося, чтобы ему дали возможность задать вопрос. Это было воистину «историческое» событие: прежде советские корреспонденты вопросов президентам США не задавали. Эйзенхауэр почему-то не замечал руки Сагателяна, а предоставлял слово другим журналистам. Из зала уже стали подсказывать президенту, чтобы он дал слово советскому корреспонденту. Наконец президент указал рукой и на Сагателяна. Тот встал, представился и задал элементарный вопрос:

– Намеревается ли правительство США выступить с новыми предложениями по разоружению на предстоящей Генеральной Ассамблее ООН?

После некоторого молчания Эйзенхауэр ответил:

– Да, правительство США собирается внести новые предложения по разоружению. – Затем он помолчал и повторил: – Да, правительство США собирается внести новые предложения по разоружению...

Снова молчание. В третий раз Эйзенхауэр начал повторять одно и то же. Фразы президента

походили на звучание испорченной пластинки. Все в зале были удивлены, почему Эйзенхауэр «буксует». В этот момент к президенту подошел Джеймс Хегерти и что-то сказал ему на ухо. После подсказки Эйзенхауэр заявил, что скоро новые американские предложения по разоружению будут опубликованы госдепартаментом в прессе.

Заминка у Эйзенхауэра с ответом произошла из-за того, что между нашими странами сохранялись очень напряженные отношения. Возможно, он подозревал, что в вопросе советского корреспондента содержится какой-то подвох. Главное же, семидесятилетний хозяин Белого дома к концу своего президентства убедился, что навязанная ему агрессивная внешняя политика против СССР потерпела крах, что она, в общем-то, была ненужной для Америки. Он разочаровался к этому времени, морально и физически выдохся и перестал вникать в дела.

Но несмотря на это, Эйзенхауэр пользовался большим уважением не столько как президент, а как главнокомандующий войсками западных союзников во второй мировой войне.

Борьба за пост президента США во время выборов в 1960 году была очень напряженной. От республиканской партии кандидатом был вице-президент Ричард Никсон, опытный политик, но ярый реакционер. Его поддерживал военно-промышленный комплекс, производивший ракетно-ядерное и другое новейшее оружие.

Кандидат от демократической партии сенатор Джон Кеннеди опирался на политические круги, большая часть которых не была связана с военным производством. Католик по вероисповеданию, он пользовался поддержкой той части населения, которая исповедовала католицизм. За него выступали интеллигенция, молодежь, профсоюзы и негритянское население. Отец будущего президента – мультимиллионер Джозеф Кеннеди – не скупился на расходы, лишь бы его сын стал хозяином Белого дома. Кстати, руководителем избирательной кампании Джона Кеннеди был его младший брат – Роберт, получивший после победы демократов важный портфель министра юстиции.

Впервые в истории США кандидаты в президенты провели дискуссию по телевидению в прямом эфире. Один из них задавал вопрос противнику, который в течение пяти минут должен был дать без подсказки, экспромтом, ответ. Затем они менялись ролями. Между претендентами сидел арбитр, наблюдавший за соблюдением правил. Кандидаты засыпали друг друга самыми каверзными вопросами, чтобы поставить противника в тупик и показать телезрителям его некомпетентность в проблемах внутренней и внешней политики. Схватка проходила напряженно, и вся страна следила за ней. По общему признанию, в дискуссии победил Кеннеди.

После инцидента с самолетом «У-2» отношения Хрущева с республиканской администрацией США были испорчены, а личное отношение к Никсону стало неприязненным. Ввиду этого руководство СССР и особенно сам Хрущев хотели, чтобы на выборах победил Кеннеди. Он считал, что с демократическим президентом ему будет легче установить нормальные деловые отношения.

Резидентура получила указание регулярно информировать Центр о ходе избирательной кампании и давать предложения, какие мероприятия следует провести Москве в дипломатическом, пропагандистском или другом плане, чтобы способствовать победе Кеннеди. Мы долго мучились, как лучше выполнить указание Центра. Перебрали все имеющиеся возможности – безрезультатно. Затем один из наших сотрудников посетил избирательный штаб демократической партии и познакомился с одним из его членов. Назовем его мистер Д. Выяснилось, что мистер Д. находится в хороших отношениях с Робертом Кеннеди. Было решено через мистера Д. передать Р. Кеннеди просьбу о том, чтобы он принял сотрудника советского посольства для обсуждения важных вопросов, относящихся к избирательной кампании. Кеннеди согласился.

В ходе встречи оперработник резидентуры, выступавший под маской сотрудника посольства, прямо сказал Р. Кеннеди, что кремлевские руководители очень интересуются, как проходит избирательная кампания, что они хотели бы видеть его брата Джона новым президентом. Наш товарищ также добавил: в Кремле интересуются и тем, какие шансы у его брата на победу и не следует ли Москве косвенно выступить в печати, чтобы это способствовало успеху Джона Кеннеди.

– Предвыборная борьба очень трудная, – сказал на это Роберт Кеннеди, – но мой брат рассчитывает одержать победу.

Тут он встал и отодвинул штору с висевшей на стене большой карты, на которой во всех пятидесяти штатах были проставлены цифры, обозначающие вероятное число выборщиков от демократической и республиканской партий – прогноз штаба Р. Кеннеди при этом заметил, что советский дипломат может записать эти данные. Что и было сделано. – Что же касается Москвы, – продолжил брат будущего президента, – то ей ни в коем случае не следует выступать в поддержку Джона Кеннеди. В Америке это немедленно будет истолковано как вмешательство во внутренние дела и обернется большой политической ошибкой, которая может привести к поражению демократов. Лучше всего, если Москва будет придерживаться нейтральной позиции. А после прихода к власти демократов между нашими правительствами и странами, надеюсь, удастся установить нормальные взаимовыгодные отношения.

Я направил подробную информацию о беседе с Р. Кеннеди начальнику разведки. После этого Центр больше не запрашивал у нас информацию о ходе предвыборной кампании.

Вскоре на одном из приемов в Москве корреспондент задал Хрущеву вопрос, кого он хотел бы увидеть победителем на предстоящих президентских выборах в США? Премьер, очевидно, с учетом полученной информации ответил образно, в хрущевском стиле:

– Никсон и Кеннеди – два сапога пара. Советское правительство никому из них не отдает предпочтение.

Этот ответ оживленно и с юмором комментировался американскими средствами массовой информации.

Прогноз Роберта Кеннеди оказался точным. 8 ноября на выборах победу одержал его брат – Джон, которому тогда было 43 года. Он стал самым молодым президентом в истории Соединенных Штатов.

Одновременно со сменой хозяина Белого дома произошла замена и хозяина нашего посольства в Вашингтоне. Находившийся на этом посту пятидесятивосьмилетний М. А. Меньшиков до прихода в МИД долгое время работал на ответственных постах в Министерстве внешней торговли. Два года ему принадлежал портфель министра внешней торговли. Между послом Меньшиковым и главой советской дипломатии А. А. Громыко отношения сложились не лучшим образом. Поэтому, воспользовавшись приходом к власти нового американского президента, кремлевский министр иностранных дел быстро заменил Меньшикова другим, более молодым послом Анатолием Федоровичем Добрыниным, которому тогда исполнился сорок один год. Он считался опытным дипломатом-американистом и, можно сказать, всю свою жизнь занимался советско-американскими отношениями, много лет проработал в США и имел связи во влиятельных кругах Вашингтона. Работая в МИД, он находился в непосредственном подчинении у Громыко и имел с ним хорошие личные отношения. Добрынин, безусловно, являлся человеком Громыко. Таких сотрудников дипломатического ведомства шутливо, но язвительно окрестили «огромыченными».

Итак, Хрущев и его окружение стремились установить хорошие, плодотворные контакты с правительством Дж. Кеннеди, которые работали бы на взаимовыгодное сотрудничество. А тут еще у нас испортились отношения с Китаем.

Однако радужным надеждам Хрущева не суждено было сбыться. В первые два года администрация Кеннеди, как и все предшествующие послевоенные американские правительства, проводила внешнюю и внутреннюю политику в интересах большого бизнеса, с позиции силы, быстрыми темпами усиливала ракетно-ядерный потенциал и не намеревалась отказываться от мирового лидерства и борьбы с мировой социалистической системой. В то же самое время правительство Джона Кеннеди старалось создать видимость того, будто бы оно стремилось к улучшению советско-американских отношений. Внешняя политика США в 1961–1962 годах оставалась противоречивой, непоследовательной, а отношения между США и СССР носили нервный, порывистый характер – то ухудшались, то улучшались. В доказательство существования в тот период сложного, неустойчивого характера контактов между Соединенными Штатами и нашей страной приведу лишь некоторые примеры:

1. В целях улучшения отношений с США советское правительство 25 января 1961 г. освободило двух американских летчиков со сбитого летом 1960 года над территорией СССР американского военного самолета «РБ-47».

2. В ответ Кеннеди делает агрессивный ход – 17 апреля предпринимает попытку свергнуть режим Фиделя Кастро на Кубе с помощью армии наемников, подготовленной ЦРУ.

3. По инициативе Хрущева 3 и 4 июня в Вене состоялась его единственная личная встреча с Кеннеди. Чувствуя, что после фиаско в кубинском Заливе Свиней престиж американского президента в мире резко упал, Хрущев пытается добиться от США уступок по германскому вопросу и Западному Берлину. Обсуждались также общие проблемы разоружения и создания нейтрального Лаоса. Кеннеди же прилетел в Вену главным образом с целью изучения личности советского лидера, о котором в Соединенных Штатах ходило много анекдотов. Резкие разногласия вызвало обсуждение берлинского вопроса. Хрущев заявил, что если эта проблема не будет решена, то СССР подпишет сепаратный мирный договор с ГДР в декабре 1961 года и после этого не будет признавать права американцев в Западном Берлине.

Никакого соглашения в Вене не достигли. Расставаясь с Хрущевым, Кеннеди сказал: «Да, предстоящая зима будет холодной».

4. 22 июля президент в своем обращении по телевидению к американскому народу заявил, что если нужно, США не остановятся перед войной, чтобы защитить Западный Берлин. Одновременно Кеннеди приказал в три раза увеличить набор в вооруженные силы, призвать на действительную службу двести пятьдесят тысяч резервистов, прекратить вывод из строя устаревающих военно-морских кораблей и самолетов, а также увеличить военный бюджет на шесть миллиардов долларов. Направлялись американские войска в Западную Германию. В стране фактически была объявлена частичная мобилизация. Среди населения распространялся военный психоз, состоятельные американцы начали строить индивидуальные бомбоубежища.

5. 13 августа власти ГДР возвели стену, разделившую Берлин на две части.

6. 1 сентября после трехлетнего моратория Советский Союз на Новой Земле начал взрывать в атмосфере водородные бомбы мощностью более пятидесяти мегатонн. В эти дни советник посольства Норвегии в Вашингтоне в разговоре со мной сказал: «При взрыве каждой вашей мегатонной ядерной бомбы у обитателей Белого дома на мгновение темнеет в глазах».

7. В ответ 12 сентября американцы также возобновили взрывы ядерного оружия.

Напряженность в отношениях между США и СССР из-за Западного Берлина возрастала. Хрущев, осознав опасность случайного возникновения военного конфликта, предпринял следующий маневр. В

состав возглавляемой Громыко советской делегации на Генеральную Ассамблею ООН он включил председателя Всесоюзного комитета по телевидению и радиовещанию М. А. Харламова, установившего в Вене знакомство с пресс-секретарем Кеннеди Сэллинджером. Президент Кеннеди прибыл 22 сентября в Нью-Йорк, чтобы произнести речь в ООН. В этот же день советник совпосольства Г. Большаков попросил Сэллинджера срочно встретиться с ним. На встречу пришел и Харламов, первыми словами которого были: «Буря над Западным Берлином прекратилась». Далее он сообщил, что Хрущев во имя сохранения мира хочет снова попытаться найти компромиссное решение по берлинскому вопросу. Он готов в ближайшее время провести еще одну встречу с президентом. Однако понимает что это нелегко сделать из-за вполне понятных политических трудностей у Кеннеди. Хрущев надеется, что выступление Кеннеди на Генеральной Ассамблее не будет таким воинственным, как речь 22 июля.

В тот же вечер, после консультации по телефону с госсекретарем Дином Раском, Кеннеди подготовил записку с вежливым ответом Хрущеву и поручил Сэллинджеру зачитать ее Харламову. В ответе сообщалось, что президент приветствует желание советского лидера снова попытаться найти решение по Западному Берлину. Далее напоминалось, что обеим сторонам нужно выполнить на практике прежнюю договоренность о прекращении военных действий в Лаосе и создании там нейтрального правительства.

Установленный секретный канал связи между Кеннеди и Хрущевым через Большакова и Сэллинджера (иногда его заменял Роберт Кеннеди) действовал до смерти президента в ноябре 1963 года. Через него была достигнута договоренность о том, что Алексей Аджубей, зять Хрущева, возьмет интервью у президента Кеннеди и опубликует его в газете «Известия», что было сделано в ноябре. По приглашению Аджубея Сэллинджер в июне 1962 года совершил поездку в Москву. Хрущевский зять имел важную беседу с Кеннеди в Белом доме, а заокеанский пресс-секретарь с Хрущевым в Москве, в ходе которых обсуждались проблемы Западного Берлина и Германии. Американской стороной впервые был поднят вопрос о необходимости запрещения ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой.

Посол Добрынин знал о секретном канале и сведениях, передаваемых по нему, однако был недоволен его существованием. Он хотел, чтобы все контакты с Белым домом осуществлялись только через него.

Начавшийся после западноберлинского кризиса процесс улучшения советско-американских отношений прервался внезапно разразившимся острым карибским кризисом, в разрешении которого участвовала внешняя разведка КГБ СССР. Но об этом несколько ниже. А пока заметим, что в США шла работа по разложению и ликвидации прогрессивных организаций. Американская контрразведка особое внимание уделяла наблюдению за советскими сотрудниками в стране, особенно в Вашингтоне, чтобы зафиксировать их контакты с американцами, работающими в государственных учреждениях и имеющими доступ к секретам. Для этого ФБР использовало технику подслушивания и кинофильмирования, подставы своих агентов и, конечно, плотное наружное наблюдение. Это особое «внимание» со стороны фэбээровцев я чувствовал лично на себе.

В Вашингтоне я с семьей жил в большом многоэтажном доме, в котором размещались сдаваемые внаем квартиры и гостиница. В каждом подъезде круглосуточно дежурили вахтеры. ФБР использовало их для контроля за нами. Они передавали «наружникам» сведения о моем появлении или уходе. Слежка велась иногда настолько грубо, что ее замечали даже дети.

Я часто приезжал на машине домой обедать. Однажды жена позвала из окна мою десятилетнюю дочь Иру. Войдя в квартиру, девочка поспешила поделиться со мной:

– Папа, к нам во двор приехала интересная машина. В ней сидят три дяди. У них есть радиостанция, телефон, кинокамера, они кипятят воду в электрочайнике и едят бутерброды. Когда я с подругой подошла к ним, дяди нас прогнали. Папа, что это за машина?

Я ответил, что не знаю, и мы сели обедать.

Наши разведчики, как правило, вели себя утихо в отношении сотрудников ФБР. Мы не старались без надобности уходить от слежки, обманывать сотрудников наружного наблюдения, показывать, что обнаружили их. В противном случае нам мстили: прокалывали покрышки или выводили из строя двигатели автомашин.

Частенько американская контрразведка подставляла нам своих агентов, которые провоцировали, чтобы их вербовали. Обычно провокаторов своевременно разоблачали, но бывали и промахи. За три с половиной года моей работы в Вашингтоне два наших сотрудника попались на «подставах», были объявлены персонами нон грата и отправлены домой. Не меньше насчитывалось провалов и у американской разведки в Советском Союзе. Одним словом, борьба советских и американских спецслужб шла жестокая. Обе стороны несли потери.

Несмотря на сложность агентурно-оперативной обстановки в Вашингтоне и постоянно расширяющиеся масштабы деятельности противника, у советской разведки все же имелись возможности для привлечения к сотрудничеству американцев и иностранцев, располагавших важной для нашего государства секретной информацией. Среди американских государственных служащих были люди, которые в душе протестовали против политики Вашингтона в отношении социалистических и развивающихся стран. Некоторые ученые и инженерно-технические работники возмущались тем, что США являлись застрельщиками гонки ракетно-ядерного вооружения и готовили планы превентивной войны против Советского Союза.

Многие дипломаты стран Азии, Африки и особенно Латинской Америки были настроены

откровенно враждебно к США за то, что американские монополии с помощью местных дельцов грабили природные богатства их стран, эксплуатировали их народы. Эти лица представляли интерес для советской разведки и при умелом подходе могли быть привлечены к сотрудничеству на идейно-политической да и просто на сугубо нравственной, общечеловеческой основе.

Яркий пример – действия двух молодых американцев Уильяма Мартина и Бернона Митчелла, которые в 1960 году, когда я еще был начальником отдела в Центре, добровольно связались с советской разведкой и передали ей секретные сведения о тайной подрывной деятельности одной из важных спецслужб США против Советского Союза. В то время Митчеллу исполнился тридцать один год, а Мартин был еще моложе. Оба они происходили из хорошо обеспеченных семей. В школе отлично учились и проявляли склонность к математике. Затем продолжали свое образование в университетах: Мартин в штате Вашингтон, а Митчелл в Калифорнии. Когда подошло время, они пошли служить в военно-морской флот. Учитывая, что оба увлекались математикой, их зачислили на службу на военно-морские базы по перехвату и раскрытию секретных шифрованных передач в СССР и КНР. Мартин вначале служил на Аляске, а затем его перевели на особо секретную базу в Японии, где он впервые встретился с Берноном Митчеллом. Они стали друзьями. После окончания службы в ВМС парни продолжали учебу в высших учебных заведениях. Закончив их, летом 1957 года оба поступили в Агентство национальной безопасности (АНБ). Их быстро приняли, так как они были отличными математиками и уже имели допуск к работе с документами высшей секретности. Политикой друзья никогда не увлекались.

АНБ – одна из самых важных и дорогостоящих разведслужб США. Оно входит в состав Пентагона. В 1990 году только в научно-исследовательском центре АНБ, расположенном в форте Мид, в сорока километрах от Вашингтона, работало более тринадцати тысяч сотрудников. На многочисленных станциях и пунктах перехвата, рассеянных по всем частям света, занято около ста тридцати тысяч человек. Ежегодные ассигнования агентству составляют около пятнадцати миллиардов долларов. Оно оснащено новейшей техникой, и в нем находится значительно больше ЭВМ, чем в каком-либо другом ведомстве США. АНБ ведет разведку научно-техническими средствами, с тем чтобы добыть секретные сведения о других странах.

Будучи честными людьми, Мартин и Митчелл считали, что США проводят агрессивную внешнюю политику в целях завоевания мирового господства и готовятся к войне. Они пришли к заключению: долг их совести – сообщить Москве сведения о подрывной деятельности Пентагона, предупредить мировую общественность, что правительство Эйзенхауэра – Никсона проводит политику, опасную для дела мира.

Мартин и Митчелл установили в начале 1960 года контакт с представителем советской разведки. Вкратце рассказали о своей работе и разведывательной деятельности АНБ. На двух встречах, проведенных в окрестностях Вашингтона, кроме переданной информации они заявили и о своем желании выехать на жительство в Советский Союз и там в спокойной обстановке подробно информировать, что им известно об агентстве. Они также просили предоставить им возможность объяснить мировой общественности, и особенно соотечественникам, причины, побудившие их покинуть Соединенные Штаты.

Руководство советской разведки согласилось с пожеланиями Мартина и Митчелла. Был разработан план, по которому они во время своего летнего отпуска выехали в Мексику, а оттуда без задержки направились в Советский Союз по заранее подготовленному маршруту. Перед тем как покинуть США в конце июля 1960 года, Мартин и Митчелл оставили в арендованном ящике для хранения ценностей в городском банке города Лаурел заявление.

На конверте, в который был вложен этот документ, они написали, чтобы их заявление было опубликовано, так как хотели объяснить американскому народу, почему решили просить Советский Союз предоставить им политическое убежище. В начале августа служба безопасности АНБ вскрыла ящик в банке. Однако руководство Пентагона не опубликовало письмо, а лишь сообщило, что два сотрудника АНБ не возвратились на работу после отпуска; предполагается, что они выехали за «железный занавес». 6 сентября 1960 г. в Москве МИД СССР устроил пресс-конференцию для советских и иностранных корреспондентов.

В своем заявлении для печати Мартин и Митчелл прежде всего отметили: «Американские власти не выполнили нашего пожелания о предании гласности оставленного нами письма. Мы можем объяснить это только тем, что правительство не желает, чтобы некоторые аспекты его политики стали известны американскому народу».

Мартин и Митчелл сообщили, что в 50-е годы американские разведывательные самолеты часто совершали облеты границ СССР для сбора информации о секретных советских военных объектах. В частности, выступавшие подробно рассказывали о том, что в сентябре 1958 года американский самолет «С-130» пересек советскую границу из Турции и вторгся в Армению и обратно не возвратился. Правительство США, как обычно в таких случаях, выступило с лживым «маскировочным» заявлением о том, что этот самолет будто бы собирал «научную информацию» и пересек границу случайно. В действительности на борту этого самолета «С-130» находилась комплексная команда специалистов АНБ по электронике и технические средства для перехвата на близком расстоянии сигналов советских радиолокационных станций. Советско-турецкая граница была нарушена преднамеренно, что, по мнению выступавших, могло явиться причиной военного конфликта.

Агентство национальной безопасности добилось определенных успехов в раскрытии

шифровальных систем других стран. В 1960 году АНБ успешно читало зашифрованную переписку более 50 государств, включая своих союзников, что значительно облегчало США ведение переговоров по политическим, экономическим, военным и другим вопросам.

Отвечая на вопросы корреспондента, В. Мартин назвал страны, чьи шифры читало АНБ: Италию, Турцию, Францию, Югославию, Египет, Индонезию, Уругвай. Это вызвало настоящую сенсацию.

Сообщение о выступлении В. Мартина и Б. Митчелла на пресс-конференции в Москве, как пишет Джеймс Бамфорд в своей книге «Дворец головоломок» (так он назвал Агентство национальной безопасности), привело его сотрудников в состояние паники. Палата представителей и сенат конгресса США совместно с Пентагоном начали расследование деятельности АНБ, которое продолжалось три месяца.

В Советском Союзе Мартин и Митчелл подробно рассказали нашим специалистам о содержании работы каждого из многочисленных подразделений АНБ. Сообщили, что американцам удалось читать некоторую внутриведомственную зашифрованную переписку, передававшуюся по радио. Это дало возможность нашим специалистам устранить имеющиеся недостатки в шифрсистемах и порядке их эксплуатации.

Мартин и Митчелл дали еще одно подтверждение того, что наши главные государственные шифры неуязвимы и, несмотря на огромные усилия, в агентстве не смогли достичь каких-либо успехов в их расшифровке. В целом переданная информация этими американцами была весьма важной для обеспечения безопасности Советского Союза.

Известно, что некоторые лица за рубежом, имеющие доступ к государственным секретам, в силу определенных обстоятельств и личных качеств, изъявляют готовность передавать за деньги доступные им важные материалы иностранным разведкам. По вполне понятным причинам они продавали доступные им секреты, главным образом образом советской разведке.

Впрочем, метод вербовки агентуры на материальной основе применяется всеми разведслужбами независимо от общественной системы государств, которым они принадлежат.

Центральное разведывательное управление США, например, имеет специальное подразделение на Уолл-стрит в Нью-Йорке, где расположены правления главных американских банков. Сотрудники этого подразделения специализируются на вербовке высокопоставленных государственных, политических и иных деятелей различных стран, которые прибывают в США для получения займов. С иностранными представителями, ведущими переговоры с американскими банкирами, агенты ЦРУ устанавливают контакты и подводят их к мысли, что если они согласятся передавать разведке Вашингтона секретную информацию о внешней и внутренней политике своих государств и выполнять некоторые другие задания, то получат займы на выгодных условиях, а лично для себя – крупное вознаграждение от разведки. Предлагаемые условия и солидная мзда нередко делают свое дело. Иностранец соглашается сотрудничать с ЦРУ, ибо кроме получения большого вознаграждения, иногда исчисляемого сотнями тысяч, а то и миллионами долларов в год, его авторитет на родине после получения займа повышается, что, естественно, помогает сделать в дальнейшем большую карьеру.

По сравнению с ЦРУ советская разведка не располагает огромными средствами и поэтому обычно вербует на материальной основе «мелкую рыбешку».

Тем не менее иногда бывают исключения. Как правило, мы старались вербовать в США такую «мелкую рыбешку», которая хотя и не занимает высокие должности, но работает на технических должностях с доступом к ценным секретным материалам. Эти люди не получают большую зарплату. Некоторые из них иногда испытывают острую нужду в средствах, чтобы оплатить срочную хирургическую операцию жене, детям, родителям, рассчитаться с займом, построить дом, купить новую автомашину и тому подобное. Для установления контактов с такими лицами резидентуры применяют особые методы. Но, бывает, используются неожиданные ситуации. Не случайно в разведке очень уважают «его величество – случай».

Вот пример того, как на материальной основе был привлечен ценный источник. Это сделал сотрудник резидентуры Бухаров во время моего пребывания в Вашингтоне.

Однажды в субботу Бухаров поехал на автомашине за город, чтобы привезти домой жену и сына, отдохнувших на озере. Недалеко от важного военного объекта, известного нам, он посадил в машину «голосовавшего» американского сержанта, назовем его «Крис». Между ними возник следующий разговор.

Бухаров. – Вы служите на этом военном объекте?

«Крис». – Да, там много секретов, но мне платят мало денег.

Бухаров (долго не раздумывая, вроде бы в шутку). – А вот у меня есть деньги, но нет секретов. «Крис» (бросив изучающий взгляд на собеседника).

– Давайте заключим сделку. Я вам секреты, а вы мне деньги.

Бухаров решил более основательно разобраться, что из себя представляет сержант. Сославшись на то, что ему очень хочется пить, разведчик пригласил сержанта на кружку пива. «Крис» согласился. Они заехали в придорожный бар, заказали выпивку и закуски. Из разговора выяснилось, что отец сержанта – шахтер в Вирджинии, что у него большая семья, живут они бедновато. Его сослуживцы из зажиточных семей регулярно получают помощь от родителей. Служат у них на базе и сынки богачей, у которых есть автомашины, стоящие рядом с объектом. В субботу военнослужащим, кроме дежурных,

предоставляется увольнение. У кого есть деньги, те встречаются с девушками, ходят в ресторанчики, танцуют, гуляют. Богачи на своих автомашинах уезжают кутить подальше. А подобные «Крису» ходят как неприкаянные: денег нет. Он иногда немного подрабатывает на бензоколонках или в торговых предприятиях.

Все, что поведал «Крис» о положении простых военнослужащих, Бухаров знал и до этого, но посочувствовал сержанту, сказав банальную фразу, что плохо быть бедным и больным, а лучше быть здоровым и богатым. Затем, задав «Крису» несколько безобидных на вид вопросов, выяснил, что тот работает в службе безопасности объекта и занимается вопросами охраны и учета секретных документов. Что часто на базе уничтожают устаревшие секретные документы, а также лишние экземпляры действующих наставлений по ракетам «земля – воздух» и по различным электронным системам управления полетом ракет.

Возвратившись к сделанному «Крисом» предложению об «обмене секретов на деньги», Бухаров выразил сомнение в небезопасности такой сделки. Сержант, однако, на сей раз совершенно серьезно подтвердил, что он легко может вынести с базы якобы уничтоженный им экземпляр секретного наставления на дне сумки. При этом сказал, что сотни военнослужащих в субботу выходят с сумками, и охранники, многие из которых его друзья, содержимое не проверяют. Поэтому он уверен в благополучном исходе сделки.

У Бухарова создалось убеждение, что «Крис» не «подстава», что он идет на сделку ради большого желания подзаработать. Наш сотрудник договорился о дне, когда он подхватит «голосующего» на дороге «Криса» с сумкой в определенном месте.

Проверка «Криса» по всем картоотекам в Центре никаких отрицательных данных не дала.

Я высоко ценил Бухарова как серьезного, способного разведчика и был согласен с планом его решительных действий. Тем не менее в ходе намеченной операции резидентура провела дополнительные мероприятия, чтобы выявить, не будет ли за Бухаровым наружного наблюдения и не последует ли слежка за ним после того, как в его машину сядет «Крис». О результатах этих дополнительных проверок мы сообщили Бухарову перед встречей – «все чисто». Операция завершилась успешно. За полученное секретное наставление Бухаров выдал «Крису» 300 долларов. Когда через несколько минут сержант вышел из машины, за ним последовал Бухаров. В коротком – три-четыре минуты – разговоре назначил «Крису» встречу через четыре недели в другом месте и просил прийти на нее без секретных материалов.

На второй и последующих встречах Бухаров постепенно научил «Криса», как соблюдать конспирацию на работе и в быту, способам выявления слежки, предостерег от безрассудной траты денег, получаемых от нас. Короче говоря, занимался воспитанием «Криса» как агента.

Секретное наставление по ракетам «земля – воздух» получило хорошую оценку Центра.

Через год по рекомендации Бухарова агент поступил на курсы усовершенствования военной контрразведки, что должно было сделать его со временем более ценным источником.

В заключение хотел бы подчеркнуть: успешное привлечение «Криса» к сотрудничеству с нами было достигнуто благодаря тому, что Бухаров пошел на разумный риск, проявил инициативу и самостоятельность оперативного мышления, быстро и правильно оценил качества кандидата на вербовку.

КАРИБСКИЙ РАКЕТНО-ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС

Правящие круги США, привыкшие рассматривать Кубу как вотчину Вашингтона, были ослеплены ненавистью к правительству Фиделя Кастро. Они считали одной из своих главных внешнеполитических задач удушение кубинской революции, так как опасались ее воздействия на другие страны Латинской Америки.

Новый президент Соединенных Штатов, Джон Кеннеди, ставленник в конечном счете большого бизнеса, также питал чувство враждебности к независимой Кубе. Он уделял большое внимание рассмотрению плана организации вторжения на остров и свержения правительства Ф. Кастро. План был составлен еще по указанию президента Дуайта Эйзенхауэра, который 17 марта 1960 г. приказал собрать и подготовить для вторжения бригаду из кубинских эмигрантов, сформировать политическую коалицию из различных эмигрантских групп с целью превращения ее после свержения режима Кастро в правительство Кубы. Подготовка и выполнение этого замысла были возложены на Центральное разведывательное управление США.

Одной из главных задач, поставленных Центром нашей резидентуре в 1960 году, стало получение достоверной информации, раскрывающей тайные агрессивные планы Вашингтона в отношении Кубы. С этой целью наши разведчики приобретали связи среди дипломатов и корреспондентов стран Латинской Америки, а также в различных общественных, коммерческих, научных, культурных и других организациях, занимающихся латиноамериканскими проблемами. Нам удалось приобрести источники, которые передавали секретные данные о деятельности Организации американских государств (ОАГ), об имеющихся у США планах свержения кубинского правительства, о ходе подготовки сил вторжения в Гватемалу и Никарагуа. Они сообщили нам даже точную дату высадки наемников на Кубу. Однако позднее я узнал, что кубинские товарищи по оружию имели более солидные источники, от которых получали подробные сведения о подготавливаемой Вашингтоном агрессии. Правительство Кастро на

основании этих данных заблаговременно приняло меры для разгрома интервентов.

Окончательно план вторжения на Кубу рассматривался на совещании под председательством Джона Кеннеди в начале апреля 1961 года. В целях конспирации это совещание проводилось в здании госдепартамента. Руководители ЦРУ заверили президента и участников совещания, что на Кубе уже подготовлено свыше двух с половиной тысяч вооруженных противников режима Кастро и что, как только на остров высадится бригада вторжения, на помощь ей придет по меньшей мере четверть населения Кубы. Министр обороны Роберт Макнамара и начальники штабов видов вооруженных сил поддержали ЦРУ. После этого президент Кеннеди утвердил план вторжения. Однако 17–19 апреля 1961 г. операция закончилась полной катастрофой. Все интервенты погибли или попали в плен.

Но Кеннеди не успокоился. Он жаждал реванша. По его указанию ЦРУ и Пентагон начали готовить новый план ликвидации режима Кастро, включавший экономическую блокаду, подготовку воинских формирований из числа наемников для вторжения, проведение разведывательно-диверсионных акций и организацию покушения на лидера кубинской революции.

Кеннеди назначил своего брата Роберта, министра юстиции, «неофициальным президентским куратором тайных операций ЦРУ». Он санкционировал операцию против Кубы под кодовым названием «Мангуста», возложив ответственность за ее проведение на генерала Э. Лэнсдейла. Во Флориде создали два оперативных подразделения ЦРУ, насчитывавших более 700 кадровых сотрудников, которые начали подрывные акции против Кубы. Направляемые на остров разведывательно-диверсионные группы из кубинских эмигрантов уничтожали урожай сахарного тростника, распространяли эпидемические болезни, терроризировали население, создавали подпольные вооруженные банды, вербовали агентуру.

Ранней весной 1962 года в консульский отдел советского посольства пришли два рыбака из самой южной части Флориды. Свой визит они объяснили тем, что их мучает совесть за враждебные действия правительства США в отношении Кубы. Положив на стол подробную карту района моря между Кубой и Флоридой, пришедшие рассказали, что американские рыбаки часто ловят рыбу вблизи кубинского побережья. Некоторых, в том числе и их, ЦРУ использует, чтобы перевозить на Кубу группы из двух-трех контрреволюционеров, оружие, взрывчатку и различные технические средства. Груз находится в водонепроницаемой упаковке и закапывается в землю недалеко от места высадки. Такие операции проходят в ночное время. Иногда группы бандитов уходят в глубь острова, а иной раз возвращаются во Флориду. ЦРУ хорошо платит рыбакам за ночные операции.

На карте были помечены маршруты, по которым из Флориды доставляются люди и оружие, и места их высадки на Кубе. Рыбаки отметили, что в последнее время интенсивность ночных акций ЦРУ значительно усилилась. По их мнению, это свидетельствует о том, что США готовят новую попытку свергнуть правительство Кастро. «Нам стыдно, что такая богатая и сильная страна, как Соединенные Штаты, где много говорят о свободе и демократии, делает все возможное, чтобы задушить и подчинить маленькую Кубу, не дает кубинцам жить, как они хотят. Это позор Америки» – так пришедшие рыбаки подытожили свою беседу.

Рыбаки просили принимавшего их товарища проинформировать об их беседе кубинское правительство и переслать ему карту, где они пометили маршруты и места переброски. Мы их просьбу выполнили.

Одновременно с согласия Центра, чтобы приостановить массовую заброску на Кубу бандитов и оружия, резидентура через свои каналы довела до сведения влиятельного правительственного ведомства США, у которого были натянутые отношения с ЦРУ, что контрразведка Кастро контролирует маршруты заброски на остров людей и оружия американской разведкой. Оружие и техника попадают в руки кастровцев и будут использованы против Соединенных Штатов. Мы организовали также утечку информации о том, что кубинская контрразведка якобы перевербовала нескольких заброшенных на Кубу контрреволюционеров и теперь ведет «игру» с ЦРУ, пытаясь получить как можно больше оружия и денег.

Проведенная дезинформационная операция имела успех. Позднее нам стало известно, что ЦРУ значительно сократило переброску своей агентуры и оружия на Кубу.

Но США все же готовились к новому вторжению на остров, чтобы свергнуть режим Кастро.

Получив сведения об этом, Советский Союз стал оказывать усиленную экономическую и военную помощь Кубе, в том числе и ракетной техникой.

Разведка Вашингтона вела непрерывное наблюдение за всеми поставками на остров, особенно из СССР. 14 октября 1962 г. разведывательный самолет «У-2» зафиксировал строительство на Кубе пусковых ракетных установок, которые, по заключению американских специалистов, могли в случае вторжения на остров нанести ответный ракетно-ядерный удар по многим центрам Восточного побережья США, включая Вашингтон и Нью-Йорк. Реакция Белого дома оказалась стремительной. Президент немедленно создал исполнительный комитет Совета национальной безопасности (СНБ), в состав которого вошли вице-президент Л. Джонсон, госсекретарь Д. Раск, министр обороны Р. Макнамара, министр юстиции Р. Кеннеди, директор ЦРУ Д. Маккоун, председатель Объединенного комитета начальников штабов М. Тейлор, несколько ответственных сотрудников СНБ и специалистов по СССР. Перед ним поставили задачу в срочном порядке выработать мероприятия по устранению ракетной угрозы со стороны Кубы. Были приняты строжайшие меры по предотвращению утечки информации о его работе. Чтобы не привлекать внимания журналистов, заседания исполкома проводились в различных

местах: Белом доме, расположенных по соседству правительственных зданиях, госдепартаменте.

Первое заседание исполкома президент Кеннеди провел 16 октября в Белом доме. Оно проходило в откровенно агрессивной атмосфере. Тон задавали военные и представители ЦРУ, призывавшие подвергнуть Кубу массированной бомбардировке, затем провести вторжение на остров и свергнуть правительство Кастро. Их поддержали помощник президента по национальной безопасности М. Банди, министр финансов Д. Диллон, бывший госсекретарь Д. Ачесон. Наконец первым против предложения военных выступил Р. Макнамара. Он заявил:

– Бомбардировка ракетных установок приведет к гибели находящихся там советских специалистов. Это, несомненно, вызовет ответные меры Москвы. В этом случае США могут потерять контроль за ситуацией, и тогда эскалация конфликта приведет к войне.

Макнамара также считал, что в результате бомбардировки могут быть уничтожены не все советские ракеты и что уцелевшие немедленно будут выпущены по городам США.

На очередном заседании Макнамару поддержал Роберт Кеннеди:

– Хочу напомнить о событиях в Пёрл-Харборе и выступаю против воздушного налета на небольшой остров Кубу. Мир никогда не простит США содеянного, да и американский народ всегда будет мучить угрызения совести. Нужно опомниться, господа!

К 18 октября большинство членов исполкома согласилось с предложением о введении морской блокады. Однако военные подчеркивали, что это лишь первый шаг, за которым должны последовать бомбардировка острова и вторжение.

Из сказанного видно, что при решении возникшего кризиса руководящие круги США стремились добиться не только вывода советских ракет с Кубы, но самое главное – свергнуть правительство Кастро.

Исполком ежедневно по многу часов заседал, пытаюсь найти правильный ответ на вопрос – как поступить дальше? Но президент часто отсутствовал. Был канун промежуточных выборов, и Кеннеди вылетал в различные штаты, где выступал на собраниях демократической партии. 17 октября он был в штате Коннектикут, 19 – в городе Кливленде, а на следующий день прибыл в Чикаго.

18 октября вечером президент принял в Белом доме министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, прибывшего в США для участия в Генеральной Ассамблее ООН. Как пишет Р. Кеннеди в книге «13 дней», во время в целом скучной беседы Громыко дважды сказал президенту, что СССР поставляет на Кубу исключительно оборонительное вооружение, которое не представляет никакой угрозы для США.

Пока хозяина Белого дома не было в Вашингтоне, Пентагон стянул на близлежащие к Кубе базы военно-морские силы, морскую пехоту, 18-й парашютный корпус и другие части, необходимые для вторжения. Всего около ста тысяч человек.

Управление планирования деятельности правительства в чрезвычайных условиях подготовило введение военного положения в стране. Белый дом, Пентагон и другие важные правительственные учреждения получили инструкции о возможном переезде в ближайшие дни в подземные убежища. Семьи руководителей предупредили об эвакуации из Вашингтона в отдаленные районы страны. Подготавливалось введение военной цензуры.

20 октября рано утром в разговоре по телефону Роберт Кеннеди проинформировал президента, что исполком подготовил все необходимые мероприятия, что, согласно новым данным фоторазведки, советские и кубинские специалисты в спешном порядке ведут строительство нескольких пусковых ракетных установок и что президенту необходимо возвратиться в столицу.

В полдень того же дня Джон Кеннеди передал пресс-секретарю Пьеру Сэллинджеру записку: «У президента воспаление верхних дыхательных путей. Температура 99,2 градуса (по Фаренгейту. – А. Ф.). Доктор рекомендовал возвратиться в Вашингтон». Сэллинджер объявил об этом корреспондентам.

В тот же день Кеннеди возвратился в Вашингтон. На его усмотрение были представлены следующие альтернативные решения:

- вторжение на Кубу;
- уничтожение ракетных установок бомбардировкой с воздуха;
- установление блокады Кубы;
- ведение секретных переговоров с Хрущевым по дипломатическим каналам;
- передача проблемы на обсуждение в ООН. Исполком рекомендовал президенту принять третий вариант – установить блокаду.

Первые сведения о возникновении кризиса резидентура получила в полдень 21 октября от советского корреспондента, который сообщил мне, что многие американские журналисты с утра собрались у Белого дома, где под председательством президента заседает кабинет вместе с руководством Пентагона. Ждут каких-то важных событий, каких – ему узнать не удалось. Я попросил его встретиться с американскими газетчиками и попытаться узнать характер обсуждаемых вопросов. Направил в Центр короткую телеграмму о чрезвычайном заседании.

На совещании у посла А. Ф. Добрынина военный атташе сообщил, что в вооруженных силах южных штатов США объявлена высшая степень боевой готовности. Ни посол, ни военный атташе информацией о сосредоточении советских ракет «земля – земля» на Кубе не располагали. Американская пресса, телевидение и радио по указанию Белого дома никаких сведений о надвигающемся конфликте и заседаниях исполкома не сообщали.

22 октября все сотрудники советского посольства занялись сбором информации относительно секретных совещаний в Белом доме.

Меня неожиданно пригласил на завтрак Джон Скали, с которым я регулярно встречался в течение почти полутора лет. Он был в то время известным внешнеполитическим обозревателем телевизионного центра Эй-би-си, раз в неделю вел программу «Вопросы и ответы», в которой выступали министры, члены конгресса, известные политические деятели. Программа пользовалась популярностью – Скали вел ее интересно. Из его рассказов я узнал, что Скали родился в Бостоне и был лично знаком с кланом Кеннеди, включая президента. Очень хорошие отношения сложились у него с госсекретарем Раском, которого он часто сопровождал в поездках.

Беседуя со Скали, я узнавал многое о привычках, нравах и жизни американцев. От него мне удавалось иногда получать полезную несекретную информацию. Со своей стороны, я объяснял неясные ему стороны политики Москвы. Отношения у нас сложились хорошие, мы называли друг друга по имени. Но в общении с ним я осторожничал, подозревая, что о встречах со мной он докладывает в госдепартамент или ЦРУ.

В тот день мы встретились в ресторане «Оксидентал». Скали выглядел взволнованным. Без предисловий он начал обвинять Хрущева в агрессивной политике, говоря, что тот во время венской встречи вместо переговоров пытался путем диктата навязать Кеннеди свою позицию по Западному Берлину, а теперь угрожает США ракетным обстрелом с Кубы. Я перевел разговор на внешнюю политику Вашингтона. Напомнил, что его страна пытается окружить СССР сетью военных баз, сколачивает антисоветские военные блоки. Упомянул о полетах самолетов «У-2» над территорией Советского Союза, попытках Эйзенхауэра и Кеннеди свергнуть правительство Кастро. Закончил я утверждением, что застрельщиком гонки вооружений и агрессивных действий являются США. СССР же приходится принимать оборонительные контрмеры.

Наша беседа была нервной, к тому же Скали куда-то явно торопился. Перед уходом из ресторана он сказал, что в семь вечера президент Кеннеди выступит с важным обращением к американскому народу, в котором объявит меры, принятые правительством против Советского Союза и Кубы.

Вечером почти вся Америка собралась у телевизоров. Кеннеди обвинил Москву в проведении агрессивной политики, сказал, что Куба стала форпостом СССР в Западном полушарии, сообщил, что на острове устанавливаются советские ракеты, способные нанести ядерные удары по Вашингтону, Нью-Йорку, Мексике, Панамскому каналу. Эти ракеты угрожают безопасности не только США, но и всей Америки...

Президент объявил: для того чтобы прекратить наращивание на Кубе советского ракетно-ядерного потенциала, вводится строгий морской карантин, то есть блокада острова; что уже отдан приказ военно-морским силам США останавливать все суда, направляющиеся на Кубу, и досматривать их, а в случае обнаружения оружия отправлять их обратно; что приводятся в состояние боевой готовности вооруженные силы Соединенных Штатов. Он сообщил далее, что США внесли в Совет Безопасности ООН резолюцию, требующую, чтобы СССР демонтировал пусковые установки ракет среднего радиуса и убрал их с Кубы. В обращении к народу Кеннеди подчеркнул, что блокада всего лишь первый шаг и что он отдал распоряжение Пентагону проводить дальнейшие военные приготовления.

В соответствии с этим распоряжением министр обороны начал готовить армию вторжения на Кубу – двести пятьдесят тысяч военнослужащих сухопутных войск, девяносто тысяч морских пехотинцев и десантников, авиационную группировку, способную произвести две тысячи самолето-вылетов в один день для удара по различным объектам на острове. Все эти силы срочно перебрасывались в юго-восточные районы США. Туда же стягивалось свыше ста кораблей для проведения десантных операций. По подсчетам Пентагона, потери войск США могли превысить двадцать пять тысяч человек.

По команде Белого дома американские средства массовой информации начали оглушительную кампанию против Советского Союза и Кубы. В печати появились сообщения, исходящие из Пентагона, что на пути к Кубе находятся двадцать пять советских торговых судов и что девяносто кораблей ВМС США встретят их в открытом океане. Несколько раз в день сообщалось о сближении судов. Распространялись сенсационные слухи о том, что у кубинского побережья обнаружены советские подводные лодки и что президент приказал внимательно следить за ними и принять меры для охраны американских авианосцев, в частности атомного авианосца «Эссекс», и других кораблей. За советскими субмаринами охотились миноносцы, самолеты и вертолеты, которые по первому приказу могли сбросить на них глубинные бомбы.

Вокруг Кубы Вашингтон образовал кольцо, которое составили двадцать пять эсминцев, два крейсера, несколько авианосцев и подводных лодок и большое число вспомогательных судов. Самолеты «У-2» вели непрерывную фоторазведку кубинской территории. Фотоснимки показывали, что строительство установок для запуска ракет ведется круглосуточно и они скоро начнут действовать. Как стало известно позднее, в это время на Кубе уже находились сорок две советские ракеты с ядерными боеголовками.

Исполком высоко оценивал деятельность фоторазведки, которая позволяла знать многое о военных приготовлениях на Кубе. В связи с этим было решено, что, если кубинцы собьют «У-2», остров немедленно подвергнется бомбардировке.

Кубинцы серьезно готовились к отражению американской агрессии. На заседании «круглого стола» по карибскому кризису в январе 1989 года глава кубинской делегации, видный политический деятель Х. Рискет сообщил, что кроме вооруженных сил к отражению американской агрессии готовился миллион добровольцев. Кроме того, командиры советских частей на острове заявили, что находящиеся там сорок

тысяч советских военнослужащих примут участие в защите страны.

С каждым днем обстановка вокруг Кубы все больше осложнялась. На юго-востоке США в воздухе круглосуточно дежурили стратегические бомбардировщики «Б-52» с ядерным оружием на борту. Как только один из них приземлялся для заправки, другой немедленно поднимался в воздух.

Некоторые американцы, опасаясь ядерной войны, уезжали в глубь страны. Многие из них ежедневно ходили молиться в церковь, чтобы не началась война. И конечно, все запаслись продуктами.

Когда советские торговые суда приблизились к линии морской блокады, одни из них остановились, а другие развернулись и направились обратно в советские порты. Американские средства массовой информации истолковали это как признание советской стороной слабости своей позиции, раздались газетно-телевизионные вопли: «Хрущев и СССР дрогнули!», «Хрущев и СССР начали отступать!»

С 21 октября в посольстве СССР персонал работал круглосуточно. Сотрудники резидентуры каждую ночь объезжали здания Белого дома, Пентагона, госдепартамента, ФБР и ЦРУ и фиксировали: в окнах не гаснет свет, на стоянках много служебных автомобилей – значит, лихорадочная деятельность в верхних эшелонах власти продолжается. На случай возможного нападения на посольство мы усилили охрану, врезали дополнительные замки в двери, установили запоры на всех этажах, проверили сигнализацию и средства уничтожения секретных документов.

Каждый день Хрущев направлял послание Кеннеди, а Кеннеди – Хрущеву. Телеграфные линии связи между Москвой и Вашингтоном были загружены до предела. Так как зашифровка и расшифровка посланий занимали много времени, главы правительств США и СССР стали вести переписку открытым текстом.

Военная истерия накалила атмосферу до такой степени, что достаточно было произойти какому-либо столкновению на море или в воздухе, как могли начаться военные действия с непредсказуемыми последствиями. Под воздействием мощной антисоветской и антикубинской пропаганды, проводимой средствами массовой информации, обстановка в США продолжала осложняться.

В исполнительном комитете СНБ отчетливо понимали: когда закончится монтаж ракетных установок на Кубе и угроза обстрела американских городов ядерными зарядами станет реальной, позиция СССР значительно усилится. Поэтому перед Белым домом встала неотложная задача – не допустить ввод в действие ракетных баз. Многие члены исполкома настаивали на немедленном вторжении на остров. Но президент Кеннеди продолжал искать решение конфликта мирными средствами. Времени для этого у него оставалось все меньше и меньше. К тому же некоторые лица в его окружении считали, что Кремль умышленно затягивает ответы на послания главы администрации Вашингтона, чтобы выиграть время для окончания монтажа ракетных установок под боком у США.

Учитывая, что ситуация с каждым часом становится все более взрывоопасной, я утром в пятницу, 26 октября, пригласил Скали на ленч в ресторан «Оксидентал» в надежде получить от него полезную информацию.

Недавно вышла книга Макджорджа Банди «Опасность и выживание». Автор пишет, что о предстоящей встрече со мной Скали доложил Дину Раску, а тот, в свою очередь, президенту. Как реагировал на это хозяин Белого дома? «Президент Кеннеди, – свидетельствует М. Банди, – поручил Раску сказать Скали, чтобы тот сообщил Фомину¹⁶, что время не терпит». Другими словами, Кеннеди хотел, чтобы Кремль сделал срочное заявление о своем согласии без каких-либо условий вывезти свои ракеты с Кубы. Несомненно, инструктируя Скали, Белый дом рассчитывал: сообщение Фомина о беседе с доверенным лицом Дина Раска будет доведено до сведения Хрущева и тем самым окажет давление на руководство Советского Союза.

Память моя до сих пор сохранила во всех деталях ту встречу со Скали в ресторане «Оксидентал». Как только мы сели, он, потирая руки и с улыбкой глядя на меня, спросил:

– Как самочувствие Хрущева?

– Это мне неизвестно. Я лично не знаком с Хрущевым. Да и находится он сейчас далеко от меня, – ответил я, а затем слегка съязвил: – Это вы на короткой ноге с президентом Кеннеди и много знаете, что происходит в Белом доме.

Скали ухмыльнулся, а потом опять стал обвинять советского лидера в агрессивных действиях:

– Он, видимо, считает Кеннеди молодым, неопытным государственным деятелем. Но Хрущев глубоко заблуждается, в чем скоро убедится.

С жаром развивая эту тему, мой собеседник вдруг перескочил на другое:

– Члены исполнительного комитета все более решительно склоняются к принятию предложения военных о необходимости безотлагательного вторжения на Кубу. Пентагон заверяет президента, что в случае его согласия ведомство в сорок восемь часов покончит с советскими ракетами и режимом Кастро.

– Во-первых, – ответил я, – насколько мне известно, советское руководство считает Кеннеди способным и дальновидным государственным деятелем. Думаю, что он разумный человек и остановит воинственных генералов и адмиралов, собирающихся втянуть его в величайшую авантюру, чреватую катастрофическими последствиями. Во-вторых, кубинский народ защищает свою свободу не на жизнь, а

¹⁶ Под этой фамилией автор работал в США.

на смерть. Прольется много крови, и США понесут чувствительные потери. В-третьих, президент должен отдавать себе ясный отчет, что вторжение на Кубу равносильно предоставлению Хрущеву свободы действий. Советский Союз может нанести ответный удар по уязвимому месту в другом районе мира, имеющему важное военно-политическое значение для Вашингтона.

Скали, видимо, не ожидал такого ответа. Молча посмотрел мне в глаза и спросил:

– Ты думаешь, Александр, это будет Западный Берлин?

– Как ответная мера это вполне возможно, – сказал я.

– США и союзные войска будут упорно защищать Западный Берлин, – парировал мой собеседник.

– Знаешь, Джон, когда в бой идет тысячная лавина советских танков, а с воздуха на бреющем полете атакуют самолеты-штурмовики, то они все сметут на своем пути. Кроме того, войска ГДР поддержат наступательные действия советских дивизий. Я думаю, что им вряд ли потребуется более двадцати четырех часов, чтобы сломить сопротивление американских, английских, французских гарнизонов и захватить Западный Берлин ¹⁷.

На этом наша полемика закончилась. Молча мы допили остывший кофе, обдумывая сложившуюся ситуацию. Затем Скали как бы про себя произнес:

– Выходит, война с ее непредсказуемыми последствиями не так уж далека. Из-за чего же она может начаться?

– Из-за взаимного страха, – ответил я и продолжил: – Куба опасается вторжения американцев. А США – ракетного обстрела с Кубы.

Никаких попыток сформулировать предложение о выходе из возникшего кризиса мы не делали, лишь проиграла первые ступени эскалации возможной войны. Выразив надежду, что наши руководители не допустят возникновения бойни, мы расстались. Я пошел докладывать содержание беседы послу, а Скали отправился в Белый дом.

Здесь я должен сказать: никто меня не уполномочивал говорить Скали о возможном захвате Западного Берлина, как ответной мере СССР на вторжение американцев на Кубу. Это походило на порыв моей души. Я действовал на собственный страх и риск, не думал о последствиях, ибо был убежден, проанализировав создавшуюся ситуацию, что дела развернутся именно таким образом. Теперь, задним числом, мне совершенно ясно: да, я рисковал, но не ошибся.

Чего я не ожидал, так это того, что мои слова будут быстро доведены до сведения хозяина Белого дома и что через два-три часа Кеннеди передаст через Скали компромиссное предложение об урегулировании карибского кризиса.

Часа в четыре дня я начал докладывать Добрынину о беседе со Скали. Вдруг вошел его помощник Олег Соколов и сообщил, что меня срочно к телефону просит Скали. Когда я взял трубку, он попросил немедленно встретиться с ним.

Через десять минут мы уже сидели в кафе отеля «Статлер», находившегося между посольством и Белым домом. Не теряя времени, Скали заявил, что по поручению «высочайшей власти» он передает следующее условие решения карибского кризиса:

1) СССР демонтирует и вывозит с Кубы ракетные установки под контролем ООН;

2) США снимают блокаду;

3) США публично берут на себя обязательство не вторгаться на Кубу.

Скали добавил, что такое соглашение может быть оформлено в рамках ООН.

Я быстро записал и прочитал Скали все, что он мне сказал. Он подтвердил – правильно. Затем я попросил Джона уточнить, что означает термин «высочайшая власть»? Чеканя каждое слово, собеседник произнес:

– Джон Фитцджеральд Кеннеди – президент Соединенных Штатов Америки.

Я заверил Скали, что немедленно доложу предложение послу и оно, надеюсь, будет немедленно послано в Москву. В то же время я обратил внимание моего собеседника на то, что предлагаемые условия не совсем равнозначны. Если вывоз ракет с Кубы производится под контролем ООН, то под наблюдением ООН должен быть произведен и отвод американских войск, стянутых в юго-восточные районы США для вторжения на остров. На это Скали заметил, что такое добавление осложнит и затянет достижение соглашения в период, когда время является самым существенным элементом в разрешении конфликта. И взволнованно добавил, что военные продолжают давить на президента и требуют согласия на вторжение. Кеннеди же не хочет войти в историю как второй Тодзио ¹⁸ и добивается

¹⁷ Через несколько лет, уже находясь в Москве, я однажды беседовал о карибском кризисе с моим хорошим знакомым, генерал-майором, долгое время занимавшим должность заместителя начальника аппарата КГБ в ГДР. Я спросил его, как быстро войска СССР и ГДР могли бы занять Западный Берлин в октябре 1962 года. Чтобы не быть голословным, он сослался на имевшийся в то время секретный план, о котором знали лишь несколько высших советских и восточногерманских руководителей. По этому плану войска СССР и ГДР должны были занять Западный Берлин за шесть-восемь часов. – Прим. авт.

¹⁸ Тодзио Хидэки (1884–1948) – в 1941–1944 годах премьер-министр и одновременно военный министр Японии. Казнен по приговору Международного военного трибунала. – Прим. авт.

разрешения кризиса мирным путем.

Я еще раз заверил Скали, что переданное мне предложение будет немедленно сообщено в Москву.

Однако одно обещать, а другое – сделать. Быстро у меня не получилось. Я составил подробную телеграмму о двух встречах со Скали и передал послу для отправки в Москву за его подписью. Добрынин минимум три часа изучал проект телеграммы, а потом вызвал меня и сказал, что не может послать ее, так как МИД не уполномочивал посольство вести такие переговоры. Удивившись нерешительности посла, я подписал телеграмму сам и передал шифровальщику для отправки по каналу резидентуры своему шефу, начальнику разведки КГБ генерал-лейтенанту А. М. Сахаровскому.

В это же время крайнего напряжения достигла обстановка в кубинском правительстве. Наш посол в Гаване А. И. Алексеев рассказал, что вечером в октябре Фидель Кастро пришел в посольство. По предложению Кастро они уединились в бомбоубежище. Кубинский лидер нервничал, испытывал сильное чувство тревоги. Он считал, что американцы могут начать бомбардировку военных объектов Кубы. Алексеев и Кастро составили и послали телеграмму Хрущеву. В ней выражалось опасение, что США в ближайшие часы подвергнут огневому налету ракетные установки. По мнению Алексеева, это подтолкнуло советских руководителей пойти на компромисс.

Утром следующего дня мы с большим волнением ждали ответа из Москвы. Решалось: быть войне или нет. Время шло, но Добрынину из Москвы ничего не поступало. Зато мне пришла депеша из Центра: Сахаровский подтвердил, что получил мое сообщение, и попросил повторить его по мидовскому каналу за подписью посла. Я ответил, что пытался это сделать еще вчера, но Добрынин отказался.

Еще утром в пятницу, 26 октября, Кеннеди дал указание государственному секретарю Раску создать временное правительство из числа антикастровских эмигрантов и приступить к разработке срочных мер по установлению гражданской власти на Кубе после высадки американских войск и оккупации страны.

Однако вернемся к субботе. Утром в разгар заседания исполкома в Белом доме президенту принесли сообщение, что над Кубой сбит самолет «У-2», а пилот, майор Р. Андерсен, убит. Реакция членов исполкома была почти единодушной: завтра утром американская авиация должна разбомбить все ракетные установки на Кубе. Но президент не давал согласия, медлил... Возможно, он ждал ответа Хрущева на его предложение, переданное через Скали. А ответа из Москвы все не было.

Обстановка на заседаниях исполкома достигла крайнего напряжения. От споров все устали и находились в подавленном состоянии. Впоследствии Р. Кеннеди писал: «И росло ощущение, что вокруг всех нас, вокруг американцев, вокруг всего человечества стягивается петля, из которой высвободиться становится все труднее».

Как я узнал позднее, в такой же тревожной атмосфере с 22 октября работало советское руководство. Все члены Политбюро находились на казарменном положении – безвыездно жили в Кремле.

Вечером 26 октября от Хрущева в адрес Кеннеди пришло два послания. Первое – примирительное, с проблесками желания достичь соглашения, второе – более жесткое. Ответ, подготовленный госдепартаментом после полудня 27-го, президенту не понравился. Он поручил Р. Кеннеди и специальному помощнику президента Т. Соренсену быстро составить другой текст. Через сорок пять минут проект был готов. Ссылаясь на первое послание Хрущева, американская сторона подтверждала, что также желает урегулировать кризис мирным путем. Далее повторялись условия соглашения, которые накануне направил президент Кеннеди через канал Скали – Фомин. Кеннеди подписал ответ, который открытым текстом был передан Хрущеву.

В субботу Скали вновь вызвал меня на встречу. В резких выражениях он стал обвинять меня в обмане и коварстве. Утверждал, что переговоры с ним я намеренно затягиваю, якобы для того, чтобы закончить монтаж ракетных установок и сосредоточить новые самолеты Ил-28 на Кубе. Не раз повторял, что своим поведением я-де поставил его в глупое положение перед руководителями США.

Как мог, я старался успокоить Скали. Несколько раз разъяснял ему, что каналы связи на Москву забиты, что Хрущев завален срочной информацией из многих стран мира, что я его не обманываю и что посольство ожидает ответа в ближайшие часы. Мне показалось, что удалось охладить Скали и убедить его в искренности моих действий. Оба мы были расстроены. Скали направился прямо в Белый дом и рассказал Кеннеди и исполкому о содержании нашей беседы.

В книгах, изданных в США, пишут, что в субботу, 27 октября, Р. Кеннеди встречался с Добрыниным. В одних указывается, что их встреча состоялась в советском посольстве, а в других – в кабинете министра юстиции. В действительности же они встречались дважды в этот день. Я был свидетелем их первой встречи в посольстве. По вызову Добрынина около 14 часов я пришел в зал на втором этаже, где он сидел вместе с Р. Кеннеди на диване и о чем-то беседовал. Мне показалось, что диалог шел трудно. Я приблизился к ним. Посол, нервничая, обратился ко мне за какой-то справкой. Его речь, в отличие от обычного, была сбивчивой. Я сразу понял, что мой приход был нужен не послу, а его собеседнику. Р. Кеннеди сидел наклонившись и исподлобья пристально глядел на меня изучающим, а может быть, и осуждающим взглядом. Он пришел в посольство, видимо, для того, чтобы лично посмотреть на советника Фомина и удостовериться, передал ли тот послу известное предложение президента.

Вторая встреча между ними состоялась в тот же день вечером. До четверти восьмого ответ от

Хрущева не поступил. Президент поручил брату вновь поговорить с Добрыниным. Встреча состоялась в кабинете Р. Кеннеди. Министр юстиции заявил послу:

– Мы должны получить заверение, что не позже завтрашнего дня ракетные базы будут демонтированы... Москва должна понять, что если эти базы не снесет она, то снесем их мы.

Со своей стороны, Добрынин, действуя в соответствии с последним письмом Хрущева, направленным Кеннеди, настаивал, чтобы США согласились в обмен на вывоз советских ракет с Кубы убрать американские ракеты «Юпитер» из Турции. Доводы посла, исходившие из принципа равной безопасности, были весьма убедительными. Роберт Кеннеди, после консультации по телефону с Белым домом, заявил, что президент Кеннеди согласен с этим при условии: во-первых, «Юпитеры» будут убраны через три-пять месяцев после вывоза советских ракет с Кубы и, во-вторых, эта договоренность будет храниться в строгой тайне и ее не включают в официальный текст соглашения о ликвидации карибского кризиса. Роберт Кеннеди объяснил это сложной обстановкой в США и необходимостью проведения соответствующих переговоров с Турцией и другими государствами – членами НАТО.

Поздно вечером министр юстиции встретился еще с советником нашего посольства Г. Большаковым, через которого главы СССР и США иногда обменивались конфиденциальными письмами. В беседе Р. Кеннеди повторил Большакову то, что уже сказал Добрынину. При этом подчеркнул, что если в ближайшие сутки не поступит положительного ответа из Москвы, президенту будет невозможно сдержать военных от вторжения на Кубу.

Тот факт, что эмиссары Белого дома 27 октября настойчиво, целых четыре раза (!), добивались от советского посольства быстрого ответа Кремля на сделанное президентом предложение, свидетельствует о желании Джона Кеннеди избежать военного конфликта, решить возникший кризис мирным путем и тем самым избежать гибели тысяч и тысяч людей – американских, советских и кубинских граждан.

Ответ Хрущева пришел в Белый дом в девять часов утра в воскресенье, 28 октября. Он принес огромное облегчение.

Предложение Кеннеди и ответ Хрущева о мирном улаживании карибского кризиса были немедленно направлены Генеральному секретарю ООН У Тану, который вместе с представителями СССР и США В. Н. Зориным и Эдлаем Стивенсоном должен был оформить официальное соглашение по этому вопросу.

29 октября и 3 ноября Скали приглашал меня на завтраки в шикарные рестораны (как стало известно позднее, он делал это по рекомендации президента). Мой собеседник просил меня назвать ресторан, где мы смогли бы отведать изысканные блюда и распить бутылку хорошего вина. Он несколько раз повторил, что «мы заслужили это». Я не возражал, тем более что расходы несла приглашающая сторона.

В Скали текла итальянская кровь, по характеру он был горячий, экспансивный человек – типичный Шустрик. Он не скрывал своей радости и восторга по поводу того, что его миссия завершилась так успешно. Я же по натуре медлительный, флегматик, одним словом, Мямлик. Не знаю почему, но в понедельник, 29 октября, во мне радость не была ключом. Возможно, это объяснялось тем, что в течение восьми дней я заставлял свои мозги, свою нервную систему, свое сердце работать на максимальных оборотах. И вдруг все кончилось. Тяжелый груз ответственности упал с моих плеч. Я расслабился, появилось чувство облегчения, даже какого-то опустошения.

В ресторане Скали прежде всего извинился за то, что накануне обвинял меня в обмане и коварстве. За столом разговоры велись главным образом о том, как мир был напуган возможностью ракетно-ядерного конфликта. Мой собеседник разошелся и стал живо описывать, какая напряженная атмосфера царил в Белом доме. Мы выпили за мудрость руководителей наших государств, которые в последний момент пошли на разумный компромисс. Потом болтали о всякой светской чепухе, шутили, острили. Обсуждали будущее мира. Я подчеркивал, что сейчас наступило такое время, когда Соединенные Штаты, несмотря на свою экономическую и военную мощь, обязаны считаться с мировым общественным мнением, иначе американское правительство восстановит против себя многие государства.

Иногда в Вашингтоне да и в Москве раздаются голоса, что во время карибского кризиса Советский Союз, мол, отступил под нажимом Вашингтона, испугавшись американской военной мощи. По-моему, так говорят зря. Кризис был урегулирован в результате обоюдного разумного компромисса: одна сторона согласилась вывести ракеты из Кубы, другая – убрать их из Турции. Именно так была ликвидирована угроза ядерного столкновения с непредсказуемыми последствиями. К тому же СССР удалось получить от США обязательство, что они не станут вторгаться на Кубу в будущем. Такая договоренность действует до сих пор.

Вспоминая события, связанные с карибским кризисом, я много раз задавал себе три вопроса и сам же отвечал на них. Привожу эти вопросы и ответы. По-моему, они покажутся любопытными читателям.

Первый вопрос. Какова была действительная причина того, что посол Добрынин не подписал 26 октября 1962 г. телеграмму, содержащую переданные президентом США через Джона Скали условия решения карибского кризиса?

Мотивировка посла – он, мол, не мог это сделать, потому что МИД не давал полномочий посольству вести такие переговоры – просто несерьезная отговорка. Неужели сотрудники посольства должны лишь формально выполнять указания своего ведомства и воздерживаться от инициативы в

своей деятельности, особенно в кризисные ситуации, когда технические средства, обеспечивающие связь посольства с Москвой, не поспевают за быстро меняющимися событиями?

Я думаю, что если бы Скали передал условия урегулирования конфликта кому-либо из мидовских сотрудников, то Добрынин немедленно передал депешу по назначению за своей подписью. Мою же телеграмму он не подписал, так как это означало бы, что посольство стояло в стороне от улаживания карибского кризиса. Кроме того, не исключено, что посол полагал: я не решусь посылать такую важную телеграмму в Центр, и тогда Белый дом вынужден будет обратиться со своими предложениями к нему.

В данном случае Добрынина подвел чересчур узковедомственный подход к живому, творческому делу.

Второй вопрос. Почему Белый дом не передал, как это обычно принято, условия ликвидации карибского кризиса через посла?

Полагаю, что президент Кеннеди не хотел этого делать, так как в то время он неприязненно относился к Добрынину и Громыко. Дело в том, что накануне кризисной ситуации советский министр иностранных дел заверял хозяина Белого дома, что СССР поставляет на Кубу только мирную технику, не представляющую никакой угрозы безопасности США. И вообще Советский Союз не будет предпринимать никаких внешнеполитических шагов, которые бы осложнили советско-американские отношения накануне промежуточных выборов в Соединенных Штатах. Советский посол, естественно, вторил своему министру. После получения документальных данных о советских ракетах на Кубе в Белом доме заявления Громыко и Добрынина расценивали как преднамеренную ложь. Об этом много говорилось в американской прессе. Во время дискуссии за «круглым столом» в январе 1989 года в Москве М. Банди и Т. Соренсен открыто подтвердили в присутствии Громыко и Добрынина, что последние лгали президенту Кеннеди.

Третий вопрос. Почему помощники президента Кеннеди – П. Сэллинджер, А. Шлезингер и другие – в своих книгах скрывают истину о том, что предложения о мирном улаживании ракетно-ядерного конфликта сделал президент Кеннеди, и пишут, что впервые они, эти предложения, якобы были получены от советника посольства СССР Фомина? Даже в тексте на мемориальной табличке в ресторане «Оксидентал» в Вашингтоне можно прочитать следующей «В напряженный период кубинского кризиса (октябрь 1962 года) таинственный русский мистер „X“ передал предложение о вывозе ракет с Кубы корреспонденту телекомпании Эй-би-си Джону Скали. Эта встреча послужила устранению угрозы возможной ядерной войны».

Здесь я хочу рассказать о том, как появилась эта табличка. О ее существовании я слышал давно. Но впервые точный текст получил от академика А. А. Фурсенко во время заседания «круглого стола» по карибскому кризису в Москве 28 января 1989 г. В тот же день я спросил присутствовавшего на дискуссии Скали, почему на табличке выгравирован искажающий правду текст? Скали ответил, что не знает, кто увековечил нашу встречу, и что предварительно текст ему не показывался.

В 1990 году я написал письмо Скали, в котором по просьбе кинорежиссера Андрея Стапрана высказал идею, что неплохо было бы создать совместный советско-американский документальный фильм к тридцатой годовщине карибского кризиса. В этом письме я поднял также вопрос о необходимости исправить надпись на табличке. Однако в своем ответном письме Скали ни словом на обмолвился об этом.

В первой половине сентября 1992 года я был в Вашингтоне со Стапраном. Он снимал там часть кадров к своему фильму. Кинорежиссер хотел воспроизвести мои встречи со Скали 26 октября 1962 г. в ресторане «Оксидентал» и в кафе отеля «Статлер». Скали, сославшись на запрет телевизионной компании Эй-би-си, отказался сниматься вместе со мной.

А. Стапран снимал меня в ресторане за столом, над которым висит мемориальная табличка. Я был один. Стул, на котором должен был сидеть Скали, пустовал. Я спросил управляющую заведением Джоун Данофф, кто предложил установить табличку и составил текст для нее. Она ответила, что не знает, но сказала:

– Уверена, все интересующие вас сведения о ней вы можете получить у Джона Скали, так как без его участия табличку не могли установить.

Мне кажется, что в ближайшее время эта табличка исчезнет из ресторана так же загадочно, как она и появилась там.

Попробую доказать, рассуждая объективно, неправильность утверждений Джона Скали и других американских деятелей, которых я упоминал, и высказать собственное суждение, почему сотрудники Белого дома пошли на искажение истины.

По своему невысокому служебному положению Д. Скали и А. Фомин, особенно если сравнивать их с главами СССР и США, не могли взять на себя столь серьезную ответственность за предотвращение надвигающегося военного конфликта¹⁹. Лишь два человека, располагая необходимой властью, могли принять кардинальное решение о прекращении ракетно-ядерного кризиса – это президент США Джон

¹⁹ Фомин (А. Феклисов) был бы горд, если бы на самом деле лично сформулировал условия мирного разрешения возникшего кризиса. Но я честно заявляю, что не являюсь автором разумного компромисса и не передавал такие предложения. Поэтому не могу присвоить себе то, чего не совершал. – Прим. авт.

Кеннеди и председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.

Весьма возможно, толчком для принятия решения руководителями могла послужить моя первая встреча с Д. Скали 26 октября в ресторане «Оксидентал», где мы «проиграли» вариант развития событий, согласно которому за вторжением войск США на Кубу мог последовать захват армиями СССР и ГДР Западного Берлина. Но лишь толчком – не более. Причем первый импульс исходил от Кеннеди. И это понятно. Ведь содержание нашей беседы, как точно установлено, было немедленно доведено до президента Кеннеди. Сообщение же Хрущеву не направлялось, и, естественно, он не мог на него отреагировать.

Допустим невероятное: Хрущев якобы по своей инициативе составил точно такие же условия мирного урегулирования карибского кризиса. Но тогда он, несомненно, направил бы их президенту США через посла Добрынина.

Остается только один человек – хозяин Белого дома, кто, ознакомившись с содержанием первой беседы Скали с Фоминым, мог немедленно прореагировать на нее. Что он и сделал. Президент быстро сформулировал условия разрешения кубинского кризиса и поручил Скали срочно встретиться со мной еще раз и от имени «высочайшей власти США» передать их руководству Советского Союза. Что Скали и исполнил на второй встрече со мной в кафе отеля «Статлер».

Тогда почему близкие к Кеннеди деятели в своих воспоминаниях искажают истину и пишут, что инициатива исходила от советской стороны?

Думаю, что причина станет понятна, если вспомнить, сколь напряженная, буквально сумасшедшая, обстановка сложилась в США 26 октября. Под влиянием пропагандируемого в стране культа силы шовинистические, воинственные круги уже предвкушали вторжение на Кубу и быструю победу над Кастро.

До промежуточных выборов в Конгресс оставалось десять дней. В этих условиях президент Кеннеди, очевидно, посчитал невозможным открыто, публично, в прессе выступить с компромиссным предложением. Он опасался, что военно-промышленный комплекс и антисоветски настроенные массы избирателей обвинят его в трусости, в том, что он боится и идет на уступки Советскому Союзу. В результате демократическая партия могла потерять места в сенате и палате представителей. В силу этих обстоятельств команда президента старалась затушевать, а еще лучше – замолчать тот факт, что компромиссное предложение исходило именно от хозяина Белого дома.

По сути дела, помощники президента тогда завуалировали его разумную инициативу. Ну а сейчас просто нечестно и нет никакой необходимости скрывать правду о мудром и смелом шаге, предпринятом Джоном Кеннеди во время драматических событий октября 1962 года.

Именно поэтому я рассказал здесь все, как было на самом деле.

С Джоном Скали я встречался еще дважды.

26 января 1989 г. он прилетел в Москву в составе американской делегации для участия в заседаниях «круглого стола» по карибскому кризису. С разрешения руководства внешней разведки КГБ я также принял участие в этом мероприятии.

Увидев меня на приеме в ресторане «Континенталь», устроенном в честь приехавших зарубежных гостей, Скали страшно удивился. Ведь мы не встречались четверть века – целую вечность, и он обо мне ничего не слышал.

Мы выпили за встречу и рассказали друг другу о своем житье-бытье. Через некоторое время Джон почувствовал себя плохо. Жаловался на духоту, шум. Он вышел из зала и сел за свободный стол в ресторане. Рядом с ним все время была его жена – давала ему какие-то таблетки, воду, чтобы запить. Я выразил надежду, что его самочувствие улучшится и он завтра придет на открытие «круглого стола». Скоро чета Скали ушла с приема.

В десять утра 27 января началось заседание. Я записался на выступление. Вначале слово предоставили видным политикам, государственным и военным деятелям – А. А. Громыко, Р. Макнамаре, А. Ф. Добрынину, Макджорджу Банди, главе кубинской делегации Х. Рикетсу и другим.

В обеденный перерыв советское телевидение стало снимать короткую беседу Скали со мной. Джон перед камерой начал неправильно излагать содержание наших бесед на встрече 26 октября 1962 г. Он утверждал, что компромиссное решение ракетно-ядерного кризиса первым предложил не президент Кеннеди, а я, Александр Фомин. Я поправил его, начался спор. Съемка не получилась, мы разошлись.

В пятнадцать часов заседание возобновилось. Председательствовавший американский профессор Джозеф С. Най дал слово мне. Я подробно рассказал о содержании моих двух бесед со Скали 26 октября и коротко – о встрече на следующий день. Я подчеркнул, что, как сейчас стало точно известно, информация об этих контактах была доведена до сведения президента и, очевидно, способствовала принятию Белым домом уже созревшего там решения выступить с компромиссным предложением о мирном урегулировании ракетно-ядерного кризиса.

Правда, в этот раз я не сказал, что посол Добрынин отказался подписать подготовленную мной телеграмму, а сообщил, что посольство ее направило в Москву.

Присутствовавшие в полной тишине выслушали мое выступление.

В перерыве ко мне подошли два члена кубинской делегации и поблагодарили за выступление. Подняв вверх большие пальцы рук, сказали по-русски – «хорошо». Американцы никак не реагировали на мои слова, хотя я ожидал, что Скали ответит. Громыко и Добрынин ходили хмурые, явно

недовольные. Это подтвердил в разговоре со мной заместитель министра иностранных дел СССР В. Комплектов. Он упрекнул меня за то, что я еще раньше познакомил с содержанием бесед со Скали члена советской делегации, главного редактора «Литературной газеты» Ф. Бурлацкого, а тот, в свою очередь, поведал эту историю одному из руководителей Международного отдела ЦК КПСС Г. Шахназарову, академикам Г. Арбатову и Е. Примакову и некоторым другим нашим делегатам. Я ответил, что впервые встретился с Бурлацким в декабре 1987 года, чтобы попросить текст его пьесы о карибском кризисе, которая до этого уже в течение пяти лет шла на сцене московского театра Сатиры. На премьеру автор приглашал своего хорошего знакомого, председателя КГБ В. Крюкова, с которым он в давнее время работал в центральном аппарате КПСС. В пьесе действовал советский разведчик Фокин, прототипом которого был я. Поэтому я заявил Комплектову, что Бурлацкий уже давно знал о содержании моих бесед со Скали. Я заинтересовался у Комплектова, правильно ли, по его мнению, поступил Добрынин, когда отказался подписать телеграмму с предложением президента Кеннеди о мирном урегулировании карибского конфликта?

– Не буду отвечать на этот вопрос, – зло буркнул Комплектов и прекратил беседу.

28 января до начала заседания я встретился со Скали во время прогулки во дворе гостиницы. Он выглядел плохо. Видимо, действительно был болен. После обмена несколькими светскими фразами я спросил Джона, будет ли он сегодня выступать с возражением мне. Он покачал головой и нехотя произнес.

– Не буду.

Утром 29-го началось последнее закрытое заседание «круглого стола». В самом начале председательствовавший объявил, что Скали просит сорок пять секунд для заявления. Вот оно дословно:

– Я внимательно прослушал выступление Александра Фомина о характере и содержании наших дискуссий в октябре 1962 года. Я уважаю мистера Фомина и согласен с ним, что мы сыграли значительную роль в то время. Однако должен заявить, что многие из фактов, которые он привел, не совпадают с теми, которые я, профессиональный журналист, с большим опытом работы, четко помню. Я не желаю вступать с ним в полемику по поводу того, что тогда происходило, но хочу, чтобы мои воспоминания, несколько отличающиеся от тех, что привел Фомин, были занесены в протокол...

Я не сомневаюсь в том, что в составлении этого весьма дипломатичного заявления приняли участие руководители американской делегации. Слова Джона никто из участников «круглого стола» не комментировал. Уверен, если бы я был не прав, американские делегаты обязательно выступили бы и разнесли меня в клочья. Но они промолчали.

На следующий день после закрытия конференции я приехал в гостиницу ВЦСПС на Ленинском проспекте, где жила американская делегация, чтобы попрощаться со Скали. Пожелал ему всего хорошего, благополучного возвращения домой и подарил ему томик И. Бунина «Короткие рассказы» на английском языке с дарственной надписью. Джон, в свою очередь, преподнес мне книгу М. Банди «Опасность и выживание» тоже с дарственной надписью.

Мы любезно распрощались, выразив надежду на новую встречу. В это, сказать по правде, я тогда не верил.

Однако судьбе было угодно, чтобы наше пожелание сбылось в начале сентября 1992 года, когда я, как уже писал ранее, приехал в Вашингтон для участия в съемках документального фильма о карибском кризисе кинорежиссера Андрея Стапрана.

Сразу по приезде 1 сентября я позвонил Скали и пригласил к себе в номер гостиницы. Он согласился. Однако утром Джон по телефону сообщил, что не может приехать в отель, и объявил, что встретится со мной только в здании телекомпании. 2 сентября я и Стапан пришли к Скали в его служебный кабинет. Он рассказал, что долгое время болел и только недавно вышел на работу.

Я подарил ему выдержанный грузинский коньяк. Он с благодарностью принял.

По словам Джона, Эй-би-си к тридцатилетию карибского кризиса готовит двухсерийный фильм, который выйдет на экран 22 октября. А. Стапан сообщил, что он приехал снять интервью с видными участниками ракетно-ядерного, кризиса, а также реконструировать тогдашние встречи, и попросил Скали принять участие. Тот отказался, сославшись на запрет Эй-би-си. Тогда режиссер попытался уговорить Джона сняться в ресторане «Оксидентал» без диалога между нами. Стапан был согласен, если американцы будут тоже снимать эти сцены. Он подчеркнул, что в фильме в доброжелательном духе будет показана миротворческая деятельность президента Кеннеди и Хрущева по предотвращению ядерной войны. Скали обещал переговорить со своими боссами в компании и сообщить нам ответ.

3 сентября я посетил Арлингтонское кладбище и возложил две белые гвоздики на могилу президента Кеннеди, который, как я считаю, сыграл главную роль в ликвидации карибского кризиса. Кинорежиссер снял эту сцену.

Обращает на себя скромность могилы покойного президента. Над ней нет общепринятого у нас холмика. На месте погребения – ровная газоновая площадка. Вровень с газоном вкопаны две полукруглые цементные плиты, образующие круг диаметром чуть более метра. В центре круга – железная труба, из которой бьет вечный огонь. Никакого надгробия. Около цепи, огораживающей могилу, в газон врыта небольшая бронзовая, почерневшая от времени плита. На ней с трудом можно прочитать слова: «Джон Фитцджеральд Кеннеди» и даты рождения и смерти.

Я снова встретился со Скали 4 сентября. Он сообщил, что руководители Эй-би-си обсудили

предложение А. Стапрана о совместных съемках в ресторанах и отказались, так как их фильм уже смонтирован на восемьдесят процентов и они не хотят его переделывать. Шефы Джона решили также в контакт с Стапраном не вступать. Запретили и Скали сотрудничать с российским кинорежиссером. Я выразил сожаление.

Затем между нами состоялась спокойная и, я бы сказал, даже дружеская беседа. Мы вспоминали наши прошлые встречи, политические события тридцатилетней давности. Мой собеседник заметил, что ни он, да и никто из его коллег в Соединенных Штатах, еще несколько лет тому назад даже представить не мог, какие радикальные изменения произойдут в Советском Союзе. Скали был раскован, шутил, рассказывал, как он снимался в фильме Эй-би-си. Не забыл подчеркнуть, что ничего плохого обо мне не говорил. Он подарил мне хороший карманный календарь на 1993 год. По моей просьбе Скали дал мне на память две свои фотографии с дарственной надписью на одной из них. И высказал пожелание, чтобы перед отъездом я зашел к нему проститься.

Утром 10 сентября я позвонил Скали. После сухого приветствия он неожиданно недовольным голосом спросил:

– Что вы хотите от меня?

Я сразу понял, что у него скверное настроение. Спокойно сказал, что через день улетаю домой и, как мы ранее условились, хотел бы нанести ему визит вежливости перед отъездом. Он пригласил зайти к нему в середине дня.

Войдя к Скали, я увидел его, стоящим посередине комнаты. Он обхватил руками голову и морщился от боли. Я заметил, что он, очевидно, нездоров. Джон пожаловался на головную боль и пальцем поднятой руки показал на потолок. Заметив на моем лице удивление, он пояснил: только что вернулся с бурного совещания у руководства.

Беседа наша не клеилась. Джон разговаривал неохотно, нервничал. Я все же решил сказать, что очень сожалею, что мы не смогли договориться и рассказать в совместном фильме или написанной вместе статье правдивую историю о наших неофициальных встречах в грозовые дни 1962 года.

– Я ничего писать не буду, – резко отрубил мой собеседник. – Это вы не хотите признать, что передали мне предложения о мирном разрешении конфликта!

Я не ожидал такого ответа и тоже занервничал, но взял себя в руки и спокойно сказал, что это сущая чепуха, неправда. От этих слов Скали взорвался. Лицо его побагровело, а взгляд стал злым.

Видя, что дальнейший разговор вести бесполезно, я предложил:

– Давай останемся каждый при своем мнении. Со временем история нас рассудит. Моя совесть чиста. Я сплю спокойно.

Скали ничего не ответил.

Я пожелал ему и его семье доброго здоровья и благополучия. Он молча проводил меня по коридору. У лифта, холодно пожав друг другу руки, мы расстались. Теперь, очевидно, навсегда...

Скали, как я понимаю, начал много лет тому назад говорить неправду не по своей воле. Так посоветовали, а скорее – приказали его тогдашние шефы. Сложная внутривнутриполитическая обстановка в США, антагонистические отношения между Вашингтоном и Москвой, законы «холодной войны» не позволили сказать правду.

Как трудно пробивается дорога к истине!

ПРОВИДЕЦ ИЗ ВИНЧЕСТЕРА

21 ноября 1918 г. в «Правде» была напечатана статья В. И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина». Ленин писал: «"Правда" поместила сегодня замечательное интересное письмо Питирима Сорокина, на которое надо обратить особое внимание всех коммунистов. В письме этом, напечатанном в „Известиях“ Северо-Двинского исполнительного комитета, Питирим Сорокин заявляет о своем выходе из партии правых эсеров и о сложении с себя звания члена Учредительного собрания».

Далее Ленин подробно показывает объективные причины такого шага П. Сорокина и излагает тактику большевиков по привлечению на свою сторону мелкобуржуазных слоев и интеллигенции.

Волею судьбы за время своей работы в США я несколько раз встречался с П. Сорокиным. В беседах он показал себя патриотом нашей Родины и еще три десятка лет тому назад высказывал мысли, созвучные современному периоду демократизации советского общества. Поэтому, я надеюсь, содержание моих бесед с видным социологом представит интерес для читателя.

Осенью 1942 года я прилетел в Бостон для выступления на митинге, организованном местным Комитетом помощи русским в войне. На аэродроме меня встретили представители комитета, среди которых оказался и Питирим Сорокин. Поздоровавшись со мной и назвав себя, он выразил сочувствие в связи с предательским нападением на Родину фашистской Германии.

По пути к автомашинам П. Сорокин говорил мне:

– Давно все распри позабыв, я делаю все возможное, чтобы хоть на самую маленькую толику ослабить тяжкие страдания моего народа. Вы первый советский человек, с которым я разговариваю в США.

Я поблагодарил его за сочувствие и за деятельность по оказанию помощи Советскому Союзу.

Питирим Сорокин был членом исполкома бостонского отделения Комитета помощи русским в войне. На митинге он сидел в президиуме, но не выступал. После митинга я распрощался с

организаторами и ночным поездом уехал в Нью-Йорк.

Новая встреча с Питиримом Сорокиным состоялась лишь через двадцать лет. В начале декабря 1962 года меня пригласили выступить перед студентами Гарвардского университета. Накануне вылета в Бостон я позвонил Питириму Александровичу и выразил желание встретиться. Как мне показалось, он обрадовался звонку и пригласил в свой дом.

После лекции, в обусловленное время подъезжая к месту жительства Питирима Сорокина, я увидел его перед домом. Он жил в маленьком городке Винчестер возле Бостона. День стоял пасмурный, небо было покрыто сплошными серыми облаками. Вдоль узкой асфальтированной улицы выстроились двухэтажные домики дачного типа, окруженные голыми низкорослыми деревьями и кустами.

Сорокин был одет в старомодное темное двубортное демисезонное пальто, на голове – тоже немодная широкополая темно-серая шляпа; очки в светлой пластмассовой оправе. Ему исполнилось 73 года, но выглядел он крепким мужчиной. Правда, лицо уже избородили морщины, хотя оно оставалось красивым, волевым и несколько суровым. Указывая на свой дом рукой, хозяин сказал:

– Вот моя хата. Здесь я коротаю свой век с женой. Добро пожаловать...

А вот и сама Елена Петровна, пожилая, но еще привлекательная стройная женщина с правильными чертами лица. Я передал ей бутылку «Столичной», баночку зернистой икры и коробку конфет. Елена Петровна приветливо показала свой дом. На первом этаже – прихожая, большая гостиная-столовая и кухня; на втором – две спальни, кабинет, библиотека.

Мы остались в кабинете, уселись в кресла. Вспомнили военные годы.

– Я боялся, – сказал профессор, – что Красная Армия не выдержит такого мощного удара хорошо оснащенной военной машины Гитлера, без особых усилий сокрушившей почти все страны Европы. Опасался, что падут Москва и Ленинград.

Я заметил, что Гитлер мог бы быть разбит значительно раньше, если бы западные союзники своевременно открыли второй фронт.

В ответ Сорокин сказал:

– В планы Черчилля и влиятельных кругов США входила не только победа над Германией, но и максимальное истощение СССР в этой войне. Вообще Англия, начиная со времени Петра Великого, делала все возможное, чтобы не допустить усиления России. Сейчас же США боятся, как бы Советский Союз не стал мощной и влиятельной державой в мире.

Елена Петровна пригласила нас к столу. По ее просьбе за обедом я рассказывал о себе, а хозяин – о своей жизни.

– У меня более пролетарское происхождение, чем у вас, – заметил Сорокин.

Родился он в 1889 году в селе Турья, в нынешней Республике Коми. Родители – бедные, неграмотные крестьяне. Отец плотничал и малярничал в соседних деревнях. Питирим с восьми лет помогал отцу и матери. Когда ему было одиннадцать, умерли родители. После этого начались хождения по людям, городам и весям, подряды в деревнях, на фабриках. Но у него была большая тяга к учебе. Окончил церковно-приходскую школу, гимназию. Переехал в Петербург, где поступил в университет. В 1916 году защитил кандидатскую диссертацию по уголовному праву, а в 1922-м – докторскую по социологии. В студенческие годы примкнул к партии социалистов-революционеров (эсеров). Трижды арестовывался царским правительством и сидел в тюрьмах. Избирался членом Учредительного собрания, два месяца был секретарем Керенского.

В период Октябрьской революции вел идеологическую борьбу против партии большевиков. Приходилось выступать с Лениным на одних и тех же митингах в роли противников.

– Ленин и я достаточно хорошо знали друг друга, – подчеркнул мой собеседник.

Сорокин дважды арестовывался большевиками. В 1918 году его посадили в Вологодскую тюрьму. Местный трибунал приговорил к расстрелу. Чекисты ему сказали, что через десять дней приговор приведут в исполнение. Он писал письма Ленину, Луначарскому²⁰ и Карахану²¹ (с последним вместе учился в Петербургском университете). В письмах просил о помиловании, указывая, что лично никогда не вел вооруженную борьбу против большевиков, а лишь идеологическую. Он не надеялся, что в то сложное время письма дойдут до адресатов, и каждый день ждал смерти. Прошло десять, двадцать, сорок дней, а его не расстреливали.

Однажды явились чекисты и приказали одеваться. Сорокина перевезли в Москву, на Лубянку. После непродолжительного допроса его доставили к народному комиссару просвещения Луначарскому. Выслушав еще раз просьбу и доводы Сорокина, нарком сообщил, что смертный приговор отменяется и он освобождается.

Неожиданно Луначарский предложил Сорокину быть представителем Наркомпроса в северной

²⁰ Луначарский А. В. (1875–1933) – советский государственный и партийный деятель, писатель, критик, академик АН СССР. С 1917 года нарком просвещения. В 1933 году полпред в Испании.

²¹ Карахан (Караханян) Л. М. (1889–1937) – советский государственный деятель. В 1918–1920, 1927–1934 годах – заместитель наркома иностранных дел. В 1921-м полпред в Польше, в 1923–1926 годах – в Китае, с 1934-го – в Турции. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

части России. Сорокин не согласился. Тогда нарком направил его деканом исторического факультета в Петроградский университет, где он проработал до конца 1922 года, когда в числе большой группы оппозиционно настроенных ученых, представителей старой интеллигенции, его выслали из Советской России.

Около года Сорокин читал лекции по социологии в Пражском университете. Позднее был приглашен в Соединенные Штаты на должность профессора в Миннесотский университет, где проработал шесть лет. С 1930 года и до ухода на пенсию в 1955-м возглавлял кафедру социологии Гарвардского университета. Курс его лекций по социологии считали за честь прослушать многие молодые политические деятели и ученые США и других стран, среди них – президент Дж. Кеннеди, госсекретарь Д. Раск.

Сорокин опубликовал более двадцати книг по социологии, многие из которых переведены на другие языки. Так, его монография «Современные социологические теории» издана на одиннадцати языках, а труд «Кризис нашего века» – на восьми. Он стал почетным доктором многих иностранных академий и университетов. В 1936 и 1937 годах избирался президентом Международного института социологии. На Западе Сорокин считается одним из выдающихся социологов двадцатого столетия.

Во время беседы я упомянул, что Ленин написал ер нем статью «Ценные признания Питирима Сорокина».

– Да, была такая статья, – ответил профессор.

– Что побудило вас сделать заявление о выходе из партии эсеров? – спросил я.

Сорокин на несколько минут задумался. На лице Елены Петровны, сидевшей за столом, появилась загадочная улыбка.

– В статье Ленина это объяснено подробно, – ответил мой собеседник. – Если сказать коротко, я тогда увидел, что крестьяне в своей массе не поддержали попытки эсеров захватить власть на местах в различных губерниях. Не только крестьянская беднота поддерживала Советскую власть, но на ее сторону стал переходить середняк. Поняв это, я посчитал, что партия социалистов-революционеров лишилась опоры в народе. Ее дело проиграно, и мне нужно выходить из этой партии, что я и сделал, опубликовав заявление в печати. К тому же, – добавил он, – я был против террористической деятельности, к которой стали прибегать эсеры.

Питирим Сорокин интересовался жизнью в Советском Союзе, спросил, что изменилось в стране после смерти Сталина, как относится народ к Хрущеву.

– Хрущев поступил правильно, что не допустил войны во время карибского кризиса. Не нужно подвергать риску достижения Советского Союза, да и Кубы, которые с таким огромным трудом создавались в течение многих лет, – комментировал мой собеседник.

Затронули вопрос и о культе личности Сталина.

Тогда я был убежден, что с культом личности руководителей у нас покончено. Гарантия этого – принятый на XX съезде КПСС принцип коллективного руководства и развитие социалистической демократии.

Выслушав мои доводы, Сорокин со вздохом сожаления произнес:

– Молодой человек, вы глубоко заблуждаетесь. Вы еще мало жили, мало видели да, очевидно, и мало читали. У меня же более бурная и долгая жизнь, чем у вас. Я видел больше вас, а главное, глубоко изучил эту проблему начиная с древнейших времен. Культ личности проистекает от такого людского порока, как властолюбие, и расцветает особенно пышно в условиях ограниченной демократии. Властолюбие самый опасный порок. Он более вредный, чем сивуха и разврат. Властолюбие и культ личности главы государства сковывают творчество, унижают миллионы людей и тем самым наносят обществу огромный вред.

Подумав, он добавил:

– До тех пор пока не будет установлена подлинная демократия, прямая выборность руководителей народом, регулярная смена руководителей государства и партии в соответствии с принятым законом, культ личности в СССР будет продолжаться.

Спустя тридцать лет после этой беседы я должен признать: мой собеседник оказался совершенно прав.

Взволнованно говорил Сорокин о русских эмигрантах в США: Россия подарила Америке много выдающихся талантов, которые внесли большой вклад в развитие науки, техники и искусства. Он назвал фамилии многих известных выходцев из СССР. Я запомнил лишь несколько имен всемирно известных ученых – механика Тимошенко С. П., участника создания первой атомной бомбы физика-химика Кистяковского Г. Б., первооткрывателя высокооктанового бензина Ипатьева В. Н., изобретателя электронного телевидения Зворыкина В. К., авиаконструктора Сикорского И. И.; композиторов Рахманинова С. В., Гречанинова А. Т., Стравинского И. Ф.; дирижеров – Кусовицкого С. А., Малько Н. А.

Сорокин утверждал, что большая часть эмигрантов в США тосковала по Родине. Если бы советские представители проявили разумную инициативу, установили с ними контакты, пригласили в Советский Союз, то они не только стали бы друзьями СССР, но некоторые наверняка возвратились бы жить и работать в свою страну.

Позже я не раз обдумывал этот разговор с П. Сорокиным и пришел к твердому убеждению, что он не держит зла на Советский Союз, желает ему процветания, является патриотом Родины и превыше всего хочет, чтобы США и СССР никогда не вступали в военный конфликт. Исходя из этого, у меня

родилась идея при очередной встрече с именитым профессором предложить ему написать книгу-исследование о Советском Союзе.

В июле 1963 года я снова по служебным делам выезжал в Бостон и заблаговременно договорился по телефону с встрече с Сорокиным. Супруги встретили меня тепло. Вместе с хозяином мы поднялись к нему в кабинет. Тихо звучала приятная мелодия из стереоустановки. Разговор зашел о современной музыке. Профессор пренебрежительно махнул рукой и сказал:

– Твисты, роки – это собачья брехня, а не музыка. Я люблю классическую. Постоянно любимого композитора у меня нет. Все зависит от настроения. Сейчас, например, Моцарт властвует надо мною.

От музыки перешли к литературе. На стеллажах – тома сочинений Гегеля, Маркса, Энгельса, Ленина, Соловьева, Ключевского, современных историков, философов, экономистов.

– Вы читаете наши журналы? – спросил я.

– Читаю только интересные материалы и статьи, где ругают меня или заимствуют мои идеи.

Сорокин выбрал один советский журнал и открыл его, где лежала закладка:

– Вот этот товарищ целые страницы списал с моей работы двадцатилетней давности и выдает за свои исследования.

Профессор взял с полки свой труд на английском языке, раскрыл на нужной странице, положил на стол рядом со статьей из нашего журнала и пригласил меня сесть и прочитать отчеркнутые места и сравнить их. Я прочитал и убедился: он был прав.

Анализируя ход социалистического строительства в нашей стране, Сорокин высказал убеждение: для построения социализма потребуется мирный труд еще двух-трех поколений. Советский Союз сейчас стал могущественной великой державой, на которую едва ли рискнет напасть какая-либо страна. Поэтому не нужно пороть горячку. Все необходимо делать продуманно, качественно, прочно. Главное – пусть медленно, но неуклонно развивать экономику, улучшать жизнь народа, совершенствовать его образование, трудовое и нравственное воспитание и всю систему его социального обеспечения. Особенно нужно повышать продуктивность сельского хозяйства, чтобы хорошо кормить, одевать, обеспечить жильем людей, тогда народ будет удовлетворен своей жизнью, будет доволен властью, будет верить ей и поддерживать ее.

Касаясь утверждения Хрущева на XXII съезде, что к 1970 году СССР превзойдет США по производству продукции на душу населения, а к 1980-му в основном построит коммунизм, ученый сказал, что это чистое бахвальство, которое не к лицу главе великого государства.

Подытоживая обсуждение этого вопроса, Питирим Сорокин задумался и тихо, с затаенной грустью произнес:

– К советским людям социализм придет не скоро. Когда – это определить нельзя, это зависит от многих факторов и в немалой степени от того, будут ли в руководстве Советского Союза находиться умные, дальновидные люди.

Мы подробно обсудили политику мирного сосуществования, проводившуюся Советским Союзом, Сорокин в целом одобрял ее, но высказал ряд замечаний.

Во-первых, по его мнению, наши ученые-обществоведы, пропагандисты не должны без конца подчеркивать, что мирное сосуществование является формой классовой борьбы между социализмом и капитализмом. Это воспринимается правящими кругами на Западе как подстрекательство Советским Союзом трудящихся в капиталистических странах на борьбу против их правительств, то есть как вмешательство во внутренние дела других стран. А ведь классовая борьба в странах капитала всегда происходила и дальше будет происходить без подсказки советских теоретиков и практиков.

Во-вторых, советские ученые и пропагандисты так преподносят мирное сосуществование, что капиталистические страны будто бы вынуждены заимствовать у стран социализма научные методы управления государством, планирование, организацию образования, различных систем социального обеспечения и, таким образом, придут к социализму. Советский Союз же и другие социалистические страны мало чего могут позаимствовать у капиталистических стран и всего могут достичь путем саморазвития. Мой собеседник считал, что это неверно. Советский Союз должен перенимать у развитых стран Запада все передовое и полезное во всех областях человеческой деятельности.

– Не пойму, почему ваши теоретики ополчились на мою теорию конвергенции? Ведь это же мой вариант вашей политики мирного сосуществования, – недоумевал ученый.

Я заметил, что теория конвергенции увековечивает капитализм, а это не укладывается в рамки учения о коммунизме.

– Какая чушь! – воскликнул профессор. – Ничего нет вечного. Никто не знает, какими будут СССР и США через пятьдесят – сто лет. Ваши ученые-обществоведы – схоласты, догматики, они не владеют тактикой политической борьбы. Они не понимают, что иногда целесообразно идти на компромиссы. Прежде всего нужно заботиться об улучшении жизни нынешнего поколения, а не только о том, что будет через сотню лет. Неужели они не видят, что постепенно, медленно конвергенция уже идет во всех областях науки, экономики, политического устройства, культуры, искусства, образования, социальных отношений, спорта, развлечений... Капитализм полезное перенимает у социализма и, наоборот, социализм все лучшее берет у капитализма. Это идет на пользу как советскому, так и американскому народам, да и всему человечеству. Вот по этой причине я ратую за мирное, спокойное, дружеское сотрудничество между СССР и США.

Сорокин взял со стола небольшую книжку с его докладом о конвергенции, сделанным в 1960 году

на международном конгрессе социологов в Мехико. Передав ее мне, профессор сказал, что это подарок и он надеется, что я внимательно прочитаю доклад дома.

Мы еще некоторое время обсуждали различные аспекты теории конвергенции, впервые предложенной Сорокиным. В то время его приоритет почему-то советскими учеными не признавался. Видимо, они считали всемирно известного социолога просто «белым эмигрантом».

В дверях появилась Елена Петровна. Она улыбнулась и сказала:

– Мужчины, вы, наверное, уже устали от своих дискуссий. Пойдемте к столу.

Мы сели за обед. Хозяйка предложила нам красного грузинского вина.

– Что ты, – сказал профессор, – давай-ка нам лучше русскую водку, а красным причащайся сама.

И, обращаясь ко мне, добавил:

– Вообще я не пью, но в таких случаях, как сейчас, я предпочитаю водку. Вспоминается молодость, Родина.

Поначалу за обедом шел светский разговор, в котором доминировала Елена Петровна. Затем вернулись к политике. Отметим, что в результате победы в войне, выдающихся достижений в области экономики, науки и культуры авторитет Советского Союза в мире неизмеримо вырос, по социалистическому пути пошли многие страны.

– Да, авторитет Советской России высок, как никогда, – согласился Сорокин. – Но вы не обольщайтесь, что на социалистический путь вступили бывшие колонии. Не нужно гнаться за дешевыми, эфемерными политическими победами в Африке и Азии. Оказание большой экономической помощи этим странам ослабляет Советский Союз – ядро новой цивилизации.

Глубоко вздохнув, профессор продолжил:

– Не надо разжигать социализм. В Советском Союзе социализм должен возвышаться, как гранитная скала, сверкать всеми своими гранями, как хорошо отшлифованный огромный бриллиант.

– Питирим Александрович, когда же вы, всемирно известный ученый, напишете книгу о своей Родине? – спросил я.

Сорокин медленно поднялся со стула, молча прошелся вокруг стола. Остановился около меня и, потрясая руками, почти закричал:

– Вы мне шанса не даете! – в голосе звучали раздражение, укор, досада и боль. – Я давно хочу это сделать. Но я не могу писать книгу, высасывая данные из пальца и беря факты с потолка. Для этого нужно побывать на Родине.

Елена Петровна подошла к мужу:

– Успокойся, Питирим, успокойся. Тебе нельзя волноваться. Сядь и выпей чаю.

Сорокин последовал ее совету.

Я спросил профессора, что мы должны сделать, чтобы дать ему возможность написать книгу?

– Пусть Академия наук, Ленинградский или другой университет пригласят меня, – ответил ученый. – Все цивилизованные страны приглашали меня читать лекции. Только моя Родина не сделала этого. Туристом не поеду. Я очень хочу побывать в Советском Союзе и увидеть все своими глазами.

Сорокин рассказал, что в последние годы он пытался установить контакты с советскими учеными, чтобы облегчить получение приглашения в Советскую Россию. Время от времени он посылал свои книги и интересные труды американских авторов в Академию наук СССР и Ленинградский университет. Но в ответ не получил ни разу даже простого подтверждения, что посылки прибыли.

Я выразил надежду, что в ближайшие годы отношения между нашими странами улучшатся и что ему удастся выполнить давнишнюю мечту.

О своих беседах с ученым я составил справку, которую направил в Москву с предложением организовать приглашение в СССР Питирима Сорокина с женой.

В августе 1963 года, находясь в отпуске, я узнал, что вопрос о приглашении рассматривается в Международном отделе ЦК КПСС. Руководство отдела колебалось, говоря: «Как мы его пригласим, когда в Советском Союзе защищены два десятка диссертаций по теме: „Критика социологических теорий П. Сорокина“?» Было решено повременить год-другой. А потом, конечно, об этом забыли.

Возвратившись после отпуска в Вашингтон, я собирался при удобном случае посетить Сорокиных и сообщить им, как обстоит дело с их приглашением. Неожиданно он сам позвонил мне в посольство и сказал, что с женой находится в Вашингтоне. Я пригласил их пообедать в ресторане.

Как только мы сели за стол, профессор через официанта заказал такси. А мне пояснил: у него всего около двух часов свободного времени до отъезда на аэродром.

Сорокины, особенно он, были мрачные, чем-то подавленные.

Я сообщил, что в Москве положительно воспринято желание Сорокиных приехать в СССР и что реально их приглашение может состояться в 1964 году.

Профессор стал рассказывать о своем отдыхе в Канаде. Но как-то отрывочно, путано. По всему было видно, что его что-то мучает.

Я заметил собеседнику, что он чем-то обеспокоен.

– Да, вы правы, у меня действительно неприятность, – не стал хитрить Сорокин.

И рассказал, что утром у него была встреча с одним из своих бывших учеников, занимающим важный пост в администрации президента Кеннеди. Сорокин поинтересовался у него, как отнесется госдепартамент к его намерению совершить поездку в СССР. Дипломат порекомендовал ему не делать этого, так как Москва использует, мол, его поездку в своих пропагандистских целях. Профессор

возразил: во время поездки он будет делать только заявления, способствующие установлению взаимопонимания и дружественных отношений между США и СССР, что соответствует официальной политике Белого дома.

Несмотря на это, представитель администрации все же настойчиво уговаривал его отказаться от своего намерения.

– Это уже второй раз мне не советуют ехать в СССР, – сказал Сорокин. – Первый раз такое было летом 1962 года. Тогда президент Всемирного Совета Мира профессор Берналл пригласил меня в качестве гостя в Москву на Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. Тогда я не поехал, потому что получил письмо из госдепартамента за подписью Дина Раска, в котором рекомендовалось отказаться от приглашения. И теперь мне ясно, что я должен оставить свои надежды до лучших времен, – с грустью признался ученый.

Подошел официант и сказал, что такси приехало. Мы вышли из ресторана и на улице тепло попрощались. Сорокины просили всегда заходить к ним, когда я буду в их краях.

Под новый 1964 год мы обменялись поздравительными открытками. В марте 1964 года я возвратился из командировки в Москву. В 1968 году Питирим Сорокин умер, так и не побывав на своей Родине.

Недавно я перечитал доклад П. А. Сорокина о конвергенции. Прошло немало лет с тех пор, когда я брал в руки эту книжку. Как говорится, много воды утекло. Но сейчас мысли ученого потрясли меня. Более тридцати лет назад он одним из первых убедительно доказал историческую необходимость срачивания социалистической и капиталистической систем как условия мирного сосуществования самых разных государств. Профессор привел яркие факты, что конвергенция – хотят ли этого руководители США и СССР или нет – уже идет. И этот процесс необратим.

В 50-х годах президенты США и лидеры других капиталистических стран говорили, что будущее принадлежит капиталистическому обществу. В то же время председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и руководители других социалистических государств утверждали: коммунизм еще в нашем столетии одержит победу. В отличие от этих прогнозов, Питирим Сорокин аргументированно доказал: если человечеству удастся избежать новых войн и преодолеть нынешние серьезные конфликты, то в мире возникнет общество, которое будет не капиталистическим и не коммунистическим, а интегральным, которое вберет в себя все положительное от той и другой общественных систем.

Свой доклад великий социолог закончил поистине вещными словами: «Мой анализ показывает также, что в настоящее время среди разных ценностей СССР и США нет ни одной ценности, которая оправдывала бы продолжение нынешней воинственной политики в отношении друг друга, и абсолютно никакой ценности, которая в самой малейшей степени оправдывала бы величайшее преступление – начало новой мировой войны. Это не означает, что такая война не может начаться: несмотря на весь прогресс, человек все еще в значительной степени остается неразумным, вспыльчивым, вредным, жестоким и жадным созданием; а человеческое упрямство все еще живуче в людях, особенно в руководящих кругах».

УБИЙСТВО ПРЕЗИДЕНТА ДЖОНА КЕННЕДИ

Джон Фитцджералд Кеннеди приступил к исполнению своих обязанностей президента США 20 января 1961 г. Его жизнь трагически оборвалась 22 ноября 1963 г. Всего он был хозяином Белого дома два года десять месяцев и два дня. Все это время я находился в Вашингтоне и, естественно, интересовался деятельностью президента.

Вот почему мне хотелось бы кратко изложить свое мнение, почему убили президента Кеннеди, кто его убил, как проходили его похороны и как американский народ отнесся к этому трагическому событию.

Осенью 1963 года в демократической партии Техаса, одного из важнейших штатов США, произошел раскол.

Губернатор Джон Конноли стал добиваться, чтобы его штат посетили президент Дж. Кеннеди и вице-президент Л. Джонсон, чтобы примирить перед приближающимися выборами – они должны были состояться в 1964 году – враждующие группировки местных демократов. Президент вначале не давал согласия. Ссылаясь на загруженность, он ответил, что будет лучше, если этим займется коренной техасец Линдон Джонсон, глава демократической партийной машины Техаса.

Однако Л. Джонсон доказывал, что именно президенту надо побывать в Техасе. Наконец они договорились, что отправятся вместе в середине ноября 1963 года. Но согласие не уменьшило нежелания президента ехать в Техас, о чем он откровенно говорил своим помощникам и друзьям. Кеннеди знал, что тамошние нефтяные короли, недовольные президентской налоговой политикой, развернули против него шумную враждебную кампанию. Имелась еще одна причина – он решил на выборах в 1964 году не брать Джонсона в свою команду.

Некоторые сотрудники аппарата президента и министры предупреждали его о грозящей опасности и рекомендовали отложить поездку или отказаться от нее. ФБР, ЦРУ и секретная служба, отвечающие за безопасность президента, по сему поводу помалкивали. Сам же Кеннеди не хотел, чтобы противники обвинили его в трусости. И он полетел в Техас.

22 ноября 1963 г., в день прибытия Дж. Кеннеди в Даллас, газета «Даллас морнинг ньюс» во всю страницу поместила портрет президента в жирной траурной рамке с издевательской подписью: «Добро

пожаловать в Даллас, мистер Кеннеди». Счет за публикацию оплатили три техасских бизнесмена, в том числе сын нефтяного миллиардера Гарольда Ханта.

В 11. 37 самолет президента приземлился в аэропорту Далласа. Кеннеди сел в автомашину на заднее сиденье вместе с женой. На откидных креслах устроились губернатор Конноли и его супруга. С автомобиля почему-то была снята прозрачная, пуленепробиваемая крыша. Во вторую машину сел вице-президент Джонсон, и вся вереница направилась в центр города к залу аукционов, где местные бизнесмены давали обед в честь гостя и где Кеннеди должен был выступить с речью.

В 12. 30, когда машина президента, делая поворот, замедлила ход, раздались якобы три выстрела. Кеннеди был ранен, из его головы хлынула кровь. Губернатор получил ранение в спину. Автомобили президента, вице-президента и охраны на большой скорости помчались в близлежащий Парклендский госпиталь. Не приходя в сознание, в 13.00 президент Кеннеди скончался. Ему было тогда 46 лет.

Помощник пресс-секретаря Белого дома Килдафф разыскал Линдона Джонсона в маленькой комнате госпиталя, где он находился под усиленной охраной, и сказал ему, что нужно объявить прессе о смерти Кеннеди. Джонсон возразил: «Нет, подождите. Мы еще не знаем, не коммунистический ли это заговор. Лучше я сначала переберусь отсюда в самолет». Обращает на себя внимание, что это он произнес почти за час до того, как полиция задержала Освальда по подозрению в убийстве Кеннеди. Полиция также назвала двадцатичетырехлетнего Ли Харви Освальда «марксистом прокастровского толка». Это сообщение стало официальной версией, на которой ФБР настаивает до сих пор.

В то же время большая часть министров кабинета Кеннеди, включая государственного секретаря Раска, и высшее руководство Пентагона заявили, что президент был убит в результате заговора правых сил. Корреспонденты телевидения останавливали прохожих на улицах и спрашивали о причинах убийства. Абсолютное большинство ответило: «Преступление совершено ультраконсерваторами Юга».

Прибыв на аэродром, Л. Джонсон и его свита разместились не в своем самолете «ВВС-2», а в президентском «ВВС-1». Через два часа сюда доставили бронзовый гроб с телом Кеннеди, который сопровождала вдова. И тут же Джонсон дал присягу, став тридцать шестым президентом США. Рядом находилась вдова Кеннеди, которая была одета в окровавленный розовый шерстяной костюм. Этот костюм вдова не снимала и по прибытии в Вашингтон. Когда ей предложили переодеться, Жаклин Кеннеди наотрез отказалась, сказав: «Пусть видят, что они сделали».

23 ноября гроб с телом президента, покрытый флагом США, находился в Белом доме, куда имели доступ лишь родные покойного и высокопоставленные лица.

24-го гроб установили в ротонде здания Конгресса для прощания американцев с президентом. За день там побывало около трехсот тысяч человек.

25 ноября состоялись похороны. Траурная процессия началась у здания Конгресса. Гроб с телом Кеннеди водрузили на артиллерийский лафет. Следуя военной традиции, вслед за гробом морской пехотинец вел под уздцы вороного коня. На нем не было всадника, а к седлу была прикреплена шпага, в стремена вставлены сапоги, носками назад: печальное олицетворение того, что полководец погиб и уже больше не поведет за собой войско.

Рядом с вдовой шли братья покойного президента Роберт и Эдвард Кеннеди. Траурная процессия направилась в кафедральный собор Святого Матвея, где отслужили заупокойную панихиду. Из Вашингтона траурная процессия направилась на Арлингтонское военное кладбище.

У могилы прозвучал прощальный сигнал горниста. Вдова зажгла вечный огонь. Ей передали свернутый флаг США, которым был накрыт гроб с телом президента. В 3. 34 дня похороны были окончены.

В полночь вдова в сопровождении Роберта Кеннеди посетила кладбище и положила лилии на могилу мужа.

На похороны президента Кеннеди приехали главы и представители девяноста двух государств. От Советского Союза – А. И. Микоян, председатель Президиума Верховного Совета СССР. Во время похоронной процессии улицы заполнили несколько сот тысяч человек.

Обстановка в эти дни в Вашингтоне была нервной. Среди жителей ходили слухи, что в город прибыли группы террористов, которые должны убить еще двух деятелей – одного американца и одного иностранца. Полиция подтвердила, что в эти дни к ней поступали анонимные звонки, в которых содержалась угроза в отношении почти всех высокопоставленных лиц. Микоян постоянно охраняли два сотрудника ФБР. Когда он находился в советском посольстве, мы разрешали этим охранникам заходить в здание, угощали их обедом, кофе. В беседах с нашими оперативными работниками они высказывали твердое мнение, что президента убила подготовленная ультраправыми южанами специальная группа террористов, а Освальд был заранее подобран на роль «мальчика для битья».

Слова сотрудников ФБР оказались пророческими.

Пока вашингтонские власти были заняты устройством похорон, в Далласе происходили поистине драматические события.

22 ноября, когда Освальда вели в полицейскую тюрьму, он кричал:

– Я никого не убивал! Меня сделали козлом отпущения!

Последняя фраза, по моему мнению, говорит о том, что Освальд знал, кто в действительности убил Кеннеди.

22 и 23 ноября сотрудники ФБР и полиции Далласа допрашивали Освальда в общей сложности

двенадцать часов. Никаких протоколов не велось якобы потому, что не было стенографа и магнитофона. Освальд отрицал, что он убил президента и полицейского Типпита. (Нет сомнений, что если бы Освальд признался в убийстве, мгновенно бы нашлись и стенограф и магнитофон.)

В ночь с 22 на 23 ноября по просьбе журналистов Освальда показали им в полицейском участке. Он категорически отрицал предъявленные ему обвинения в убийстве президента. Когда полицейский, конвоировавший Освальда с ночной пресс-конференции, ввел его в лифт, с ними удалось поехать фотокорреспонденту Джерри Геральду. Освальд сказал Геральду, что из него сделали «затычку», то есть хотели свалить на него вину других, но когда будет суд, он раскроет правду о заговоре против Джона Кеннеди.

Позднее, в середине декабря 1963 года, главный прокурор Техаса Вагнер Карр сообщил созданной для расследования убийства президента комиссии Уоррена, что с сентября 1962 года Освальд был секретным сотрудником ФБР с окладом 200 долларов в месяц. 24 января на встрече с членами комиссии Карр и далласский прокурор Уэйд добавили, что Освальд являлся также осведомителем ЦРУ и значился в ведомстве под номером 110669.

В поддень 24 ноября Освальда застрелили. Убийство произошло в подвале полицейской тюрьмы, когда его конвоировали, чтобы посадить в бронированную машину и перевезти в окружную тюрьму. В коридоре, по которому вели Освальда, находились лица, в том числе корреспонденты телевидения, допущенные туда по пропускам. Убийца выскочил из-за спин репортеров и в упор выстрелил в левую часть груди Освальда. Им оказался Джек Рубинштейн, известный как Руби, хозяин двух ночных заведений, темный делец, имевший связи с мафией, ультраправыми кругами, кубинскими эмигрантами, полицией и ФБР. Как Руби проник без пропуска в здание полицейской тюрьмы – осталось загадкой. Видимо, какие-то влиятельные контакты позволили ему обойти строгий пропускной режим. Руби заявил, что он застрелил Освальда, чтобы избавить Жаклин Кеннеди от хождения на судебные заседания во время суда над Освальдом. Странный мотив, не правда ли?

25 ноября Освальда без шума похоронили на отдаленном кладбище. У его жены и родных не оказалось денег на печальную церемонию. Представители какой-то секретной службы из Далласа (неужели нельзя было установить – кто именно?!) договорились с ритуальной конторой, что оплатят расходы по самым низким расценкам, не более пятисот долларов. Освальда предали земле в присутствии жены, матери и брата. На кладбище присутствовали несколько корреспондентов и множество полицейских.

Несколько слов о Ли Харви Освальде. Он родился в Новом Орлеане в 1939 году. С конца 1956 года служил в морской пехоте. Проходил подготовку в Калифорнии и Флориде для работы на радарх. С июля 1957 года по октябрь 1958 года находился на военной базе США в Ацуги (Япония). На военной службе изучал русский язык. 11 сентября 1959 г. его уволили в запас.

13 октября 1959 г. Освальд приехал в Москву, попросил политического убежища и подал прошение о принятии в советское гражданство. Ему отказали. Угрожая покончить жизнь самоубийством, он добился разрешения на жительство в СССР. В Минске работал на радиозаводе. Вскоре женился на Марине Николаевой, фармацевте. С начала 1962 года начал добиваться возвращения в США. По словам Освальда, в СССР он проживал с согласия посольства США в Москве, поэтому возвращение его, жены и ребенка оплатил госдепартамент, а скорее всего – ЦРУ. Семья Освальда проживала в Новом Орлеане, а затем в Далласе. Жили бедно, Освальд часто оставался без работы. Несмотря на это, в июне 1963 года он получил заграничный паспорт, выехал в Мексику и добивался там выезда на Кубу. Но кубинское консульство ему визы не выдало.

В Техасе Освальд вел себя странно. Выдавал себя за сторонника Кастро, в то же время участвовал в подготовке диверсантов из числа антикастровских эмигрантов в специальной школе около Нового Орлеана. В это заведение наведывался и Джек Руби.

В 1960–1963 годах Освальд прислал несколько писем в наш консульский отдел в Вашингтоне. Он жаловался на трудную жизнь, на то, что он не может найти приличную постоянную работу, что местные власти к нему относятся плохо. В письмах подчеркивалось, что службы безопасности все время беспокоят его семью, что, по его мнению, ФБР уже завербовало Марину и теперь «липнет» к нему. Освальд выражал желание возвратиться на постоянное жительство в Минск.

Всю имевшуюся переписку с Освальдом советское посольство в ксерокопии с сопроводительным письмом направило в госдепартамент в один из последних дней ноября 1963 года. Никакой реакции оттуда не последовало.

В день убийства Кеннеди неизвестное лицо позвонило в советское торговое представительство в Нью-Йорке и сообщило, что убийство президента США организовали нефтяные техасские миллиардеры Ханты. Об этом телефонном звонке постоянный представитель СССР при ООН В. Н. Зорин немедленно сообщил главе миссии США при ООН Эдлаю Стивенсону. Кто же такие Ханты?

Глава этого клана – Гарольд Хант, которого считают одним из самых богатых людей в мире. Он в течение многих лет поддерживал тесные дружеские отношения с сенатором от штата Техас Линдоном Джонсоном. В 1960 году Г. Хант финансировал избирательную кампанию сенатора в его попытке стать президентом США. Когда на съезде демократической партии кандидатом в президенты избрали Джона Кеннеди, Хант посоветовал Джонсону принять предложение о вице-президентстве.

Осенью 1961 года американский публицист Альфред Бёрк гостил на вилле у Ханта. В его присутствии нефтяной король поносил президента Кеннеди за его политику, которая, как он считал,

направлена на разрушение его, хантовской, нефтяной империи. В этом разговоре техасский магнат выдвинул идею физического устранения президента. «Иного пути нет, – записал в свой блокнот слова Ханта А. Бёрк. – Чтобы избавиться от предателей, засевавших в нашем правительстве, нужно всех их перестрелять».

Известно, что Г. Хант поддерживал дружеские отношения и с директором ФБР Э. Гувером, а его сын Нельсон дружил с издателем ультраконсервативной газеты Тэдом Дили, который в день приезда президента и опубликовал траурный портрет Кеннеди. Утром того же дня к Дили заходил Джек Руби. За несколько дней до убийства Кеннеди Руби побывал в конторе другого сына Ханта – Ламара и долго беседовал с ним один на один.

Вечером 22 ноября агенты ФБР явились на виллу Ханта, видимо, по указанию своего шефа Э. Гувера, и предупредили, что оставаться ему в Далласе небезопасно, ибо многие люди связывают его имя с убийством президента. И нефтяного короля в ту же ночь тайно самолетом переправили в город Балтимор, где он переждал несколько недель, пока улеглись страсти.

В Вашингтоне очень долго главной темой разговоров в дипломатических и журналистских кругах, среди интеллигенции оставалось убийство Кеннеди. В прессе это печальное событие стали именовать преступлением века. Один мой знакомый американский корреспондент заверял меня, что журналисты, а их тысячи, так любили своего президента, что нет никакого сомнения в том, что они в течение трех, максимум пяти лет докопаются до действительных убийц Кеннеди и весь мир узнает об этом. Как же ошибся мой знакомый!

Прошло уже тридцать лет, а мы до сих пор не знаем, кто совершил «преступление века». И это несмотря на то, что расследование проводили две специально созданные государственные комиссии и несколько частных лиц. 29 ноября 1963 года была создана специальная комиссия по расследованию покушения в Далласе. Ее возглавил председатель Верховного суда США Эрл Уоррен. Он несколько раз отказывался от этого поручения, но в конце концов сдался под нажимом нового президента Линдона Джонсона. В беседе с ним президент обрисовал серьезную обстановку, сложившуюся в США. Он сказал, что ходят дикие слухи о якобы имевшемся заговоре с целью убийства Кеннеди, что народ может ожесточиться против Кастро и Хрущева и не исключено, что дело дойдет до войны, разумеется, с применением ядерного оружия. Джонсон подчеркнул, что в атомной войне погибнут миллионы.

С самого начала работы комиссии Уоррена многие американцы понимали, что она не вскроет причины убийства президента Кеннеди и не найдет организаторов «преступления века», что главная задача комиссии будет состоять в том, чтобы побыстрее закрыть это позорное для Америки дело.

Через десять месяцев, 25 сентября 1964 г., комиссия подготовила доклад об итогах расследования. Только резюме этого доклада составило 888 страниц плюс двадцать шесть томов приложений к нему.

В выводах комиссии Уоррена, в частности, утверждалось:

– не обнаружено никаких доказательств того, что Освальд и Руби были участниками внутреннего или внешнего заговора с целью убийства Кеннеди;

– Освальд действовал в одиночку;

– он не был сотрудником или агентом или же осведомителем ФБР, ЦРУ или какого-либо другого правительственного органа.

Иными словами, комиссия сделала именно такие выводы, которые нужны были правящим кругам США. Не дав возможности американцам толком ознакомиться с докладом, большинство средств массовой информации, принадлежащих тем же правящим кругам США и контролируемых ими, как по команде начали расхваливать работу комиссии Уоррена.

Однако через три года опрос, проведенный Институтом общественного мнения Л. Харриса, показал, что 72 процента американцев считают доклад неверным и полагают, что убийство Кеннеди стало частью широкого заговора. На уточняющий вопрос, кто конкретно стоял за покушением, два процента ответили: Линдон Джонсон.

В 1965–1966 годах в США и за границей многие открыто говорили, что Кеннеди убили правые «ультра», и ходили слухи о причастности к этому делу «очень больших людей».

Тогда же сильно возросла политическая активность в стране: приближались президентские выборы 1968 года. Ожидалось, что Роберт Кеннеди выдвинет свою кандидатуру. В этой обстановке стали раздаваться настойчивые голоса с требованием провести новое расследование обстоятельств убийства Джона Кеннеди. Требование поддержали влиятельные американские журналы и газеты. Однако против выступили президент Л. Джонсон и директор ФБР Э. Гувер. Они сделали заявления о том, что нет оснований сомневаться в выводах комиссии Уоррена и что требования о пересмотре «дела об убийстве Джона Кеннеди» – это результат политической игры Роберта Кеннеди, который готовится к борьбе за президентский пост.

Л. Джонсон и Э. Гувер имели основания опасаться пересмотра результатов официального расследования. Еще больше они боялись прихода Роберта Кеннеди в Белый дом, так как он неминуемо уволил бы директора ФБР и вскрыл бы, кто явился организатором убийства его брата.

Тем временем начался ряд местных расследований «преступления века». В 1966 году этим занялись: окружной прокурор Нового Орлеана Джим Гаррисон, калифорнийский инженер-электронщик Дэвид Лифтон и другие.

Требования о пересмотре обстоятельств покушения на Джона Кеннеди резко усилились после

убийства в 1968 году Роберта Кеннеди и видного негритянского деятеля Мартина Лютера Кинга. В сентябре 1976 года палата представителей Конгресса США приняла решение о создании специальной комиссии по расследованию убийства президента Кеннеди.

В результате было установлено, что Руби, Освальд и его жена являлись агентами ФБР. Однако ФБР отказывалось предоставить комиссии имеющиеся на них материалы. Освальд и Руби были связаны с кадровыми сотрудниками и агентами ЦРУ. В южных штатах США – Флориде, Техасе, Луизиане – главное разведывательное ведомство Вашингтона поддерживало связь с мафией и террористами, которых оно планировало использовать для убийства Фиделя Кастро.

Вначале Джека Руби приговорили к смертной казни, однако в 1966 году приговор отменили и назначили новое судебное разбирательство за пределами штата Техас. Находясь в далласской окружной тюрьме с весны 1964 года, Руби стал просить, чтобы его перевели в другое место, и обещал, что в этом случае он расскажет всю правду. С такой же просьбой Руби обратился в конце мая к комиссии Уоррена.

7 июня 1964 г. в тюремную камеру Джека Руби вошли сам председатель комиссии Уоррен и член комиссии конгрессмен Джеральд Форд, известный среди законодателей как «лучший друг ЦРУ», а также два полицейских. Заключенный буквально умолял Уоррена перевести его из Далласа в Вашингтон. «Здесь нельзя говорить об убийстве Кеннеди», – твердил Руби.

Председатель Верховного суда отказал в просьбе под невразумительным предлогом: «...такая операция привлекла бы всеобщее внимание и поэтому пришлось бы увеличивать охрану в самолёте». Руби все понял и на прощание сказал Уоррену и Форду: «Вы меня больше никогда не увидите. Я в этом уверен».

В конце 1966 года, после того как его смертный приговор отменили, Руби заболел и его поместили в Парклендский госпиталь. 3 января 1967 г. заключенный умер. Перед смертью он сказал, что «ему ввели раковые клетки».

Таким образом, до нового суда Руби не дожил. Говорят, ему не дали дожить. И похоже, что это правда.

К осени 1966 года у окружного прокурора Нового Орлеана набралось достаточно свидетельских показаний о том, что к организации убийства причастны некоторые жители его города. В 1964 году умер Г. Бэннистер, хозяин частного сыскного бюро, до этого служивший начальником отделения ФБР в Чикаго. Через несколько часов после смерти в его конторе появились сотрудники ФБР и увезли весь архив. Однако, видимо, впопыхах обронили список некоторых секретных дел. В нем значились материалы о ЦРУ, Международном торговом центре и другие. Спустя некоторое время секретарша и любовница Бэннистера Дельфина Робертс дала показания, согласно которым покойный получал большие суммы от ЦРУ на выполнение заданий. В числе его связей она назвала Освальда. Контора Бэннистера помещалась в трехэтажном доме под номером 544 по улице Кэмп. Этот дом посещали кубинские эмигранты из антикастровских организаций. В сыскном бюро работал цэрэушник Дэвид Ферри. Кроме того, ЦРУ в помощь Бэннистеру для руководства антикубинскими организациями выделило двух своих сотрудников – Гордона Новела и Хьюга Уорда.

Прокурор Гаррисон заинтересовался Международным торговым центром и его управляющим Клеем Шоу. Выяснилось, что К. Шоу руководил таким же центром в Риме и что оба учреждения служили «крышами» для ЦРУ.

В Новом Орлеане свои темные дела Шоу проворачивал руками Бэннистера и других махровых реакционеров. Его подручный Дэвид Ферри имел контакты с боссом новоорлеанской мафии Карлосом Марчелло.

Джим Гаррисон нашел семь надежных свидетелей, которые подтвердили, что Шоу двадцать раз встречался с Освальдом, Руби и Ферри.

1 марта 1967 г. Гаррисон арестовал Клея Шоу, предъявив ему обвинение в заговоре с целью убийства Джона Кеннеди, и выпустил его под залог. А 14 марта состоялось предварительное слушание, которое должно было определить, есть ли достаточные доказательства и основания для привлечения Шоу к суду. На слушание собралось более двухсот корреспондентов и фоторепортеров.

Главный свидетель Джима Гаррисона двадцатипятилетний агент страховой компании Перри Руссо, который в течение нескольких лет близко знал Дэвида Ферри, рассказал, что в сентябре 1963 года он находился в гостях у последнего. Там также присутствовали Освальд и седой джентльмен, представившийся как Клей Бертран. Далее Руссо сказал, что Ферри, Освальд и Бертран в его присутствии договаривались о том, что надо убить президента Кеннеди.

Прокурор спросил Руссо:

– Нет ли в этом зале человека, которого вы знали как Клея Бертрانا?

– Да, он здесь, – ответил свидетель.

Затем Руссо подошел к столу защиты и указал на крупного человека с военной выправкой. Это был Клей Шоу, богач, известный всему Новому Орлеану.

Три дня защитники Шоу старались оклеветать Руссо, но на четвертый день судьи Бегерт, О'Хара и Бренифф единогласно решили, что есть достаточно доказательств, чтобы отдать Шоу под суд за участие в заговоре с целью убийства президента Кеннеди.

Защитники Шоу всеми средствами затягивали начало суда. В этом им помогали судебные власти Нового Орлеана, а также ЦРУ и ФБР. Разгорелась жестокая схватка. Гаррисон добивался скорого суда,

а его противники вставляли палки в колеса. Силы оказались явно неравными. Гаррисон имел всего двух помощников, поэтому он решил привлечь добровольцев, которые могли бы ему помочь. Воспользовавшись этим, ФБР и ЦРУ в качестве таких «добровольцев» подобрали своих людей. Они уничтожали или похищали материалы следствия. За два года им удалось украсть большую часть важнейших документов.

Гаррисон кроме Перри Руссо сумел найти еще нескольких свидетелей, которые помогли выявить картину заговора, но часть из них вскоре после встреч с прокурором погибли при загадочных обстоятельствах. Покончил жизнь самоубийством заговорщик и помощник Шоу и Бэннистера кадровый сотрудник ЦРУ Дэвид Ферри. Другой их помощник, тоже агент разведки, Гордон Новел исчез из Нового Орлеана.

Самого Гаррисона средства массовой информации всячески травили, обвиняя в самых немислимых грехах. В письмах и по телефону ему не раз угрожали расправой.

На основании полученных документов и свидетельских показаний Гаррисон пришел к выводу, что президент был убит профессиональными террористами в результате тщательно подготовленного заговора.

Вот что говорил Гаррисон:

– Освальд участвовал в подготовке убийства Кеннеди, но сам в него не стрелял и не подозревал, что будет схвачен полицией Далласа вскоре после убийства. Это, в частности, подтвердил в своей книге «Досье об убийстве ДФК»²² начальник полиции Далласа Джесси Керри, где, в частности, можно было прочитать: «У нас не было каких-либо доказательств того, что Освальд стрелял из винтовки. Никто не мог доказать, что он находился в здании с винтовкой в руках. Парафиновая проба, взятая с правой стороны лица Освальда не выявила нитрата; значит, он не стрелял из винтовки».

Непосредственную операцию по убийству выполняло семь человек. Это были кубинские эмигранты и американцы, служившие в вооруженных антикастровских отрядах. Они стреляли с трех точек, включая окно склада школьных учебников, где работал Освальд, и холм, находившийся впереди машины президента. Стреляли трое снайперов. Их напарники подбирали стреляные гильзы. Седьмой участник операции – человек, одетый в зеленый комбинезон, – выполнял отвлекающий маневр. За несколько секунд до приближения автомашины, в которой был Кеннеди, к месту, где должно было произойти убийство, он закричал и, упав на землю, симулировал припадок эпилепсии, отвлекая внимание окружающих от изготовившихся стрелков.

После убийства президента двое из этой семерки были задержаны полицией, но вскоре отпущены и исчезли. Их дальнейшая судьба неизвестна, хотя Гаррисон утверждал, что знает их имена.

Семерка убийц контролировалась Клеем Шоу через Дэвида Ферри. А сам Шоу был связан с хозяевами – несколькими богатыми нефтепромышленниками, которые участвовали в заговоре и финансировали его. Президент Кеннеди, утверждал Гаррисон, был убит потому, что хотел изменить внешнеполитический курс США и нормализовать отношения с Советским Союзом и Кубой. Заговорщики намеревались не допустить этого. По мнению новоорлеанского прокурора, Линдон Джонсон знал правду об убийстве Кеннеди, но непосредственно не принимал участия в заговоре.

Суд над Шоу проходил в 1969 году, когда в США вновь наблюдался подъем реакционных сил. Подтверждением этого может служить то, что на президентских выборах 1968 года за кандидата новой ультраправой партии Дж. Уоллеса проголосовало около десяти миллионов американцев. Он чисто победил в пяти южных штатах. Политические убийства Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга запугали людей, поддерживавших Гаррисона. Все это предопределило поражение окружного прокурора – Шоу оправдали.

В конце 70-х годов вышла документальная повесть «Предательство», написанная бывшим сотрудником ЦРУ Робертом Д. Морроу, знавшим в деталях из первых рук о заговоре против президента Кеннеди. Автор утверждает, что организатором был сотрудник ЦРУ Клей Шоу, который якобы перестал подчиняться своему руководству и действовал самостоятельно. Исполнителями замысла Шоу были Ферри, Бэннистер, Руби, Освальд. Морроу полностью подтвердил версию окружного прокурора Гаррисона.

Серьезное обвинение ЦРУ и ФБР в сокрытии убийства Джона Кеннеди было предъявлено в 1975 году специальной комиссией сената (ее возглавлял Черч), расследовавшей деятельность разведывательных служб США. Два ее члена Р. Швейкер и Г. Харт выяснили, что разведка скрыла от комиссии Уоррена чрезвычайно важные данные. В их докладной отмечалось, что разведывательное ведомство в начале 60-х годов привлекало к антикубинской деятельности нескольких руководителей мафии, в частности Джанкану и Россели. Их вызвали для дачи показаний. Но оба гангстера загадочно погибли, так и не представ перед расследователями.

Джанкану, который, как утверждали, был готов поделиться информацией, нашли убитым в подвале собственного особняка. Россели успел передать сведения, что его бывшие сообщники по заговору против Ф. Кастро переключились на убийство президента Кеннеди, но потом гангстер исчез. В июле 1976

²² Аббревиатура имени и фамилии президента Кеннеди; так называли его между собой ближайшие сотрудники. – Прим. авт.

года его труп нашли в бочке, затопленной в океане близ Майами. Чисто мафиозное убийство!

В связи с этим сенатор Р. Швейкер осенью 1975 года потребовал, чтобы Конгресс провел тщательное расследование всех обстоятельств гибели Кеннеди. Сенат отказался, но этим занялась палата представителей. В конце концов была создана Специальная комиссия по расследованию убийства (СКРУ). Председателем избрали Генри Гонсалеса. Главным следователем назначили прокурора Ричарда Спрейга.

Комиссия работала в очень трудных условиях. На нее оказывали сильное давление влиятельные деятели республиканской администрации, включая вице-президента Нельсона Рокфеллера и самого президента США Джеральда Форда. И все с одной целью – чтобы комиссия не опровергла главный вывод судьи Уоррена: убийство Кеннеди совершил одиночка Освальд.

Вначале Гонсалес и Спрейг стали добираться до подлинных организаторов и исполнителей «преступления века». Однако, после того как они обнаружили новые свидетельства, что Кеннеди стал жертвой организованного заговора, против них в средствах массовой информации началась ожесточенная травля. Гонсалеса даже пытались убить в городе Сан-Антонио, штат Техас.

В Вашингтоне ходили слухи, что ЦРУ внедрило в СКРУ своих агентов, которые не допустят, чтобы Гонсалес и Спрейг докопались до истины. Все это послужило причиной того, что оба они в конце концов не выдержали и ушли в отставку. Заключительная фаза работы комиссии была скомкана, хотя она и сумела выявить ряд новых фактов, подтверждавших версию, что Кеннеди был убит в результате заговора. Так, в распоряжении СКРУ оказалась важная улика – магнитофонная лента с записью звуков выстрелов, сделанных по Кеннеди. Три крупнейших эксперта по акустике сделали заключение: в президента стреляли не три раза, как сказано в докладе комиссии Уоррена, а четыре. Это полностью опровергло версию об убийце-одиночке, ибо один человек не мог произвести четыре выстрела за столь короткий отрезок времени. Эксперты доказали, что выстрел был сделан с холма. Они определили с точностью до тридцати сантиметров местонахождение убийцы, прятавшегося там за штакетным заборчиком. Четвертый выстрел раздался в тот момент, когда до замедлившего ход президентского автомобиля осталось меньше сорока метров.

СКРУ попросила судебно-медицинского эксперта определить, могла ли эта пуля попасть в голову Кеннеди, и получила утвердительный ответ.

На основании всех этих данных новый председатель комиссии конгрессмен Л. Стоукс посчитал, что в Далласе стреляли трое террористов, а не один Освальд.

В итоговом докладе члены комиссии заявили, что в президента Кеннеди стреляли два человека, однако они не нашли в себе мужества сделать вывод, что существовал заговор с целью убийства президента Кеннеди. И конечно, ни для кого не было неожиданностью, что расследователи объявили: ФБР и ЦРУ не причастны к покушению. Правда, обе спецслужбы Вашингтона пожурили, что они допустили ошибки при сборе улик, не проявили настойчивости в ходе расследования.

В целом официальные комиссии вели свои дознания таким образом, чтобы замаячить наличие заговора, а не выявить его, и все свалить на убийцу-одиночку. Но американцы в конце концов отказались принять казенную версию. Характерен такой красноречивый факт. Экс-президент Л. Джонсон незадолго до своей кончины в последнем интервью сказал: «Я никогда не верил, что Освальд действовал в одиночку, хотя могу допустить, что он нажал на спусковой крючок». Сомневался даже Джонсон!

Конечно, Джон Кеннеди был убежденным защитником капиталистического строя. Но он – разумный и дальновидный государственный деятель, который понимал: меняющаяся обстановка в мире диктует необходимость внесения некоторых изменений во внутреннюю и внешнюю политику Соединенных Штатов.

20 января 1960 г. принимая присягу, Кеннеди произнес речь. В ней были такие слова: «Если свободное общество не сможет помочь многим, кто беден, то оно не сможет спасти и тех немногих, кто богат». То есть, защищая существующий строй от возможных социальных потрясений, президент призвал капиталистов: давайте отдадим немного, чтобы не потерять все.

В таком духе и стал действовать Кеннеди. Он, например, решил несколько урезать прибыли американских нефтепромышленников. По его указанию подготовили и в июле 1963 года опубликовали проект нового закона о налогах на нефтяные компании, который сокращал доходы хозяев нефтебизнеса на три с половиной миллиарда долларов в год.

Расисты и шовинисты негодовали, когда, проводя свою программу в области гражданских прав, президент добивался предоставления равных прав негритянскому населению. Или когда на одной пресс-конференции на вопрос, может ли случиться, что со временем негра изберут президентом США, он дал положительный ответ.

Реакционным кругам на Юге да и консерваторам на Севере не все нравилось и во внешней политике Кеннеди. Они резко осудили его за «нерешительность», когда агрессивные действия США против Кубы в 1961 и 1962 годах потерпели неудачу. В первом случае он не позволил военно-воздушным силам в больших масштабах поддержать антикастровские отряды, высадившиеся на острове. Особенно этим решением были недовольны в ЦРУ, которое готовило и провело операцию вторжения в Заливе Свиней. А во втором – президент пошел на компромисс с Хрущевым во время карибского кризиса.

Недовольство крупных бизнесменов-консерваторов Юга разделяли руководители главного разведывательного ведомства Вашингтона. Оно, это недовольство, переросло в глухую ненависть, когда

осенью 1963 года братья Кеннеди приказали ЦРУ свернуть разведывательно-диверсионные операции против Кубы, включая подготовку убийства Ф. Кастро, прекратить выпуск фальшивых кубинских денег и изучить возможности нормализации отношений с Гаваной.

Так сложился антиккеннедиевский союз (реакционные нефтепромышленники Юга, мафия и ЦРУ), в котором главную роль – они платили деньги, а следовательно, заказывали музыку – играли хозяева «черного золота».

Для президента Кеннеди и его команды после карибского кризиса стали понятны реалии и опасности ядерного века. Глубокое понимание, какую огромную угрозу для человечества таит в себе ракетно-ядерная война, президент высказал 10 июня 1963 г. в своей знаменитой речи в Американском университете Вашингтона. В ней он призвал американцев пересмотреть свое отношение к гонке вооружений и к Советскому Союзу. Вот его слова: «Если сегодня снова начнется тотальная война, то независимо от того, как она начнется, первыми ее объектами станут наши две страны. Кажется иронией, но это действительно факт: двум сильнейшим державам мира, грозит наибольшая опасность опустошения. Все, что мы создали, все, ради чего мы трудились, – все будет уничтожено... Обе наши страны захвачены зловещим и опасным циклом, в котором подозрения одной стороны порождают подозрения у другой, а в ответ на новое оружие создается контроружие.

Короче говоря, как Соединенные Штаты и их союзники, так и Советский Союз и его союзники глубоко заинтересованы в справедливом и подлинном мире и в прекращении гонки вооружений».

Далее Кеннеди призвал американцев отказаться от привычки рассматривать СССР как вечного врага США. Он говорил о необходимости прекратить «холодную войну», о том, что нужно договориться взаимно сократить военные бюджеты и больше заботиться о повышении жизненного уровня собственных народов.

Это было не что иное, как «новое мышление» в международной политике, только сформулированное за двадцать пять лет до М. Горбачева! Президент США не только провозгласил курс на улучшение отношений между США и СССР, но сразу же предпринял ряд практических шагов. Летом 1963 года была установлена «горячая линия связи» между Вашингтоном и Москвой с целью быстрого выяснения причин возникновения опасных ситуаций и их устранения. 5 августа 1963 г. Соединенные Штаты, Великобритания и Советский Союз подписали в Москве договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах (в атмосфере, космическом пространстве и под водой). США ликвидировали базы с ракетами «Юпитер» в Турции и Италии. Возобновились научные и культурные контакты между США и СССР.

Вот этот новый курс президента Кеннеди – ничего иного предположить нельзя – настолько напугал воротил ракетно-ядерно-нефтяного комплекса в южных штатах, что они решили положить конец такой политике, физически уничтожив ее творца.

Десять лет в общей сложности я пробыл в Соединенных Штатах. Изучил политическую обстановку в этой стране, нравы и обычаи населения, умонастроение народа в 1940–1960-х годах. Исходя из своего опыта, считаю, что вдохновителями и руководителями заговора была небольшая закрытая группа миллиардеров, вероятнее всего, из числа нефтепромышленников южных штатов, которая лишь дала указание убить президента и хорошо оплатила его исполнение. Непосредственными организаторами убийства Кеннеди были один или два опытных специалиста по тайным операциям. Почти наверняка таким можно назвать Клея Шоу, кадрового сотрудника ЦРУ. Он нашел непосредственных исполнителей. Это не составило особого труда: во Флориде, в Техасе, Луизиане было немало гангстеров и кубинских эмигрантов, связанных с разведслужбой Вашингтона. Они прошли снайперскую подготовку в диверсионно-террористических командах, предназначенных для тайной высадки на Кубу. Было в южных штатах немало профессиональных убийц. Известный профсоюзный деятель Джимми Хоффа в начале 60-х годов говорил: «Прикончить человека в США стоит пару тысяч долларов». К слову сказать, сам Хоффа был убит, и его убийцу не разыскали.

Непосредственными исполнителями в «деле Кеннеди» вполне могли быть и такие типы, как сотрудник ЦРУ снайпер Дэвид Ферри, который позднее был уничтожен, надо полагать, как нежелательный свидетель.

Я часто задавал себе вопрос: неужели не могли такие мощные силовые структуры Вашингтона, как ФБР, ЦРУ, другие гражданские и военные спецслужбы, имеющие многочисленную агентуру во всех слоях населения США и особенно среди всевозможных мафиози, гангстеров и антикастровских эмигрантов, найти организаторов и исполнителей «преступления века»? Сейчас я в состоянии совершенно определенно ответить: «Несомненно могли!» Но они сознательно не делали этого, так как тогда бы открылась чудовищная картина заговора, которая легла бы несмываемым черным пятном на все общество американской демократии. Это был бы «позор века» для Соединенных Штатов.

* * *

После пребывания в Вашингтоне в течение трех лет и восьми месяцев я возвратился в Москву. Получил назначение на руководящую работу, связанную с подготовкой кадров для внешней разведки. Читал лекции, вел научно-исследовательскую работу в области деятельности разведслужб, защитил диссертацию и стал кандидатом исторических наук.

Несколько раз выезжал в краткосрочные заграничные командировки для выполнения разовых

разведывательных заданий.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как помнит читатель, автор пришел на службу в разведку в тревожные предвоенные месяцы в начале 40-х годов, а заканчивает свою книгу воспоминаний спустя полвека, в совсем другие времена. Все дальше в Лету уходят трагические и героические события Великой Отечественной войны, отдаляются от нас и годы войны «холодной». Биполярный мир с его упрямой конфронтацией, просуществовавшей более четырех десятилетий, если за точку отсчета взять фултоновскую речь Черчилля, уступает место миру многополюсному, с другой системой отношений: уважения общечеловеческих ценностей, международного сотрудничества и взаимодействия.

Когда думаю о силах, объективно готовивших эти кардинальные перемены, неизбежно прихожу к выводу: немалый вклад принадлежит здесь советской внешней разведке. По оценке специалистов – отечественных и зарубежных, по мнению многих компетентных политиков послевоенного периода, она успешно действовала, способствуя укреплению безопасности и экономического потенциала, увеличению международного веса страны, повышению ее влияния практически на все решающие события второй половины XX века.

Какими бы зловещими красками ни рисовали иные недоброжелатели образ советского разведчика, какой порядочный человек осмелится бросить камень в таких бескорыстных и мужественных граждан мира, как Фукс, Лонсдейл и Абель, с которыми мне довелось делить сложности разведывательного дела? Или в таких, как Рихард Зорге и ему подобные, о подвигах и самом существовании которых общество узнает теперь из раскрытых архивных документов и публикаций, появившихся в разных странах? Они служили Советскому Союзу и в то же время защищали всеобщий мир на Земле.

В 1991 году Советский Союз распался. В России и в мире разные люди по-разному отнеслись к этому историческому факту, к его причинам, мотивам инициаторов. По-разному отнеслись и последствия ждут неоднозначных. Предоставим беспристрастному суду истории вынести окончательный вердикт и отнесемся к факту распада страны как объективной реальности. Поддержим публично выраженное современными политиками стремление построить в России правовое демократическое государство, а на планете – способствовать сожительству народов без межгосударственных войн и межнациональных конфликтов, созданию атмосферы равноправного и взаимовыгодного политического, экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Будем приветствовать желание наших руководителей видеть в Соединенных Штатах не противника, а партнера или даже союзника. Но не нами сказано: одной рукой в ладоши не хлопают. А в Вашингтоне ясные жесты Москвы пока еще встречают, мягко выражаясь, неоднозначную реакцию. Правда, американских политиков понять можно. Обстановка в мире, с одной стороны, побуждает их помогать России разоружаться, менять общественную систему, но, с другой стороны, им, конечно, не хочется вместо советской военной сверхдержавы увидеть в скором времени могущественного экономического конкурента.

Вот почему, воспользовавшись тем, что в результате распада СССР, а также вследствие экономических трудностей и междоусобных конфликтов военный потенциал России ослаблен, за океаном упорно заговорили о существовании на земле единственной супердержавы и ее притязаниях единолично править миром.

Это не мое беспочвенное умозаключение. Около двух лет назад американские газеты опубликовали подробные выдержки из секретной директивы на 1994–1999 годы, подготовленной Пентагоном. В ней указывается, что в обозримом будущем США должны стать непререкаемым лидером в мире, единственной сверхдержавой, у которой не должно быть соперников. Там же утверждается: в случае необходимости Вашингтон откажется от коллективных действий в рамках ООН и будет совершать односторонние военные акции, а также наносить превентивные удары прежде всего по странам, имеющим оружие массового уничтожения.

Может быть, скажет иной читатель, эта директива не больше чем давняя «домашняя» заготовка, рудимент «холодной войны», эхо того времени, когда один из американских президентов называл нашу страну «империей зла». Но зачем же эти заготовки понадобилось вытащить на свет божий спустя три месяца после того, как «империя» рухнула, а ее первый президент отрекся от своего поста? Мне бы очень не хотелось, чтобы, прочитав эти строки, иной читатель подумал: Феклисов почти всю сознательную жизнь провел в разведке и потому пытается «воскресить образ врага». Могу заверить, что ни я, ни подавляющее большинство моих коллег никогда не видели. в США, а тем более в американском народе врага. Подобно плохому хирургу, который по всякому поводу и без повода берется за скальпель, только плохой разведчик во всех странах и во всех людях видит противника и всякий раз хватается за средства конфронтации, а то и злостной дезинформации. Что бы ни говорили об истории советской разведки наши недоброжелатели, большинство ее сотрудников и агентов в фокусе своих целей и действий видели благополучие всех стран, мирное соžitельство всех народов.

Следовать этой высокой цели – значит без всякой предвзятости и предубеждения видеть действительные процессы, происходящие в стране действия разведчика. Применительно к современной Америке эти процессы, к сожалению, не дают основания выдавать желаемое (идею равноправного партнерства) за действительное. В самом деле, если принять упомянутую директиву Пентагона просто

за рудимент «холодной войны», то как можно равнодушно пройти мимо того факта, что не так давно новый директор центральной разведки (этот пост по совместительству занимает директор ЦРУ Джеймс Вулси) на слушаниях в специальном комитете по разведке сказал, что с распадом СССР мир не стал безопаснее? Заявив о якобы растущей угрозе национальным интересам США, он высказался против сокращения ассигнований на разведку. Вулси вторил президенту Клинтону, который при вступлении в должность в речи 20 января 1993 г. заявил о готовности новой администрации продолжать политику обеспечения американских интересов во всем мире, сохранения для страны роли лидера и, когда нужно, использовать силу.

В контексте рассматриваемой нами темы важно отметить также, что правящие круги США не скрывают, что для осуществления своей политики им необходимо сохранить имеющуюся централизованную систему разведки, постоянно повышать эффективность ее деятельности во всех районах мира, а также на водных пространствах и в космосе.

Такая система существует уже сорок пять лет и включает помимо головной организации – ЦРУ дюжину специальных служб при различных министерствах и ведомствах. По оценке специалистов (точные данные строго засекречены), в разведывательном сообществе Вашингтона заняты двести – двести двадцать тысяч человек, а ежегодные ассигнования на разведку составляют около 28 миллиардов долларов.

Конгресс и правительство постоянно работают над законами и решениями, призванными создавать благоприятные условия для конспиративной деятельности разведки. Сейчас законодатели, как сообщают американские средства массовой информации, рассматривают предложение о наделении директора центральной разведки полномочиями привлекать по его усмотрению к выполнению разведывательных заданий любого сотрудника любого федерального ведомства или учреждения. При этом главное внимание уделяется работе против стран СНГ и Восточной Европы, КНР, КНДР, Вьетнама, Кубы. Усиливается разведывательная деятельность также в Германии и Японии, с тем чтобы не допустить их превращения в супердержавы и соперников США.

В прошлые годы советская разведка по численности сотрудников и денежным ассигнованиям значительно уступала американской. В связи с возникшими бюджетными трудностями руководство Российской Федерации было вынуждено сократить штаты разведки: персонал за рубежом уменьшили на пятьдесят процентов, в центральном аппарате – на тридцать. Сменили верхний эшелон руководства и произвели значительные изменения в его среднем звене. При этом не обошлось без потерь. Многие опытные профессионалы, потеряв перспективу и испытав чувство неопределенности, по собственной инициативе ушли из разведки, что еще больше ее ослабило.

Прежде большую часть ценной агентуры наша разведка приобретала из числа высокопоставленных правительственных сотрудников, ученых капиталистических стран, которые в силу своих прогрессивных убеждений, рискуя собственным высоким положением и даже жизнью, передавали нам важные сведения, считая, что этим самым укрепляли нашу государственную безопасность и наносили ущерб силам реакции и войны. Теперь, особенно на первых порах, привлечение новой агентуры будет основательно затруднено.

Огромный ущерб внешней разведке нанесли предатели. Из-за них пришлось отвести от деятельности опытных разведчиков, а десятки агентов, передававших нам ценную информацию, оказались в тюрьмах.

Несомненный вред причинили необдуманное, подогретые стремлением к сенсационности, публикации некоторых органов массовой информации. Их авторы, может быть, сами того не ведая, раскрывали важные секреты, создавая негативное общественное мнение о разведке и нервозную обстановку в разных ее эшелонах. Но эти две проблемы – предмет особого разговора, тем более в нашем обществе по ним существуют разные, порой полярные взгляды.

Боюсь, что в настоящее время Служба внешней разведки ослаблена. А учитывая, что наша цель – возрождение России как могучего государства, оно просто обязано иметь сильную, успешно действующую разведку.

Поэтому, несмотря на все сложности переживаемого момента, уже сейчас нужно постепенно, продуманно, не допуская ошибок и спешки, совершенствовать нашу разведывательную систему с учетом изменившейся обстановки в стране и в мире.

Крайне важно, на мой взгляд, чтобы было принято законодательство, защищающее тайную деятельность внешней разведки от расконспирации. В принятом 8 июля 1992 г. Законе Российской Федерации о внешней разведке об этом говорится лишь в самых общих чертах. Было бы целесообразно дополнить этот закон статьями, хотя бы приближающимися к тому, что существует в цивилизованном мире, в частности в законодательстве США. Там, например, записано, что лицо, работающее или работавшее в разведке и разгласившее секретные сведения, что нанесло материальный или моральный ущерб разведслужбе или ее сотрудникам, привлекается к судебной ответственности и может быть осуждено к тюремному заключению, или к крупному денежному штрафу, или же к обоим этим наказаниям одновременно. Если такое разглашение сделало лицо, не работающее в разведке, например журналист, то оно в судебном порядке может быть также приговорено к заключению в тюрьме, или денежному штрафу, или же к обоим наказаниям одновременно.

Служба внешней разведки должна систематически освобождаться от людей своекорыстных, морально неустойчивых, которые способны свои личные интересы противопоставить интересам

возрождения России. Как это ни банально звучит, в эту организацию необходимо подбирать людей глубоко преданных Родине, психологически устойчивых, честных, порядочных, мужественных и трудолюбивых, словом, способных переносить все сложности и трудности этой необычно опасной профессии.

В прошлом мы нередко страдали от бесконтрольности людей, волей случая вознесенных на самые высокие этажи в разведке. От некомпетентности и своеволия некоторых таких руководителей терпели несправедливые унижения многие умные и самоотверженные разведчики-профессионалы, снижалась эффективность работы, компрометировалось доброе имя страны. Чтобы исключить подобное в дальнейшем, было бы полезным, на мой взгляд, в какой-то мере использовать американский и европейский опыт – создать при президенте специальный комитет, который выполнял бы контрольные и консультационные функции в отношении службы внешней разведки. В него могли бы войти независимые политические деятели, военные, руководители крупных предприятий, ученые и другие лица, пользующиеся авторитетом в обществе. Они рассматривали бы наиболее важные аспекты разведывательной деятельности и время от времени представляли бы президенту (как это делается в США) доклад о состоянии разведки и рекомендации по ее совершенствованию.

Мы живем в сложном и многополюсном мире, полном всяческих противоречий, где сталкиваются самые несходные государственные и национальные интересы, где еще очень далеко до глобального решения проблем войны и мира. Сознательно участвовать и благотворно воздействовать на решение этих проблем Россия сможет лишь при условии, если ее политическое руководство будет обладать всей полнотой достоверной информации о широком спектре явлений и событий, происходящих в мире. Без разведки это пока немыслимо. Поэтому-то государство и общество должны уделять внешней разведке то внимание, которое было бы адекватно сложности стоящих перед ней задач, ее многотрудной деятельности.